

Г. В. Жирков

**ПРЕДСМЕРТНАЯ ЦЕНЗУРНАЯ НЕДЕЛЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО
Астаповская драма**

Санкт-Петербург
2011

Г. В. Жирков

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЦЕНЗУРНАЯ НЕДЕЛЯ
Л. Н. ТОЛСТОГО
Астаповская драма

Санкт-Петербург
2011

ББК 76.01

Ж73

Р е ц е н з е н т ы: д-р филол. наук *Г. И. Щербакова* (Тольяттин. гос. ун-т), канд. филол. наук *С. Н. Ущиповский* (С-Петербургский гос.ун-т)

Жирков, Г. В.

Ж73 Предсмертная цензурная неделя : астаповская драма / Г. В. Жирков. — СПб. : Филологический ф-т СПбГУ, 2011. — 148 с.

ISBN 978-5-8465-1048-7

Книга является продолжением вышедшей в 2009 г. монографии «Л. Н. Толстой и цензура». События последних дней жизни великого писателя — особая страница не только его биографии, но и истории цензуры, вобравшей в себя все стороны доведенного до абсурда государственного контроля за деятельностью и жизнью Толстого. Впервые обобщен документальный материал об этом и показано отношение общества и журналистики к происходившей трагедии.

Книга предназначена всем интересующимся русской культурой, литературой и журналистикой; преподавателям гуманитарных дисциплин и студентам.

ISBN 978-5-8465-1048-7

ББК 76.01

© Жирков Г. В., 2011

© Филологический ф-т СПбГУ, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Репетиция	12
Драма — на грани государственного абсурда	26
Скажи только одно слово: «Каюсь!»	56
Выполняя и на службе долг человека	73
Миссия журналистов	80
Прощание России с Л. Н. Толстым	96
Заключение	107
Использованная литература	114
<i>Приложение 1.</i> Секретная переписка тульских архиереев Парфения и Евдокима с тульским губернатором Д. Д. Кобеко о погребении Л. Н. Толстого	118
<i>Приложение 2.</i> Рапорт Правительствующему Синоду епископов калужского и боровского Вениамина	120
<i>Приложение 3.</i> Донесение игумена Варсонофия епископу калужскому и боровскому Вениамину	123
<i>Приложение 4.</i> Документы из дела московского охранного отделения № 1494 за 1910 г., хранящиеся в центральном архиве революции	125
<i>Приложение 5.</i> Фотоматериалы	140

Введение

...Страдание и самоотвержение всегда будут уделом мыслителя и художника.

Л. Н. Толстой

Лев Николаевич Толстой и Россия — сопоставимые величины, как Иоганн Вольфганг Гете и Германия, Вильям Шекспир и Англия. «Мы — те, кто говорит на языке Шекспира», — так определяют себя англичане. «Мы — те, кто говорит на языке Толстого», — могут сказать русские.

Но мы — и те, которые не все знают о Толстом. В начале перестройки со страниц печати прозвучал парадоксальный вопрос: «Не пора ли „реабилитировать“ и Толстого?» В статье «Лев Толстой, как зеркало перестройки» (1990) Илья Константиновский справедливо замечал, что, хотя идет процесс реабилитации русской философской и религиозной мысли, запрещенной после революции 1917 г., изданы Н. Бердяев, С. Булгаков, Н. Федоров, В. Розанов, этот процесс не затронул наследия Толстого, произведения которого в советский период выходили в свет выборочно, «почти все, что он написал в последние 30 лет жизни, было у нас под запретом»; не создана на родине Толстого и его научная биография [Константиновский, 1990, с. 11].

Действительно, Толстой — великий писатель — спутник наших хрестоматий с детства. Толстой-беллетрист был воспринят и понят всеми, даже властью. А вот Толстой — мыслитель, философ, публицист, ставивший острейшие вопросы современности, был большинству, тем более власти (не только советской), не угоден и не удобен. Власть контролировала каждый его шаг с 1880-х годов.

Толстой жил в 1828–1910 гг., но одновременно он жил и в другом временном пространстве. Он опередил свою эпоху. Его нравственный закон еще не постучался в двери Земли — дома народов, населяющих его. Еще не написан задуманный им учебник-самоучитель по «совершенно новому предмету» — «Истории нравственного движения человечества» [Булгаков, 1960, ч. 60]. Время в этом смысле остановилось.

Прошло 100 лет со дня смерти Толстого. После этого было две кровопролитные мировые войны, испытание на людях атомной бомбы, человечество бездумно прожигало, проедало, уничтожало природу. Торжествует безнравственность под лозунгом «Делать деньги!». Самоучитель, задуманный Толстым, сейчас был бы крайне актуален. Вызывает сомнение то, что человечество в нравственном отношении прогрессирует. Проповедь Толстого и его взгляды на человеческое бытие казались и кажутся иллюзорными и утопичными. Он посягал на то, что кажется неизблемым в человеческой цивилизации, то, что добыто опытом: без войн — нельзя, без собственности — нельзя, без денег — нельзя.

Однако Толстой был и человеком своего времени. Порвать пуповину, которая прочно связывала его с этим временем, ему было трудно. 29 августа 1910 г. — в последние месяцы жизни — он писал в дневнике, своем повседневном собеседнике:

«Странная моя судьба и странная моя жизнь!... Не могу, не умею, не имею сил выбраться из этой ужасной, мучающей меня среды... Может быть, это мое положение затем, чтобы я сильнее, без примеси зависти и озлобления, а с чувством раскаяния и стыда сознавал бы это и яснее, живее высказал бы всю ложь, весь ужас этого положения... Да, только бы дал Бог силы обличить громко, сильно, так, чтобы услышали. Помогите Бог» [Толстой, 1992, т. 58, с. 212].

Его мучила совесть. Он проповедовал одно, а жил отчасти не так, как учил других. В переписке с вопрошавшими об этом он находил ответы. Но вот один из самых близких ему по взглядам в 1880–1890-е годы людей Михаил Осипович Меньшиков (1859–1918), заняв нишу основного официального публициста России начала XX в., разошелся с Львом Николаевичем на почве политики, от

стаивания интересов государства¹. Он все чаще всегласно, в «Новом времени», одной из ведущих газет страны, и в своем публицистическом дневнике «Письма к ближним» (1902–1916), упрекал Толстого в двойственном характере его жизни и проповеди, даже тогда, когда Лев Николаевич был близок к смерти.

4 ноября 1910 г. в «Новом времени» в статье «Урок молодежи» Меньшиков уже призывал юных не следовать примеру Толстого, который «исчерпал себя»: он вернется в Ясную Поляну или на новом месте так же с комфортом устроится. Лев Николаевич сам, предвидя такую позицию оппонентов, давно над собой иронизировал. Возражая собеседникам, он однажды сказал: «...Всякий думает: проклятый старикашка, говорит одно, делает другое и живет иначе; пора тебе подохнуть, будет фарисействовать-то!» [Булаков, 1960, с. 105].

6 ноября в статье «Выход из плена», отражая надежды власти, Меньшиков высказывает точку зрения на «уход Толстого» как на его стремление примириться с государством и Церковью, поскольку он бежал от «сектантов религии и политики», от «духа революционного ажиотажа», от «антигосударственной и антирелигиозной интеллигенции». Эти насочки Меньшикова уже тогда были отмечены и осуждены сторонними наблюдателями. «Бунтующая совесть давно призывала Толстого, отрицающего государство и собственность, к ответу, — замечала газета «Уральский край» 1 ноября 1910 г. — Казню для него многие годы была совместность духовного проповедничества и пользования житейскими благами, с одной стороны, и напоминание ему об этом Меньшиковым и другими — с другой».

Публицист Меньшиков в полемике не побрезговал использовать принцип перевернутой логики. Главного обличителя пороков цивилизации, современного государства, его репрессивности он превращает в сторонника этого государства. Общественное движение в память Толстого проходило в 1910 г. под знаком протеста именно

¹ Советская точка зрения на отношения Л. Н. Толстого и М. О. Меньшикова в концентрированном виде находит место в книге Б. С. Мейлаха «Уход и смерть Льва Толстого». Нарушая исторический подход к анализу фактографии прошлого, вопреки самим фактам, Мейлах по-ленински характеризует Меньшикова как «завязтого реакционера», «одного из злейших» врагов Толстого [Мейлах, 1960, с. 159]. Об отношениях Толстого и Меньшикова см. в нашей статье «Нравственные основы толерантности: уроки из жизни Л. Н. Толстого» [Жирков, 2008, с. 191–213].

против репрессий власти, за отмену смертной казни, как того требовал Толстой.

Проблема «ухода Толстого» занимает в научной и публицистической литературе большое место. «Сам уход писателя был событием огромной важности для всей России, если не для всего мира», — пишет современный исследователь, священник Г. Ореханов². Ученые предлагают разные трактовки событий последних дней жизни Толстого. При этом часто в словесном потоке теряется многое из того, что же тогда происходило в Астапове, где нашел себе приют больной писатель.

Вместе с тем учеными, архивариусами был собран и издан значительный фактографический материал. Он стал публиковаться уже в революционные годы. К примеру, в 1917 г. были обнародованы документы министерства внутренних дел, объединенные под названием «Похороны Льва Толстого до его смерти (1902 г.)» (Былое. 1917. № 2(24), авг. С. 11–114). В 1920 г. в историческом журнале «Дела и дни», уже давно ставшие раритетом, А. С. Николаев, входивший в редакционный комитет этого издания, напечатал в первом номере статью — обзор архивных документов «К последним дням жизни Льва Николаевича Толстого» и ряд этих документов, показывающих отношение Русской Православной церкви к событиям в Астапове (Дела и дни. 1920. № 1. С. 271–302).

На протяжении 1920–1930-х годов из архивов были извлечены многие интересные документы. Они обычно появлялись на страницах журнала «Красный архив»: «Из материалов о Л. Н. Толстом» — публикация «Дела Московско-Камышинского жандармского полицейского управления железных дорог с перепискою о пребывании графа Толстого на станции Астапово» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 338–131); «К биографии Л. Н. Толстого (1901–1902 гг.)» (Там же. 1934. Т. 2(63). С. 126–130); публикация И. Д. Покровской документов об общественном, студенческом движении после смерти Л. Н. Толстого (Там же. 1935. Т. 6(73). С. 211–220) и др.

Однако наиболее полное собрание разных материалов, касающихся ухода Л. Н. Толстого, было помещено в книге «Смерть Толстого: по новым материалам» (1929), замечательно исполненном издании Публичной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Одновременно

² Ореханов, 2009, с. 93. — Эта фраза повторена им в новой монографии [Ореханов, 2010].

вышла в свет книга в Рязани «Л. Н. Толстой в Астапове и царская власть (неопубликованные материалы из секретной переписки рязанского губернатора)», подготовленная и прокомментированная местным ученым И. И. Проходцевым в 1929 г. и повторно выпущенная там же в 1995 г. Она послужила ценным дополнением уже опубликованных документов.

Кроме того, в самой литературе о Толстом, в основном советского периода, приводится значительное число документов тех лет, найденных исследователями в хранилищах страны. Таковы книги Н. Н. Апостолова «Лев Толстой и русское самодержавие. Факты, воспоминания, документы» [Апостолов, 1930], Б. С. Мейлаха «Уход и смерть Льва Толстого» [Мейлах, 1960] и др. Ряд интересных для нас архивных документов содержит вышедшая из печати в 2009 г. книга священника Г. Ореханова «Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого» [Ореханов, 2009]. Эта работа полностью вошла в монографию Г. Ореханова «Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников» [Ореханов, 2010], в которой поставлена задача изучить «проблему возникновения проповеди Л. Н. Толстого в определенных культурно-исторических условиях и проблему его восприятия современниками».

В середине 1960-х годов состоялся, можно сказать, своеобразный диалог, имеющий отношение к нашему разговору, поясняющий целый ряд нюансов событий последних лет жизни Толстого. Это книги Вал. Ф. Булгакова «О Толстом. Воспоминания и рассказы» [Булгаков, 1964] и С. Л. Толстого «Очерки былого» [Толстой, 1965]. В журнале «Русская литература» в 1966 г. появился отклик на их выход — критическая статья Н. Гусева «Две книги о Л. Н. Толстом».

Н. Гусев, хорошо знавший и то, что происходило в доме Толстых, и самих авторов книг, дает высокую оценку книге Сергея Львовича, высказывая при этом ряд критических замечаний. «Книги и статьи С. Л. Толстого, — обобщает он, — могут служить образцом того, как следует писать воспоминания, невзирая на лица даже самых близких родных» [Гусев, 1966, с. 216].

Что касается книги Вал. Ф. Булгакова, то Гусев аргументированно полемизирует со многими его утверждениями, высказанными в статьях «Замолченное о Толстом» и «Уход и смерть Л. Н. Тол-

стого». Он дает целый ряд уточнений к тем фактам и событиям, которые описывает Булгаков. Особый интерес для исследователей жизни и деятельности Толстого представляет взвешенный подход Гусева к сложной личности В. Г. Черткова, который подвергается обличению со стороны Булгакова, к отношениям, сложившимся между Софьей Андреевной и Чертковым [Там же, с. 220–226].

Без сомнения, имеют большой научный интерес и воспоминания жены Л. Н. Толстого, других его сыновей и дочерей; участников тех исторических событий. Эти мемуары конкретизируют, уточняют и детализируют эти события; в них рассказывается о том, что казалось для друзей, близких и родных Толстого тогда наиболее важным, что осталось в памяти [Чертков, 1922; Семёновский, 1924; Маковицкий, 1938; Булгаков, 1989, и др.].

Среди мемуарной литературы выделяются объективным подходом, корректностью воспоминания об этих днях Татьяна Львовна Толстой «О смерти моего отца и отдаленных причинах его ухода» (на фр. яз.: Еугоре. 1928. N 67, 15 Jul.), вышедшие в ответ на попытки посторонних людей разобраться в интимных отношениях ее родителей³.

«Если я прерываю молчание, — заявляла старшая дочь Толстого, — то это вызвано тем, что в печати появились книги, написанные друзьями моего отца и дающие фальшивую картину отношений моих родителей между собой и пристрастный, искаженный портрет моей матери. В этих книгах описанные факты, как правило, точны, но, говоря словами Гоголя, — ничего нет хуже правды, которая не правдива» [Сухотина-Толстая, 1980, с. 357]. Рассказывая о полной драматизма жизни родителей, Татьяна Львовна приходит к выводу: «Они жили бок о бок, как добрые друзья, но чужие друг другу, полные большой и искренней взаимной любви, но все более и более сознающие, как много их разделяет. И в его голове (отца. — *Ред.*) зарождается мысль, которая становится все навязчивее: порвать с этой жизнью и начать новую, более соответствующую его убеждениям» [Там же, с. 377].

В этих воспоминаниях важна не сама фактография, а тот ис-

³ Мемуары Т. Л. Сухотиной-Толстой написаны до 1925 г. К этому времени вышли в свет: статья О. Волжанина «Правда о С. А. Толстой» (Вестн. лит. 1921. № 6–8), книга В. Г. Черткова «Уход Толстого», [Чертков, 1922], двухтомник А. Б. Гольденвайзера «Вблизи Толстого» [Гольденвайзер, 1923], «Биография Льва Николаевича Толстого» в четырех томах [Бирюков, 1923] и др.

кренний анализ взаимоотношений двух родных автору людей, которые волей-неволей проходили перед ее глазами, ранили ее душу и сердце. Завершая исследование, Сухотина-Толстая заключает: «Такова в основном жизнь этих двух людей, столь же связанных взаимной любовью, сколь и разобщенных в своих стремлениях. Бесконечно близкие друг другу и в то же время бесконечно далекие. Еще один пример извечной борьбы между величием духа и властью плоти.

И кто возьмет на себя смелость указать виновного?..» [Там же, с. 414].

И нужно ли его искать в этом случае? — зададимся вопросом и мы.

В предлагаемой читателю работе, которая является продолжением вышедшей в 2009 г. монографии «Л. Н. Толстой и цензура», сделана первая попытка обобщить документальный материал о последней неделе жизни Л. Н. Толстого, накопленный к этому времени, и показать, как же развивались события в Астапове, воспринимавшиеся современниками ни много ни мало как сенсационные. «Это известие, — вспоминает, имея в виду уход Толстого, В. Ф. Джунковский, — произвело очень большую сенсацию во всех кругах» [Джунковский, 1997, с. 509]. Газеты с нею, по свидетельству С. Н. Дурылина, рвали из рук [Дурылин, 1991, с. 285].

«Совершенно не поддается даже приблизительному учету литература, вызванная уходом и смертью Льва Николаевича, отозвавшаяся в самых отдаленных уголках мира, — замечает в 1916 г. библиограф А. Л. Бем. — Некоторое представление об этом дают коллекции газет Петербургского музея (Толстого. — Г. Ж.) за этот период, ныне переплетенные в 18 объемистых томов. Список периодических изданий за октябрь — ноябрь 1910 г. занимает 15 страниц в Описании Петербургского музея, числом 636 названий» [Бем, 1916, с. 14–15]. Это описание было издано в 1912 г. Список расположен на с. 171–185. По распоряжению Осведомительного бюро из периодики были вырезаны публикации, которые составили 20 томов. Они были преподнесены в дар Толстовскому музею.

Весь мир с напряженным вниманием следил за трагическими событиями в Астапове, отдавая дань почестей великому русскому писателю. Иначе подходили к этим событиям власти России, для которых Толстой, как критик государства и его репрессивной

политики, обличитель официальной Церкви, современного ему устройства жизни вообще, как неустанный борец за справедливость и мир во всем мире, был не приемлем — даже в те трагические дни в Астапове, буквально каждая минута зафиксирована в русской и мировой прессе. Слежка за Толстым и его окружением, военные приготовления официальной власти к уходу Толстого из жизни были доведены тогда до абсурдной драмы.

Сама же реакция власти на астаповскую трагедию, масштаб развернутых ею при этом боевых маневров показывает, какое огромное значение в жизни России имел Толстой, его Слово, его Деяние. И это же показывает отношение к Толстому русского общества, которое довольно противоречиво встречало взгляды писателя и мыслителя, его советы и проекты, но оно, особенно будущее страны — молодежь, отчетливо понимало или, во всяком случае, внутренне ощущало, что Толстой отражает лучшие нравственные импульсы эпохи, ее внутренний зов к добру и любви к ближним; выражает совесть мира, без которой жизнь мертвеет.

РЕПЕТИЦИЯ

«...В случае разрешения перевоза тела графа Льва Толстого в Ясную Поляну, немедленно телеграфировать мне о дне вывоза тела и пути, которым таковое будет направлено».

30 января 1902 г.

Предписание таврического губернатора

Волею судьбы больной Л. Н. Толстой 31 октября 1910 г. оказался на станции Астапово (Рязанская губерния), где 7 ноября ушел из жизни. Последние годы Лев Николаевич редко покидал Ясную Поляну, но любое его передвижение из нее контролировалось властью.

Еще в самом начале XX в. семидесятилетний писатель стал прихварывать. Дополнительным стрессом для него стал акт Св. Синода, зафиксировавший 20–22 февраля 1901 г. отпадение Толстого от Церкви, и последовавшие за ним события [см.: Петров, 1978; Жирков, 2009]. Вслед за этим документом появилось распоряжение Главного управления по делам печати за № 1579 от 24 февраля 1901 г. «О непоявлении в печати сведений и статей, относящихся к постановлению Синода», срочно разосланное по цензурному аппарату: «В № 8 „Церковных ведомостей“ от 24 февраля обнародовано определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г. № 557 с посланием о графе Толстом. Главное управление по делам печати по приказанию г. Министра внутренних дел и на основании статьи 140 Устава о цензуре и пе-

чати сообщает цензурным комитетам и гг. отдельным цензорам по внутренней цензуре для руководства и исполнения, что упомянутое определение Святейшего Синода, равно как и послание о графе Льве Толстом, могут быть перепечатаны; всякое же обсуждение определения Святейшего Синода и послания, а равно и всякого рода статьи по этому поводу, безусловно, не должны быть дозволяемы к печати»¹.

Однако этого документа руководству цензурой показалось недостаточно. 26 марта 1901 г. Главным управлением по делам печати был распространен адресованный губернаторам секретный циркуляр за № 2519:

«После обнаружения послания Святейшего Синода о графе Л. Н. Толстом газеты стали усиленно печатать телеграммы и известия, выражающие сочувствие этому писателю.

Ввиду того, что выражение в печати сочувствия графу Толстому при настоящих условиях приобретает характер как бы протеста против послания Святейшего Синода, Главное управление по делам печати по приказанию г. Министра внутренних дел имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение о том, чтобы подобного рода телеграммы и известия не были дозволяемы к печати в повременных изданиях» (Былое. 1917. № 2(24), авг. С. 112).

Таким образом, весь столичный и местный цензурный аппарат получил задание контролировать публикации прессы о Л. Н. Толстом [см.: Жирков, 2009, с. 151–164].

Сразу же после помещения в журнале «Миссионерское обозрение» (1896–1899, Киев; 1899–1916, С.-Петербург) статьи Л. Н. Толстого «Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому поводу письма» 22 июня 1901 г. вышел в свет новый циркуляр за № 5167, обращенный к губернаторам: «Главное управление по делам печати по приказанию г. Министра внутренних дел имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать зависящее распоряжение по местной цензуре о том, чтобы в повременных изданиях не было дозволяемо перепечатание из июньской книжки журнала „Миссионерское обозрение“ статьи „Новая исповедь графа Л. Н. Толстого“» [Фойницкий, 1966, с. 175].

¹ Фойницкий, 1966, с. 175. — Автор ввел в научный оборот ряд новых документов и уточнил некоторые из опубликованных ранее.

Замолчать «Ответ» великого писателя Церковь не могла. Он был опубликован в конфессиональной печати с пропусками мест, где, как говорилось в комментарии к нему, «граф Толстой нападает на таинства христианской веры и церкви, иконы, богослужение, молитвословие и пр.», поскольку такие места его статьи оскорбляют религиозные чувства верующих (Церковный вестн. 1901. № 27. С. 860).

Без купюр статья Толстого вышла за границей в 1901 г. в «Листках свободного слова» (№ 22), в России же — только в 1905–1906 гг. Позднее Ответ Синоду снова оказался под запретом. В 1911 г. по решению Московской судебной палаты он был вырезан из выходявшего тогда тома сочинений писателя [см. Петров, 1978, с. 67]. Это, однако, не стало препятствием к его распространению во всем мире.

Вся эта кампания вокруг определения Св. Синода сопровождалась потоком писем Толстому, содержавших и прямые угрозы расправиться с еретиком. Эмоциональное напряжение, тревожения сказались на здоровье Толстого. Он заболел. Врачи посоветовали ему сменить климат, поехать в Крым. Осенью 1901 г. Толстой уехал в Гаспру. Состояние Льва Николаевича было таким, что в дневнике его жены Софьи Андреевны в январе 1902 г. появилась душераздирающая запись: «**Мой Левочка умирает...**» [Дневники Софьи Андреевны Толстой, 1932, с. 172]. Он находился на грани жизни и небытия.

Главное управление по делам печати уже готовилось к его кончине. Телеграммы, содержавшие запросы о здоровье Толстого, не принимались. Было запрещено выставлять портреты писателя в общественных местах, витринах магазинов. А. С. Суворин, известный издатель, публицист и общественный деятель, писал об этих мерах бюрократии с иронией в дневнике 1 февраля 1902 г.:

«31 января отобрали подписку в магазине не выставлять портретов Толстого и от Главного управления по делам печати сказали, что портрет Толстого нельзя помещать ни в каком случае и никогда. Очевидно, эти парни рассчитывают на бессмертие! Действительно, бессмертные дураки, ибо трудно предположить в будущем еще больше дураков. Когда Гоголь умер 50 лет тому назад, Тургенева посадили под арест за то, что он напечатал статью о Гоголе, назвав его гениальным писателем. Теперь Гоголь во всех

учебных заведениях, и ему ставят памятники» [Дневник Алексея Сергеевича Суворина, 1992, с. 334].

«Совсем не надо 50 лет, чтоб Толстой дождался памятника, а Сипягин позорного клейма на свой идиотский лоб, — саркастически замечает Суворин. — Неужели этот господин с кем-нибудь советуется, и ему поддакивают в его глупых распоряжениях? Чудесно это „изволил“ в циркуляре Главного управления. Доселе в этих циркулярах никогда не было этого слова. Уж на что Александр III — и тот сам вычеркивал слово „изволил“ в отчетах гафзетных, если ему их подносили на утверждение. А вот Сипягин уж „изволит“, как император» [Там же, с. 335–336].

31 марта 1902 г. А. П. Чехов побывал у Толстых в Гаспре. Он, по словам В. М. Дорошевича, беседовавшего с Антоном Павловичем позднее, так вспоминал «страшный вечер в Крыму»:

«Толстой умирал.

— Думали, что он отходит. Я, как доктор, видел, что это уже агония. Все подходили прощаться. Вы понимаете? На моих глазах умирал Толстой! И вдруг вижу, он делает рукой мне знак, чтобы я подошел. Подхожу, нагибаюсь. А он еле слышно мне с трудом: „А все-таки ваши пьесы не пьесы“. А? Каков?» [Дорошевич, 2008, с. 576].

Тяжелая болезнь Толстого вызвала беспокойство во всем мире, переполошила власть страны: как бы чего не вышло, не произвело бы излишних волнений в обществе, излишне свободных разговоров. Власть и цензурное ведомство при этом проявили сверхбдительность. Уже 4–6 июля 1901 г. Министерство внутренних дел в лице товарища министра кн. П. Д. Святополк-Мирского разослало всем губернаторам, градоначальникам и обер-полицеймейстерам шифрованную телеграмму относительно могущих возникнуть ходатайств о чествовании памяти Толстого: «В случае кончины находящегося в крайне болезненном состоянии писателя графа Льва Толстого могут возникнуть ходатайства о чествовании его памяти и устройстве посему разных собраний и вечеров. Необходимо отнестись к разрешению таковых крайне осмотрительно, давать разрешения лишь известным, благонадежным лицам; следить за неуклонным выполнением программ в пределах разрешенного и не допускать никаких демонстративных речей, действий и манифестаций» (Былое. 1917. № 2, авг. С. 111). Эту телеграмму получил и

таврический губернатор, шталмейстер Двора Его Величества Лазарев (см.: Красный архив. 1934. Т. 63. С. 127).

За больным писателем с этого времени была установлена еще более интенсивная слежка, фиксировался почти каждый его шаг, о чем свидетельствуют документы сыска. Вот как рисует обстановку тех дней в Крыму Максим Горький: «Толстой был настолько опасно болен, что, ожидая его смерти, правительство прислало из Симферополя прокурора, и чиновник сидел в Ялте, готовясь, как говорили, конфисковать бумаги писателя. Имение графини С. Паниной, где жили Толстые, было окружено шпионами, они шлялись по парку, и Леопольд Сулержицкий выгонял их, как свиней из огорода. Часть рукописей Толстого Сулержицкий² уже тайно перевел в Ялту и спрятал там» [Горький, 1963, с. 102].

Губернатор Таврической губернии 7 июля 1901 г. разослал всем начальникам полиции секретный циркуляр, слово в слово повторяющий текст товарища министра внутренних дел. Распространение такого рода официальных секретных бумаг привело к появлению слухов о кончине Толстого. 17 ноября Лазарев получил паническую телеграмму от харьковского губернатора Тобизена: «Благоволите телеграфировать, правда ли, что умер граф Лев Толстой. Здесь ходит слух: опасность демонстраций».

Этот документ подтолкнул таврического губернатора к усилению контроля за Толстым и к регулярному получению информации о состоянии его здоровья. 18 ноября он отправил ялтинскому исправнику шифрованную телеграмму: «<В> случае ухудшения здоровья или смерти графа Льва Толстого немедленно телеграфируйте. Сообщите телеграммой, как его здоровье теперь». Исправник Греков в тот же день ответил начальнику: «Немного хворает. Опасности нет».

Но уже 12 декабря к Лазареву пришла от исполнявшего обязанности ялтинского исправника Фрейганга телеграмма другого характера: «Десятого декабря граф Толстой прибыл в Ялту на дачу Иловайского к дочери княгине Оболенской. Заболел, лежит в постели». Губернатор 13 декабря в шифрованной телеграмме сообщал князю Святополк-Мирскому: «Граф Толстой переехал из Га-

² Л. А. Сулержицкий (1872–1916) — режиссер Московского художественного театра, художник, критик и литератор.

спры в Ялту, заболел, лежит в постели». 28 января Лазарев получил от исправника Грекова телеграмму, положившую начало работы заготовительно-документальной полицейской машины: «Граф Толстой опасно болен»³.

Несколько ранее обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, по версии П. А. Буланже (1865–1925), близкого знакомого Толстых, «принял самые неожиданные и невероятные меры». К дому в Гаспре, где жила семья больного Толстого, прилегал домовая церковь, которая посещалась священниками. Победоносцев якобы «отдал распоряжение местному духовенству, чтобы, как только станет известно о кончине Льва Николаевича, священник вошел в дом, занимаемый им... и, выйдя оттуда, объявил окружающим его и ожидавшимся у ворот лицам, что граф Толстой перед смертью покаялся, вернулся в лоно Православной церкви, исповедался и причастился; и духовенство, и Церковь радуются возвращению в лоно церкви блудного сына».

Буланже пишет с возмущением: «Эта чудовищная ложь должна была облететь всю Россию и весь мир и сделать то дело, которого не могла сделать за десятки лет ни русская цензура, ни гонения на сочинения Льва Николаевича».

Замысел обер-прокурора стал известен семье и ее друзьям. Долго обсуждался ими вопрос, какие предпринять контрмеры, чтобы предотвратить «готовившийся памяти Льва Николаевича удар». Было принято решение в случае кончины Толстого скрыть случившееся от всех «и в это время дать условные телеграммы за границу и в столицы России и объявить о смерти только тогда, когда получится известие об опубликовании везде совершившегося» [Буланже, 1908, с. 11].

К сожалению, версия Буланже не подтверждена документально. Но происходившая параллельно масштабная подготовка властей к смерти Л. Н. Толстого, целая документально-заготовительная кампания в Министерстве внутренних дел служат довольно веским аргументом в пользу точности воспоминаний Буланже. Что касается К. П. Победоносцева, то известен эпизод, когда он придержал письмо Толстого к Александру III в связи с готовившейся казнью убийц Александра II, несмотря на просьбу писатеа

³ Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 127–128. — Приведенные документы были подготовлены к публикации М. П. Михайловым.

ля передать его царю. Обер-прокурор активно поддерживал церковных обличителей писателя⁴.

Циркуляр от 4 июля положил начало интенсивной работе полицейско-цензурной бюрократии по подготовке к ожидаемому уходу из жизни Толстого. Беспрецедентная кампания длилась по апрель 1902 г. Департамент полиции разработал, как теперь говорят, целый пакет документов: папку, в которую входили секретные проекты писем, инструкций и циркулярных распоряжений на случай смерти Толстого.

Это были заготовки без дат, можно сказать, на все времена, — единственный такой случай в российской истории. В них речь идет уже не о Толстом, еще здравствующем, а о его теле⁵.

Папка имела вполне откровенное название — «Граф Лев Толстой (Проект распоряжений на случай кончины графа Льва Толстого)». Эти уникальные документы были обнародованы редакцией исторического журнала «Былое» в августе 1917 г. Следует отметить, что часть этих документов все-таки была использована в упреждающем смысле.

Проект секретного письма министра внутренних дел обер-прокурору К. П. Победоносцеву⁶:

«Милостивый Государь
Константин Петрович!

Имею честь сообщить Вашему Высокопревосходительству для сведения, что мною сего числа разрешено Таврическому Губернатору выдать свидетельство на перевоз тела графа Толстого из Ялты в Ясную Поляну.

Примите, Ваше Высокопревосходительство, уверение в совершенном почтении и преданности» (Былое. 1917. № 2(24), авг. С.113).

⁴ Об этом и отношениях Л. Н. Толстого и К. П. Победоносцева см.: Жирков, 2009, с. 42–44, 142–146.

⁵ См.: Апостолов, 1930, с. 150. — В этой книге наиболее полно раскрыт этот цензурный сюжет.

⁶ Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — обер-прокурор Святейшего Синода, один из главных вдохновителей этой работы, не доживет до того момента, когда заготовленные бумаги будут использованы. Это, впрочем, не значит, что новый обер-прокурор не участвовал в заготовительной кампании 1910 г.

Проект шифрованной телеграммы министра внутренних дел Д. С. Сипягина⁷ от 29 января 1902 г. — московскому губернатору Великому князю Сергею Александровичу⁸:

«Ввиду распоряжения Святейшего Синода в случае кончины графа Льва Толстого не служить по нем панихид, прошу распоряжения, чтобы в местных изданиях не разрешалось печатания каких-либо объявлений о панихидах, а *равно принять меры к устранению всяких демонстративных требований о служении панихид*» (Выделенные слова вписал в текст лично Сипягин). (Там же. С. 111–112).

Телеграмма была послана таврическому губернатору 30 января 1902 г. с припиской: «Подтверждаю также указания, сообщенные телеграммой товарища министра 4 июля» (Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 128).

Таврический губернатор на основании этого документа сделал ялтинскому исправнику 30 января предписание № 508:

«Совершенно секретно.

Г. министр внутренних дел телеграммой сообщает, что в случае кончины графа Льва Толстого, ввиду распоряжения Святейшего Синода не должно быть допускаемо служений по нем панихид. Поэтому не должно быть также допускаемо печатания в местных органах печати объявлений о производстве панихид, о чем мною вместе с сим делается распоряжение по цензуре. Вместе с тем должны быть приняты энергичные меры к устранению всяких демонстративных требований о службе панихид; а равно должен быть в точности исполнен циркуляр мой от 7 июля 1901 г. № 4306. Кроме того, предлагаю вам, в случае разрешения переезда тела графа Льва Толстого в Ясную Поляну, немедленно телеграфировать мне о дне вывоза тела и пути, которым таковое будет направлено» (Там же).

Проекты телеграмм Директора Департамента полиции С. Э. Зволянского симферопольскому губернатору:

⁷ Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — с 1900 г. министр внутренних дел. Убит 2 апреля 1902 г. эсером С. В. Балмашевым.

⁸ Сергей Александрович (1857–1905) — Великий князь, четвертый сын Александра II. С 1891 г. московский генерал-губернатор. Убит эсером И. П. Каляевым в Московском Кремле.

«Благоволите принять зависящие меры к воспрепятствованию каких-либо демонстраций по пути во время перевезения тела графа Толстого. Директор Зволянский. ...января 1902 г.».

«В случае кончины графа Льва Толстого и возбуждения просьбы о перевозке тела, разрешение может быть дано только на перевозку в Ясную Поляну. Сообщая о сём по приказанию Министра, прошу, в случае выдачи разрешения, немедленно уведомить меня по телеграфу, также о дне выезда, для необходимых распоряжений. Директор Зволянский. ...января 1902 г.» (Былое. 1917. № 2(24). С. 112).

Телеграмма была послана исполнявшему должность таврического губернатора 29 января 1902 г. (Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 128).

Проекты однотипных телеграмм-директив Департамента полиции в губернии (Харьковскую, Екатеринославскую, Курскую, Орловскую и Тульскую), через которые должны будут провозить умершего писателя:

«...числа, согласно разрешению Господина Министра, Таврическому Губернатору выдано свидетельство на перевоз тела графа Толстого из Ялты в Ясную Поляну. Директор Зволянский ...января 1902 г.».

«Тело графа Толстого перевозится из Ялты в Ясную Поляну. Отправление ... числа. Благоволите принять зависящие меры к воспрепятствованию каких-либо демонстраций по пути. Директор Зволянский ... января 1902 г.» (Былое. 1917. № 2(24). С. 113).

Проект циркулярной шифрованной телеграммы министра внутренних дел Д. С. Сипягина всем губернаторам страны:

«В случае кончины графа Льва Толстого, не препятствуя помещению в изданиях некрологов, обзоров литературной деятельности, при соблюдении объективности и осторожности, предлагаю не допускать сведений и рассуждений, имеющих отношение к постановлению Синода. Министр внутренних дел Сипягин» (Там же. С. 112).

Телеграмма послана таврическому губернатору 30 января 1902 г., который фактически ее копию 31 января разослал цензорам (документ № 520) (Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 128).

Министерство внутренних дел задействовало в эту заготовительную кампанию и министерство путей сообщения:

8 февраля Директор Департамента полиции С. Э. Зволянский отправляет шифрованные однотипные телеграммы таврическому и симферопольскому губернаторам:

«На случай кончины графа Толстого и ходатайства о перевозке тела, не откажите сообразовать Ваши распоряжения с указаниями, которые Управляющий дороги получит от Министерства Путей Сообщения относительно поезда, с которым оно может быть отправлено».

8 февраля Директор Департамента полиции С. Э. Зволянский посылает шифрованную телеграмму Харьковскому губернатору:

«По соглашению с Министром Путей Сообщения, в случае перевозки тела Толстого, вагон будет прицеплен к такому поезду, который проследует в Харьков поздно ночью. Окружной путь затруднителен и может не достигнуть цели ввиду близости Харькову Меревы и Люботина» (Былое. 1917. № 2(24). С. 114).

Таврический губернатор моментально реагирует на этот документ, посылая 9 февраля отношение № 667 на имя начальника Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги:

«Совершенно секретно.

Директор департамента полиции просит меня, на случай кончины находящегося ныне в Кореизе, Таврической губернии, графа Льва Толстого и перевозки его тела, согласовать мои распоряжения с указаниями, которые Вы имеете получить от Министерства Путей Сообщения относительно поезда, в коем может быть отправлено тело.

Ввиду этого имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сообщить мне о тех указаниях, которые Вы получите по этому поводу, а также не откажите сделать распоряжение, чтобы местные железнодорожные агенты уведомили меня и симферопольского полицеймейстера о времени и № поезда, с которым будет отправлено тело, причем желательно, чтобы поезд с телом не имел значительных остановок в более населенных пунктах» (Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 128).

12 февраля инженер Кузьменко за начальника названной железной дороги высылает губернатору совершенно секретное отноше-

ние № 2 с копиями секретной депеши № 233 Управления железных дорог и предписания № 22 от 10 февраля, посланное начальнику I отделения службы движения г. Махову, жившему в Севастополе. Документ имел приписку: «К сему считаю долгом присокупить, что, если бы Ваше превосходительство сочли почему-либо нужным изменить распоряжение мое относительно способа уведомления Вашего превосходительства о времени проследования тела, то благоволите от себя дать соответствующие указания начальнику отделения г. Махову, и таковые будут им исполнены в точности, о чем ему вместе с сим сделано распоряжение» (Там же. С. 129).

В бумагах такого рода поражает некая оживленность тела, которое туда-то проследует. Начальник Харьковско-Севастопольской железной дороги получил от и. о. начальника управления Губера следующую *программную депешу* с детальной разработкой пути следования тела:

«Ввиду вероятной вскоре кончины находящегося в Крыму писателя графа Толстого последует необходимость перевозки его тела до ст. Ясенки». Предлагалось:

— приготовить траурный вагон и вагон для семейства;

— дать на перевозку тела семейству графа на выбор два маршрута: 1) от Севастополя до Ясенок почтовым поездом. При этом для сокращения стоянки в Харькове до 15 минут, по соглашению с министром внутренних дел, почтовый поезд необходимо было привести в Харьков с опозданием до сорока минут и отправить из Харькова своевременно, невзирая на задержку почты; 2) «по второму маршруту вагон с телом отправляется из Севастополя скорым до Синельникова, где прицепляется к воинскому номеру двадцать четвертый до Белгорода, откуда прицепляется к почтовому, с которым от Севастополя следует вагон семейства графа. Стоянка поезда номер двадцать четвертый в Харькове путем опоздания прибытием сокращается до двадцати минут»;

— телеграфировать об избранном маршруте Управлению железных дорог и конфиденциально сообщить таврическому и харьковскому губернаторам (Там же. С. 129–130; Былое. 1917. № 2(24). С. 113).

Вторая бумага — предписание № 22 от 10 февраля, посланное начальнику I отделения службы движения, показывает, что подго-

товка властных структур к возможной смерти писателя решалась по-деловому и практически. Г. Махову предлагалось «к неременному исполнению следующее.

1. Для перевозки тела графа должен быть предоставлен траурный вагон, для чего следует взять багажный вагон и обить его внутри траурной материей (черным коленкором с белыми отводами), вагон должен быть в полном порядке и чистоте и иметь вполне приличный и соответствующий обстоятельствам вид. (Назывался исполнитель — начальник депо Севастополя.)

2. Для проезда семьи графа должен быть предоставлен особый вагон соответствующего билетам класса» (Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 130).

Вероятно, переутомление такой интенсивной умственной, будничной работой родило из-под пера таврического губернатора совершенно секретное отношение № 910 от 27 февраля, посланное им в Севастополь начальнику I отделения службы движения Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги:

«В случае невозможности почему-либо исполнить данное вам начальником дороги предписание за № 22, имею честь покорнейше просить Вас, м<илостивый> г<осударь>, вместо присылки ко мне нарочного с докладом о приходе известного Вам поезда, уведомить меня телеграммой следующего содержания: *«Срочная посылка высылается... числа»* (Выделено мною. — Г. Ж.) (Там же).

Секрет Полишинеля к этому времени уже вызвал возмущение общественности, а «срочную посылку» в виде тела великого писателя «высылать» не пришлось. Читая заготовительные и реальные документы, можно подумать о том, что трагическое событие уже произошло, — такой деловой погрёбальной прозой веет от этих бумаг.

Заготовленные документы были собраны в специальную папку, при представлении которой министру внутренних дел товарищу министра П. Н. Дурново писал: «При сем представляются депеши, уже посланные и заготовленные к отправлению на случай кончины графа Толстого». Сопроводительная записка содержала и критику пакета документов: «По моему мнению, самый существенный вопрос о панихидах не разрешается депешей Д. С. Сипягина. Сделанная им собственноручная приписка может поставить местную власть в большое затруднение, в случае, например,

обращенной просьбы отслужить панихиду к священнику церкви, после обедни. Проект письма К. П. Победоносцеву заготовлен тоже при покойном Министре»⁹.

«Проект распоряжений на случай кончины графа Льва Толстого», деловито, на полном серьезе разработанный в недрах власти, как видим, носил всеобъемлющий характер, предусматривал детали и мелочи. Все предпринималось для того, чтобы тело Толстого быстрее способом достигло места назначения. Одновременно проект включал в себя систему мероприятий, которые должны были ослабить впечатление на общество от предстоящей смерти Толстого и сократить возможные манифестации в честь великого русского писателя.

Заготовленные документы не мешали появлению такого же характера реальных постановлений и указаний. Помимо уже названных приведем особый циркуляр за № 885, который цензурное ведомство распространило среди цензоров 29 января 1902 г.:

«Главное управление по делам печати сообщает цензурным комитетами гг. отдельным цензорам по внутренней цензуре для руководства, что ввиду последних известий о тяжелой болезни графа Л. Н. Толстого и возможности в ближайшем времени его кончины г. Министр внутренних дел, не встречая препятствий в случае кончины графа Толстого к помещению в газетах известий о графе Л. Н. Толстом и статей, посвященных его жизнеописанию и литературной деятельности, в то же время изволил признать необходимым, чтобы распоряжение от 24 февраля 1901 г. за № 1579 о непоявлении в печати статей и каких-либо сведений, имеющих отношение к постановлению Святейшего Синода от 20–22 февраля того же года, оставалось в силе и на будущее время и чтобы во всех известиях и статьях о графе Толстом была соблюдаема необходимая объективность и осторожность» [Фойницкий, 1966, с. 175–176].

Объективность и осторожность прессой с помощью Главного управления по делам печати соблюдалась. В этот же день, 29 января, министр внутренних дел Д. С. Сипягин послал телеграмму Великому князю Сергею Александровичу, московскому генерал-

⁹ Былое. 1917. № 2(24), авг. С. 113. — Документ не имеет даты, но его последняя фраза показывает, что сопроводительная записка П. Н. Дурново (1844–1915), ставшего с 1900 г. товарищем министра внутренних дел, была написана уже после убийства Д. С. Сипягина 2 апреля 1902 г.

губернатору, с просьбой дать указания «в случае кончины» Толстого, чтобы «в местных изданиях не разрешалось печатать каких-либо объявлений о панихиде». Далее министр повторял содержание циркуляра от 4 июля.

Следует подчеркнуть, что во всей этой заготовительно-реальной кампании властных структур по случаю возможной смерти Л. Н. Толстого основным был церковный аспект, так как здравомыслящие люди вполне смогли бы увязать акт Св. Синода об отпадении Толстого от Русской Православной церкви и его болезнь и грозящий ему летальный исход.

Однако всем этим планам и козням властных структур в 1901–1902 гг. не дано было осуществиться. Недаром Чехов восклицал: «А? Каков?». Таврический губернатор получил:

22 июня 1902 г. донесение начальника I отделения службы движения Махова: «Имею честь почтительнейше доложить, что граф Лев Толстой выезжает из Севастополя 24 сего июня с курьерским поездом № 2»;

25 июня — телеграмму и. д. исправника Фрейганга: «Граф Толстой <выехал> сегодня пароходом в Севастополь»;

25 июня — от него же рапорт № 4277: «Имею честь донести Вашему превосходительству, что сего числа из имения графини Паниной выехал граф Лев Толстой в свое имение Ясную Поляну Тульской губернии» (Красный архив. 1934. Т. 2(63). С. 130).

Назло всем недругам Лев Николаевич выздоровел и прожил еще почти 10 лет, сумев создать много новых интересных и злободневных публицистических и художественных произведений. В то же время мощная бумажно-охранительная компания, несмотря на ее секретность, стала достоянием общественности и вызвала волну возмущений среди интеллигенции.

ДРАМА — НА ГРАНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АБСУРДА

*Козлов, подполковнику Гангарту;
Рязск, подполковнику Селиванову;
Раненбург, ротмистру Лебедеву*

С первым отходящим поездом командируйте <в> Астапово по пяти унтер-офицеров от каждого отделения *при полном боевом вооружении.*

*7 ноября 1910 г. Н. Н. Львов,
генерал-майор, начальник
Московско-Камышинской
жандармской полиции Управления
железных дорог*

Репетиция цензуры смерти великого писателя Земли русской, проведенная властными структурами в 1901–1902 гг., явно пригодились им в 1910 г. Они установили за уходящим из жизни Толстым и всем тем, что его окружало, даже за его уже бездыханным телом, которое было перевезено в Ясную Поляну, и похоронами беспрецедентный контроль.

Установочный характер в этот исторический момент имела резолюция председателя Совета Министров Петра Аркадьевича Столыпина, выписанная синим карандашом 2 ноября на телеграмме министру внутренних дел:

«Телеграфировать губернатору, чтобы принял меры к охране порядка на случай кончины Толстого. Стянул бы достаточ-

но полиции и не допускал бы по соглашению с семьей демонстраций» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 358).

С семьей Столыпиных Лев Николаевич всю жизнь поддерживал те или иные контакты. В пору Севастопольской обороны Толстой был дружен с капитаном Аркадием Дмитриевичем Столыпиным (1821–1893) — боевым, смелым офицером, награжденным за оборону города золотым оружием, впоследствии ставшим генералом. Аркадий Дмитриевич участвовал вместе с Толстым в попытках создать военный журнал, который так и не состоялся. Однако в журнале «Современник» с помощью Толстого, сотрудничавшего в нем, была опубликована подготовленная ранее для предполагавшегося военного издания статья Столыпина «Ночная вылазка в Севастополе» [см.: Жирков, 2007, с. 63–78].

После смерти Аркадия Дмитриевича Лев Николаевич постоянно следил за судьбой его сыновей — Петра, сделавшего блестящую служебную карьеру, и Александра, посвятившего себя журналистике.

Стремясь остановить разнуздавшееся насилие в ходе Первой русской революции, Толстой напрямую обращается к власти. Он пишет с 13 по 26 июля 1906 г., обдумывая каждую строку, письмо к Петру Аркадьевичу Столыпину, назначенному к тому времени — с 26 апреля — министром внутренних дел, а с 8 июля одновременно и председателем Совета Министров. Писатель предлагает высшему чиновнику «уничтожить вековую, древнюю несправедливость» — «так называемое право земельной собственности». При этом Лев Николаевич подчеркивает, имея в виду происходившую борьбу крестьян за землю, то, что эта несправедливость «чувствуется теперь всеми людьми христианского мира, но особенно живо русскими людьми» [Лев Николаевич Толстой, 1929, с. 84–88].

Проходит месяц — ответа нет. Тогда писатель включает журналистские связи: обращается 24 августа к сотруднику «Нового времени» брату Петра Аркадьевича Александру. Его письмо к А. А. Столыпину представляет особый интерес для понимания позиции автора по отношению к развернувшемуся трагическим событиям. Решение земельного вопроса через «освобождение земли от права собственности на нее» Лев Николаевич рассматривает как «попытку осуществления *великого идеала русского народа*»

и как «великое благодеяние», которое «было бы самым действительным и безошибочным средством успокоения народа, уничтожения... таящегося в сознании народа недовольства...» «...*Уничтожение собственности земли*, — замечает Толстой, — *есть стоящий на очереди вопрос, как в своё время был вопрос рабов во всем мире*» [Переписка Толстого..., 1939, с. 325–326].

Он просит адресата узнать, получил ли его брат письмо от него. Председатель Совета министров удосужился передать через Александра, что у него свое мнение по этому вопросу.

В дни юбилейного для Толстого 1908 года 18 марта департамент полиции разослал подчиненным министерства внутренних дел, губернаторам и градоначальникам подписанный П. А. Столыпиным циркуляр, упреждавший возможные манифестации и собрания общественности в честь великого писателя, в ходе которых, как власть предполагала, произойдут «нарушения существующих законов и распоряжений правительственной власти». Эти нарушения ответственные чины должны были «твердо и неуклонно прекращать» «всеми зависящими средствами».

В циркуляре представителям местной власти предлагалось поступать «в соответственных случаях сообразно с интересами государственного порядка и общественного спокойствия». «При этом особенно пристально внимание правительственных органов, — подчеркивалось в документе департамента полиции, — должно быть направлено к прекращению всяких попыток к использованию со стороны неблагонадежных элементов населения настоящего события в целях противоправительственной агитации, каковые попытки тем более возможны, что *проповедуемые графом Л. Н. Толстым идеи представляют для подобной агитации самый широкий простор* (Курсив мой. — Г. Ж.)». Шифрованная телеграмма, посланная по инстанциям 16 августа Столыпиным в связи с юбилеем Толстого, требовала «принять меры к предупреждению каких-либо демонстративных выступлений по этому поводу» [Толстой и о Толстом..., 1924, с. 81–83; см. также: Мейлах, 1960, с. 155].

Революция П. А. Столыпина 1910 г. дает дополнительные штрихи к его характеристике. Она показывает, что напрасно Толстой питал некие иллюзии, пытаясь разбудить в политике Столыпине человека. Чиновник озабочен водворением порядка, а не славой

России, не той трагедией, которая развернулась в Астапове. Контроль, сыск, слежка, цензура, использование военной силы — вот то, чем будет заниматься по приказанию председателя Совета Министров значительная часть государственного аппарата в последнюю неделю жизни Толстого, друга отца Столыпина.

Даже в таком состоянии, как предсмертное, писатель находился под усиленным наблюдением не только в ходе болезни, предсмертия, но и после смерти. Картина достойная пьесы абсурдного театра.

Действующие лица:

Император — 1.

Председатель Совета министров — 1.

Обер-прокурор Святейшего Синода — 1.

Директор департамента полиции — 1.

Товарищ министра внутренних дел — 1.

Губернаторы — 4: калужский, рязанский, тульский, тамбовский.

Градоначальник — 1: Москвы.

Начальник Управления железных дорог — 1.

Генералы — 6.

Ротмистры и т. п.

Жандармы.

Шпики и сыщики.

Преосвященные.

Корреспонденты — около 10–25 (в разные дни).

Место действия: Астапово (Рязанская губерния) — узловая станция Рязанско-Уральской железной дороги.

От нее шли железнодорожные пути в четырех направлениях: на Раненбург, Троекурово и далее к Павелецкой железной дороге, на Елец и Волово Курской железной дороге. Вокруг станции было всего несколько десятков домов, в которых жили в основном железнодорожники и рабочие.

Вот картинка тех дней, воссозданная С. Л. Толстым, приехавшим сразу же в Астапово, чтобы проводить отца в последний путь: «На тесном астаповском вокзале, вокруг большого стола и стойки, постоянно толпились корреспонденты разных газет — че-

ловек двенадцать. Они пили водку, громко разговаривали и постоянно нас расспрашивали. Тут же были жандармы и сыщики, и по вокзалу и платформе гулял о. Варсонофий, настоятель Оптиной пустыни, с тайным поручением причастить Льва Толстого. Он как будто ждал, что его позовут. Такова была атмосфера астаповского вокзала» [Толстой, 1978, с. 446].

Вероятно, она со временем мало изменялась. Борис Пастернак, прибывший сюда 8 ноября вместе с отцом-художником, создавшим портрет писателя на смертном одре, живописал: «Станционный поселок Астапово представлял в тот день нестройно шумевший табор мировой журналистики. Бойко торговал буфет на вокзале, официанты сбивались с ног, не поспевая за требованиями и бегом разнося поджаристые бифштексы с кровью. Рекою лилось пиво.

На вокзале были Толстые Илья и Андрей Львовичи. Сергей Львович прибыл в поезде, пришедшем за прахом Толстого для перевозки его в Ясную Поляну» [Пастернак, 1967, с. 221].

В р е м я д е й с т в и я: 31 октября — 10 ноября 1910 г.

Хронология событий цензурной астаповской недели¹

28 октября:

— уход Льва Николаевича из Ясной Поляны в сопровождении домашнего врача Толстых Душана Петровича Маковицкого (1866–1921), затем к ним присоединились Александра Львовна, младшая дочь Толстого, и ее подруга Варвара Михайловна Феокритова (1875–1950);

— сыскное отделение Тулы получило информацию об этом событии;

28–31 октября:

— во время поездки за Толстым следовали 2 сыщика и 4 корреспондента (со слов жены писателя Софьи Андреевны) [Семеновский, 1924, с. 70].

¹ Составлена на основе публикаций: Похороны Льва Толстого до его смерти (1902) // Былое. 1917. № 2 (24), авг. С. 111–114; Из материалов о Л. Н. Толстом // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 338–361; Семеновский, 1924; Смерть Толстого..., 1929; Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929; Маковицкий, 1938, с. 451–460; Мейлах, 1960, и др.

30 октября:

— в Ясную Поляну был командирован помощник начальника тульского сыскного отделения Петр Александрович Жемчужников, который выяснил, как он считал, причину отъезда Толстого: «обострение семейных отношений, ухудшившихся из-за денежных расчетов» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 357).

31 октября:

— 3 часа 20 минут дня. Жандармский вахмистр Пушкив из Белева телеграфировал жандармскому унтер-офицеру Дыкину на станцию Куркино: «По прибытии п. № 12 немедленно справиться, едет ли этим поездом писатель Лев Толстой; если едет, то где он остался от поезда. Телеграфировать мне»;

— 6 часов 35 минут вечера. Унтер-офицер Дыкин телеграфировал вахмистру Пушкиву: «Едет п. № 12 по билету 2 класса <в> Ростов-на-Дону [Смерть Толстого..., 1929, с. 15];

— 6 часов 35 минут вечера. Толстой в крайне тяжелом, болезненном состоянии высадился на станции Астапово;

— помощник начальника тульского сыскного отделения Жемчужников разузнал маршрут следования Толстого и то, что он, заболев, вынужден был сойти на станции Астапово;

— 7 часов 41 минута вечера. Телеграмма П. А. Жемчужникова своему начальнику Разумовскому об остановке Л. Н. Толстого на станции Астапово [Толстой, 1992, т. 58, с. 271];

— 7 часов 43 минуты вечера. Унтер-офицер Филиппов сообщил начальнику Елецкой железной дороги, ротмистру жандармской полиции М. Н. Савицкому: «Писатель граф Толстой проездом по <поездом> 12 заболел. Начальник станции г. Озолин принял его в свою квартиру»;

— ротмистр М. Н. Савицкий приказывал унтер-офицеру на станции Астапово Филиппову: «Никому из прибывших на вокзал не проживать. Приеду завтра вечером.

Кроме квартиры начальника станции, в станционных зданиях никому не оставаться. В квартире Озолина жить только четверым раньше прибывшим» [Там же, с. 55]. Здесь речь идет о Л. Н. Толстом, А. Л. Толстой, Д. П. Маковицком и В. Феофоровой. Но к этому времени в Астапово стали прибывать журналисты. Назревал конфликт, о котором начнет писать печать;

— Н. М. Ежов сообщил 4 ноября в редакцию «Нового времени» (С.-Петербург): «На станцию Астапово прибыл рязанский губернатор Оболенский и сделал распоряжение, чтобы со станции были удалены все, кто здесь остановился. Чем вызвано это распоряжение — неизвестно» [Там же, с. 63];

— телеграмма в газету «Утро России» (Москва) журналиста С. С. Раецкого дополняет слова Ежова: «... Станционные жандармы требуют, чтобы семья <Толстого>, корреспонденты не проводили <на> станции целые дни, <а бывали на ней> только <в> часы прихода утреннего, вечернего поездов. Корреспондентам не позволяют ночевать в вагоне, предоставленном <им> управлением дороги. Послана телеграмма <в> жандармское управление <в> Москву. Запретили делать снимки на станции» [Там же, с. 79].

Однако вскоре местная власть, учитывая начавшийся шум в прессе, пошла на попятную. Большую роль в решении возникших пролем сыграл Д. А. Матренинский, управляющий Рязанско-Уральской железной дороги в Саратове, активно включившийся в происходившие события в Астапове и тем предотвративший возможный конфликт с печатью;

— 9 часов 17 минут вечера. Контролер-механик телеграфа на станции Астапово Николай Иванович Власов телеграфировал контролеру телеграфа Рязанско-Уральской железной дороги в Козельске: «Я Власов. Передайте г. Ворочинскому² по телефону, что сегодня едущий из Козельска писатель Лев Николаевич Толстой заболел и остался в Астапове, довожу до сведения Вашего» [Смерть Толстого..., 1929, с. 15].

Станционный домик имел четыре комнаты. Толстой лежал, как описывает журналист Н. Е. Эфрос, в «самой большой комнате, <в> зале <с> двойным окном, выходящим <в> садик позади вокзального здания. <В> комнате две кровати, время от времени <Толстого> перекладывают <с> одной <кроватьи> <на> другую» [Там же, с. 47];

— тульский губернатор К. К. Кобеко делал выговор крапивенскому исправнику Голунскому в связи с запозданием сообщения по начальству о Толстом: «Об отъезде 28 октября графа Л. Н. Толстого и об обстоятельствах, сопровождавших этот отъезд, мне ста-

² Ворочинский — контролер телеграфа Рязанско-Уральской железной дороги в Козелове.

ло известно из частных сведений и из повременных изданий гораздо ранее, чем от подчиненной мне *полиции, на которую, и в частности на Вас, мной возложено было иметь, без особой огласки, наблюдение как за состоянием здоровья Толстого, так и за <его> передвижениями, с неотлагательным донесением мне о всем заслуживающим внимания.* На это обстоятельство, указывающее на полную небрежность Вашу в несении службы, на слабый надзор за подчиненными и на недостаточное руководство ими обращаю Ваше внимание с предупреждением, что при повторении чего-либо подобного дальнейшее служение ваше станет невозможным [Ореханов, 2009, 109–110].

Телеграмма важна для нас не столько выговором, сколько тем, что в ней говорится о регулярной, отлаженной слежке полиции и высших чинов за состоянием здоровья Толстого и его разъездами. Из этого следует, что традиция такого рода 1901–1902 гг. властью поддерживалась. Г. Ореханов, ссылаясь на архивный документ, пишет, что «председатель Совета министров проявлял постоянный интерес к состоянию здоровья Толстого». Еще в декабре 1909 г. Столыпин направлял тульскому губернатору Д. Д. Кобеко секретную телеграмму с просьбой дать отзыв о здоровье писателя [Там же, с. 110]. Власти жили в томительном ожидании...

Один из высших чиновников полиции Н. П. Харламов Проговаривается в воспоминаниях: «Кончина Толстого не явилась неожиданною. Ее ожидали чуть ли не в течение 20 лет...» [Отчет чиновника..., 1991, с. 35].

Последняя неделя жизни Толстого

1 ноября:

— *10 часов 30 минут утра.* Срочная — последняя телеграмма Л. Н. Толстого В. Г. Черткову в Ясенки: «Вчера захворал. Пассажиры видели ослабевшим. Сошел с поезда. Боюсь огласки. Нынче лучше. Едем дальше. Примите меры. Известите. Николаев» (по договоренности с Чертковым Толстой подписывался условным именем);

— *10 часов 30 минут утра.* Срочная телеграмма А. Л. Толстой В. Г. Черткову в Ясенки: «Вчера слезли Астапово. Сильный жар, забыть. Утром температура нормальная, теперь снова озноб.

Ехать немыслимо. Выражал желание видеться с вами. Фролова» (по договоренности с Чертковым А. Л. Толстая подписывалась условным именем);

— почти сразу же А. Л. Толстая послала новую телеграмму: «Температура 39 восемь. Опасается ее приезда» (здесь речь идет о Софье Андреевне) [Там же, с. 15, 18];

— Толстой продиктовал письмо для Сергея Львовича и Татьяны Львовны, которое просил передать им после его смерти. Этот факт говорит о том, что Лев Николаевич ощущал дыхание смерти;

— рязанский губернатор князь Александр Николаевич Оболенский по собственной инициативе шифрованной телеграммой предложил становому приставу Данковского уезда Александру Сергеевичу Шатилову:

1) принять «меры воспрепятствования демонстраций <со> стороны местного населения <и> проявления почестей местными властями»;

2) «установить наблюдение за действиями» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 27];

— на станции постоянно работал начальник Елецкого отделения Московско-Камышинского жандармского полицейского Управления железных дорог ротмистр Савицкий со штатом жандармов и уездный исправник с стражниками;

— заведен учет приезжающих в Астапово;

— сыном Толстого Андреем Львовичем налажен выпуск через каждые два часа заверявшегося врачами медицинского бюллетеня о состоянии здоровья отца. Чиновник особых поручений при министерстве внутренних дел Н. П. Харламов в связи с этим вспоминал: «...Периодически несколько раз в день выпускались бюллетени, которые вывешивались на станции и немедленно по телеграфу сообщались во все газеты» [Отчет чиновника..., 1991, с. 35].

Эти документальные свидетельства фактически снимают вопрос о секретности поездки Л. Н. Толстого, в которую продолжали играть А. Л. Толстая и В. Г. Чертков. И по линии телеграфа, и по линии полицейского сыска поездка Толстого была контролируется.

Информация о болезни Толстого, наконец, дошла до высшего начальства, о чем свидетельствует следующий секретный документ:

— телеграмма генерал-майора Н. Н. Львова — ротмистру Савицкому: «Телеграфируйте, кем разрешено Льву Толстому пребывание <в> Астапове, <в> станционном здании, не предназначенном <для> помещения больных. Губернатор признает необходимым принять меры <для> отправления <больного в> лечебное заведение или <на> постоянное место жительства (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 340).

2 ноября:

— ночью состояние больного Толстого ухудшилось. Он почти все время бредил;

— шифрованная телеграмма тульского губернатора Д. Д. Кобеко — председателю Совета министров П. А. Столыпину: «Петербург. Министру внутренних дел. Первого <ноября> вечером Толстой находился на станции Астапово Рязано-Уральской дороги Рязанской губернии вместе <с> доктором Маковицким <и> дочерью Александрой. Болен, температура сорок. Вызваны еще врачи. Сейчас туда выезжают жена <и> два сына. *Причина отъезда из дому чисто семейная — денежные недоразумения <и> влияние Черткова.* Выяснить определенно ввиду *интимности* затруднительно (документ введен в научный оборот Г. Ореханова) [Ореханов, 2009, с. 110];

— утром прибыл вызванный Толстым В. Г. Чертков. Рязанский губернатор кн. Оболенский попытался выдворить его со станции под предлогом того, что Черткову был запрещен выезд за пределы Тульской губернии. Чертков отказался выполнить требование губернатора [Мейлах, 1960, с. 292];

— *11 часов 44 минуты вечера.* В Астапово приехали на специально заказанном, экстренном поезде жена Толстого Софья Андреевна, его сыновья Андрей и Михаил, чуть позже Сергей;

— на семейном совете было решено, учитывая желание отца и советы врачей, не допускать Софью Андреевну к нему и не говорить ему о ее пребывании на станции.

В итоговом полицейском документе генерал-майора Н. Н. Львова, составленном на основании наблюдений работников сыска, «Рапорте о пребывании гр. Толстого на ст<анции> Астапово. В штаб отдельного корпуса жандармов. Москва. Секретно. Генерал-майор Львов. № 736. Москва. 23 ноября 1910 г.»³, отме-

³ Далее в тексте этот документ для краткости мы будем называть «Рапорт Н. Н. Львова».

чается: «...По отдельным фразам можно было составить вполне определенное заключение, что семья Толстого умышленно не допускается к больному по причинам, не имевшим прямого отношения к состоянию его здоровья». Особенно это касалось Софьи Андреевны и было «результатом воздействия именно Черткова на врачей и дочь Александру Львовну». При этом дана ссылка на слова Андрея Львовича (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 349).

Для полицейского чина В. Г. Чертков — фигура антигосударственная и такой акцент в составленной бумаге, делающий из Черткова козла отпущения, естественен⁴.

3 ноября:

— не зная о присутствии жены на станции, Толстой продиктовал доктору Никитину и Черткову телеграмму в Ясную Поляну: «Состояние лучше, но сердце так слабо, что свидание с мама было бы для меня губительно»;

— Толстой в дневнике делает запись: «Вот и план мой. Fais ce que doit, adv (ienne que rouga — делай, что должно, и пусть будет что будет — франц. — *Ред.*) И все на благо и другим, и главное, мне» [Толстой, 1992, т. 58, с. 126];

— Толстой беседовал с приехавшим в Астапово И. И. Горбуновым-Посадовым, руководителем издательства «Посредник», созданного по его инициативе, интересовался делами своего любимого детища, ходом печатания книжек в издательстве [Мейлах, 1960, с. 294];

— телеграмма из Петербурга начальника штаба, генерала С. К. Гершельмана в Москву Н. Н. Львову: «Предпишите ротмистру Савицкому немедленно прибыть <в> Астапово, где и находиться безотлучно, собрать туда пять унтер-офицеров для порядка и посылать донесения <в> штаб корпуса о положении больного» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 340);

— телеграмма генерал-майора Н. Н. Львова — ротмистру Са-

⁴ В работе Святейшему Правительствующему Синоду Вениамина, епископа Калужского и Боровского, 7 ноября 1910 г. № 5235 также говорится о том, что Чертков якобы «держит графа Толстого под своим сильным — почти гипнотическим — влиянием». По мнению семьи, утверждал епископ Вениамин, «почти все, что граф писал в последние годы, писалось под влиянием Черткова. Если Чертков при издании произведений Толстого изменял их и переделявал, граф не имел силы воли противиться этому» (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 297). В недавно вышедшей книге священника Г. Ореханова [Ореханов, 2009, с. 104–105 и др.] позиция автора сближается с высказанной в этих рапортах точкой зрения о Черткове.

вицкому в Елец: «По приказанию начальника штаба вам безотлучно находиться <в> Астапове, командировать туда пять жандармов и посылать донесения <в> штаб о положении больного» (Там же. С. 341);

— в Петербурге состоялась встреча Н. Н. Харламова, чиновника особых поручений при министре внутренних дел, и. о. вице-директора департамента полиции, и епископа Парфения (Левицкого) с целью координации усилий светской и церковной власти. «Одной из тем встречи, помимо помощи представителям Церкви в Астапове, — говорится в рапорте Святейшему Правительствующему Синоду Вениамина, епископа Калужского и Боровского 7 ноября 1910 г. № 5235, — был вопрос о возможности совершить отпевание писателя в случае его смерти без покаяния», на чем настаивал П. А. Столыпин (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 294) [см.: Отчет чиновника..., 1991, с. 32, 33, 35; Органов, 2009, с. 111].

3 ноября в итоге встреч и обмена телеграммами между светским и церковным аппаратом управления была выработана в отношении происходящих событий общая линия⁵;

— зашифрованная телеграмма из Петербурга губернатору Рязани, подписанная за министра внутренних дел, товарищем министра, генерал-лейтенантом П. Г. Курловым, командиром отдельного корпуса жандармов, и содержащая программу действий властных структур (правда, несколько запоздавшую):

1) «ввиду вероятности смерти» (графа Льва Толстого) «принять ныне же предварительные предупредительные меры к недопущению открытых демонстраций и противоправительственных или противорелигиозных выступлений со стороны могущих прибыть в значительном числе единомышленников»;

2) «благоволите сею целью лично отбыть Астапово войти осторожно переговоры о нежелательности подобных выступлений находящихся там членами семьи графа»;

3) «имейте наготове ближайших городах достаточные отряды конной стражи, не направляя их в Астапово до смерти» (Толстого);

4) «завтра на место выезжает секретно и <сполняющий>

⁵ Эта важная проблема требует специального изучения.

об<язанности> вице-директора д<епартамен>та полиции Харламов, с которым войдите непосредственно <в> личные отношения...» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 28];

— шифрованная телеграмма рязанского губернатора в Петербург товарищу министра внутренних дел генералу Курлову: «Получив 1 ноября известие <об> остановке <в> Астапово Толстого, тогда же предписал не допускать демонстраций населения. Сообщил преосвященному. Согласно телеграммы вашего превосходительства выезжаю» [Там же];

— рязанский губернатор князь Оболенский шифрованной телеграммой предложил становому приставу Шатилову:

1) принять «меры не допускать стечения окрестного населения <в> Астапово, где лежит больной Толстой»;

2) послать «разъезды стражников <по> дорогам возвращать идущих <в> Астапово»;

3) «<В> случае его смерти будьте готовы послать туда всю стражу» [Там же];

— шифрованная телеграмма рязанскому губернатору от губернатора Тулы Д. Д. Кобеко: «Благоволите телеграфировать <каково> состояние здоровья графа Толстого. <В> случае его выезда <в> Ясную Поляну или кончины не откажите уведомить меня <в> ближайшем времени» [Там же, с. 29];

— шифрованная телеграмма рязанскому губернатору от станового пристава Шатилова: «Лев Толстой лежит, болен <в> квартире начальника станции Астапово. Демонстраций нет. Подробности почтой» [Там же];

— 6 часов 15 минут вечера. Телеграмма Н. Е. Эфроса, журналиста, редакции «Русских ведомостей»: «...<У Толстого> значительное ослабление сердечной деятельности, пульс частый <с> переборами, печень увеличена, болезненна, аппетита нет. Врачи передавали, полное сознание, всем интересуется, душевно бодрее вчерашнего... Сегодня прочел сам статью Черткова, заплакал» [Смерть Толстого..., 1929, с. 47].

4 ноября:

— состояние здоровья Толстого ухудшилось. Он уже не писал дневника, порой бредил и днем, пытался диктовать доктору Никитину, но не мог справиться с мыслями. Чтобы отвлечь внимание больного, ему стали читать «Круг чтения», Толстой успокоился;

— шифрованная телеграмма рязанского губернатора в Петербург товарищу министра внутренних дел генералу Курлову: «Прибыв <в> Астапово, нашел <там> полное спокойствие... Местное население <к происходящему> никакого интереса не проявляет. Местному священнику <мною> указания даны на случай кончины графа Толстого» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 29–30];

— в Астапово приехал начальник Рязанского губернского жандармского управления генерал-майор П. П. Глоба. Он приказал ротмистру Савицкому:

1) доносить ему о появлении агитаторов и обо всех лицах, возбуждающих сомнение,

2) если потребуется, усилить внутреннее наблюдение за прибывшими (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 351);

— шифрованная телеграмма № 2907 рязанскому губернатору из Москвы от Н. П. Харламова, чиновника особых поручений при министре внутренних дел, и. о. вице-директора департамента полиции: «Выезжаю сегодня вечером Астапово совершенно секретно. Харламов [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 30];

— шифрованная телеграмма рязанскому губернатору от тамбовского губернатора Муратова: «Если нужна помощь <в> поддержке порядка, то городских стражников могу выслать из Лебедяни и Козлова...» [Там же].

5 ноября:

— Толстой почти не спал, бредил и метался, то садился на кровати, то снова ложился, говорил невнятно, но утром у него сознание было ясным⁶;

— проведена новая регистрация всех приехавших на станцию. Насчитали 35 человек, включая семью Толстого;

— на заседании Совета министров обсуждался вопрос о возможности всяких осложнений в связи с актом Св. Синода об отпадении Толстого от Церкви. Все члены столыпинского кабинета, включая и обер-прокурора С. М. Лукьянова, высказались, что необходимо и своевременно отменить это решение (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 352);

⁶ О состоянии здоровья и поведении Л. Н. Толстого в эти дни см.: Сухотина-Толстая Т. Л. О смерти моего отца и об отдаленных причинах его ухода // Воспоминания. М., 1980. С. 357–414.

— 2 часа дня. Шифрованная телеграмма Савицкого в Петербург товарищу министра внутренних дел генерал-лейтенанту Курлову, копия директору департамента полиции: «Температура тридцать семь <i></i> один, дыхание частое; пульс выше сто <s> ча</s>стыми перебоями; сильная слабость; апатия. Сознание ясно, хотя временами впадает в забытье. При больном безотлучно <v> доме начальника станции<i></i> находятся Александра Львовна, ее компаньонка Варвара Михайловна, Маковицкий, Чертков. Остальные, <v> том числе жена, другие дети, живущие <v> вагоне, не допускаются, дабы не волновать больного. Всем в отношении больного распоряжается Александра Львовна. Приезжих мало, преимущественно корреспонденты, московские врачи Беркенгейм, Никитин, пианист Гольденвейзер, представитель фирмы «Посредник» Горбунов-Посадов, московский купец-толстовец Прохоров, литератор Сергеенко. Духовенства никого нет⁷.

Одной из функций слежки за Толстым была оперативная передача информации властным структурам о состоянии здоровья писателя с тем, чтобы его смерть не застала врасплох сторожащих ее власть и ее соглядатаев;

— телеграмма Н. Н. Львова в Балашев подполковнику Журавскому: «Прошу отправиться <v> Астапово <на> помощь ротмистру Савицкому» (Там же. С. 342);

— прибыл и. о. вице-директора департамента полиции, чиновник особых поручений при министре внутренних дел Н. П. Харламов, его сопровождал ротмистр, помощник начальника московского охранного отделения Долгов;

— шифрованная телеграмма рязанскому губернатору ротмистра Савицкого: «Директор Харламов приехал сегодня» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 31];

— шифрованная телеграмма № 1284 рязанскому губернатору из Петербурга от генерала-лейтенанта Курлова, за министра внутренних дел: «Совершенно секретно, экстренно.

1) Если <v> случае смерти графа Льва Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и

⁷ Смерть Толстого..., 1929, с. 118–119. — Цитируемая телеграмма ставит проблему новой, современной расшифровки этих важных документов. Ее шифрованный текст занимает полторы страницы, а текст-расшифровка имеет один абзац. Телеграмма приписана Харламову, а подпись под ней Савицкого.

представьте всецело разрешение этого вопроса местной духовной власти;

2) За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите приказать учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускайте никаких выступлений противоправительственного характера» [Там же];

— шифрованная телеграмма № 393 директора департамента полиции Н. П. Зуева из Петербурга рязанскому губернатору: «О содержании циркулярной депеши генерала Курлова № 1284 благоволите уведомить действительного статского советника Харламова» [Там же];

— 5 часов 10 минут дня. Шифрованная телеграмма М. Н. Савицкого в Москву начальнику охранного отделения П. П. Заварзину: «Положение больного серьезное; никого к нему не допускают; выписывают из Москвы врачей Усова, Щуровского. Всех прибывших <на станции> до тридцати пяти, из них десять от прессы. Никаких предположений не слышно. На станции и окрестностях спокойно. Вице-директор устроен <в> вагоне, <как и> Долгов» [Смерть Толстого..., 1929, с. 132];

— телеграмма Харламова в Департамент полиции: «На станции порядок; настроение совершенно спокойное: окрестное население не проявляет никакого интереса» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 359).

6 ноября:

— днем состоялся консилиум с приехавшими из Москвы известными врачами Щуровским и Усовым. Пришли к выводу, что воспалительный процесс в легких в таком же состоянии, а деятельность сердца слаба. После двух часов дня наступило резкое ухудшение состояния здоровья больного, произошел коллапс: пульс едва прощупывался. После принятых экстренных медицинских мер Толстой заснул;

— телеграмма рязанского губернатора в Рязань правителю канцелярии: «В случае получения циркулярной депеши № 1284 пришлите ее <с> жандармом вместе с шифром лентой, если жандарм выехал, то содержание этой телеграммы сообщите обыкновенным шифром» (Там же. С. 344).

Несмотря на то что телеграф контролировался полицией, соблюдение секретности по-прежнему — превыше всего.

7 ноября:

— телеграмма начальника московского жандармского полицейского управления железных дорог, генерала Ю. Э. Фрейберг Н. Н. Львову: «Срочно. Секретно.

Судя по газетным статьям, особенно левых, по поводу болезни графа Толстого, нужно ожидать больших манифестаций в случае его смерти и перевезения тела или в Москву, или в Ясную Поляну» (Там же);

— шифрованная телеграмма министра народного просвещения попечителям учебных округов. В ней он предупреждал, чтобы на собраниях, которые «могут иметь место в связи с возможной смертью Л. Н. Толстого, не было возбуждено вопросов противоправительственного и противоцерковного характера» [Мейлах, 1960, с. 339];

— секретный циркуляр московского градоначальника генерал-майора Адрианова, носивший программный характер, — всем полицеймейстерам, начальникам охранных отделений, сыскной полиции и приставам Москвы: «В настоящее время все оппозиционные круги и учащаяся молодежь весьма сильно реагируют на болезнь графа Л. Н. Толстого, и можно ожидать в случае кризиса каких-либо выступлений» (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 211). В циркуляре предлагались следующие меры:

1) «усилить наблюдение за учебными заведениями, фабриками, заводами и местами собраний учащейся молодежи и рабочих»;

2) «не оказывать никакого противодействия церковным службам о графе Толстом, предоставляя разрешение этого вопроса духовной власти»;

3) «иметь за устроителями и присутствующими на церковном служении о графе Толстом неослабое наблюдение, не допуская никаких выступлений к демонстрациям и с порицанием Св. Синоду и правительству»;

4) не допускать «на сходках и собраниях резолюций с призывом к демонстрациям и с порицанием Св. Синоду и правительству»;

5) «по возможности, заблаговременно докладывать мне, помощнику моему полковнику Модлю и сообщать в охранное отделение и сыскную полицию» «о всяком собрании и сходке, а также предполагающейся церковной службе по случаю болезни графа Л. Н. Толстого»;

б) «иметь в участках готовыми наряды, на случай необходимости подавить ожидающийся беспорядок»;

7) «не допускать никаких уличных выступлений, почему приставам соседских участков оказывать полное содействие тому приставу, в районе которого происходит беспорядок, и по требованию полицеймейстера или пристава даже другого отделения являться с нарядом»;

8) «немедленно доносить мне, помощнику моему полковнику Модлю, полицеймейстеру» «о возможности возникновения беспорядка» «и сообщать соседним приставам» (Там же);

— телеграмма Савицкого Н. Н. Львову в поезд № 7: «Срочно. *Толстой скончался*» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 343).

Эта весть мгновенно облетела весь мир. На нее по-разному реагировали в России и за рубежом.

Цензура смерти А. Н. Толстого после его смерти

7 ноября:

— 12 часов дня. Состоялась первая гражданская панихида с пением «Вечной памяти» [Толстой, 1992, т. 58, с. 275];

— генерал-майор Н. Н. Львов, можно сказать, приступает к развешиванию своих боевых сил и их передислокации в готовность № 1;

— телеграмма Н. Н. Львова как бы в ответ Савицкому: «<В> ваше распоряжение командировано 15 унтер-офицеров. Кроме того, возьмите своих из Ельца» (Красный архив. 1923. Т. 4 С. 343);

— телеграмма Н. Н. Львова в Козлов подполковнику Гангарту; в Рязк подполковнику Селиванову; в Раненбург ротмистру Лебедеву: «С первым отходящим поездом командуйте <в> Астапово по пяти унтер-офицеров от каждого отделения *при полном боевом вооружении*» (Там же);

— телеграмма Н. Н. Львова в Белев ротмистру Бакину: «Безотлагательно — стяните возможно большее число унтер-офицеров в Горбачево, взяв их с линии Горбачево-Сухиничи. Вам прибыть туда же немедленно, где находится безотлучно до распоряжения. Усиьте линию Волово-Горбачево» (Там же);

— телеграмма (программного характера) рязанского губернатора в Петербург товарищу министра внутренних дел генералу Кур-

лову: «Шесть часов утра граф Толстой скончался без покаяния.

1) Тело отправляют завтра днем особым поездом, предоставляемым начальником дорог до станции Засеки Московско-Курской через Горбачево. Прибытие <на> Засеку утром, оттуда <до> Ясной Поляны — три версты.

2) Семейству известно распоряжение Синода <по поводу> лишения покойного церковного погребения.

3) Сыновья заявляют, <что> будут всячески противодействовать демонстрациям.

4) Если сюда будут прибывать депутации или отдельные почтители, <то> мною будут осматриваться венки и отбираться ленты <с> неподходящими надписями.

5) Никаких проявлений интереса <со> стороны местного населения не будет... (Вот так: заранее известно! — Г. Ж.).

6) Тульскому губернатору Харламовым сообщено о вызове опытных чинов московской полиции для цензуры речей» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 32–33].

Чиновник особых поручений Н. П. Харламов так комментировал эту часть телеграммы: «В Московской полиции имелось несколько таких опытных полицейских чинов с высшим образованием, которых обыкновенно посылали на разные публичные собрания, согласно закону 4 марта. Проездом в Москве я просил Градоначальника командировать двух таких чинов в Тулу, если похороны будут в Ясной Поляне. После смерти Толстого, когда выяснилось место его погребения, я немедленно об этом телеграфировал генералу Андриянову, поставил об этом в известность также и Тульского губернатора» [Отчет чиновника..., 1991, с. 34];

— телеграмма рязанского губернатора в Петербург статс-секретарю Столыпину: «Граф Толстой сегодня <в> шесть утра скончался» [Апостолов, 1930, с. 196];

— на докладе Столыпина о смерти Толстого император Николай II написал:

«Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во время расцвета своего дарования в творениях своих родные образы одной из славнейших годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милостивым судьёй» [Там же];

— прибыл епископ тульский Парфений, который вел переговоры с семьей Толстого;

— шифрованная телеграмма Харламова генералу Курлову: «Миссия преосвященного Парфения успеха не имела: никто из семьи не нашел возможным удостоверить, чтобы умерший выразил какое-либо желание примириться с Церковью» [Смерть Толстого..., 1929, с. 242];

— телеграмма № 451 помощника московского градоначальника полковника Модля приставам 2-го Басманного, 2-го Пятницкого, 2-го Мещанского, 2-го Рагожского участков: «Установите наблюдение <на> вокзалах <за> уезжающими <на> похороны <в> Ясную Поляну. <При> возвращении их 9 и 10 ноября не допустите демонстративных шествий» (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 211);

— телеграмма № 451 помощника московского градоначальника полковника Модля полицеймейстерам и приставам: «Секретно. Установите наблюдение <за> магазинами венков. Обязайте не выпускать лент <с> революционными надписями. Не допускайте убранства трауром зданий. Имейте наблюдение <за> ожидаемыми частными собраниями на общем основании» (Там же);

— телеграмма № 14779 тульского губернатора Д. Д. Кобеко московскому градоначальнику: «Согласно сообщений департамента полиции, прошу немедленно командировать <в> мое распоряжение для похорон Толстого трех опытных <по> цензуре речей чинов полиции [Мейлах, 1960, с. 307];

— телеграмма № 246103 московского градоначальника Адрианова тульскому губернатору Д. Д. Кобеко: «Приедут завтра поездом № 15» [Там же].

Когда стало ясно, что похороны Л. Н. Толстого будут в Ясной Поляне, Н. П. Харламов, тульский губернатор Д. Д. Кобеко и местный полицеймейстер, капитан фон Вернер на автомобиле «тщательно осмотрели весь путь, по которому должна была идти похоронная процессия — от железнодорожной станции Засеки до места погребения». По словам Харламова, тульский губернатор был особенно озабочен тем, «чтобы не произошло какого-нибудь массового несчастия, новой «Ходынки», вполне возможной ввиду наплыва публики из Москвы; согласно полученным сведениям, помимо обычных, шли экстренные поезда, нанятые почитателями (Толстого. — *Ред.*)» [Отчет чиновника..., 1991, с. 35].

В результате этой инспекторской поездки губернатор приказал укрепить «один подозрительный мост», «устроить на станции буфет, так как публика, — отмечает Харламов, — приезжала с вечера и, оставаясь, за отсутствием помещений, всю ночь на морозе, в лесу, не могла согреться не только горячей пищей, но даже и чаем. Ввиду этого губернатор распорядился привезти из Тулы самовары, коими сей город столь знаменит, котлы, чай и в большом количестве разнообразные бутерброды» [Там же].

Затем, можно сказать, был создан особый штаб по контролю за движением процессии от Засеки до Ясной Поляны и руководству службой его «цензурирования» — слежкой за всем происходящим. В него помимо трех названных чиновников вошли начальник местного жандармского управления генерал Иелита фон Вольский и местный исправник. Этот штаб провел всю ночь в Засеках на пустой, нетопленной даче, предоставленной в распоряжение губернатора одним из купцов. «На этой даче, — пишет Харламов, — мы, не заснув ни одной минуты, отдавали, по совместному обсуждению, все необходимые распоряжения, сносясь с этой целью по телефону с Тулой и по телеграфу с Петербургом» [Там же, с. 36];

— шифрованная телеграмма из Департамента полиции: «Ввиду возможности значительного наплыва в Ясную Поляну публики и прибытия из Москвы около тысячи студентов, благоволите, по приказанию г. Министра, принять все меры к сосредоточению на месте достаточного наряда полиции и конной стражи и недопущению противоправительственных выступлений» [Там же].

Действительно, всю ночь из престольной для прощания с Толстым «подъезжала молодежь, студентки и курсистки». Они разводили костры и грелись около них, ожидая начала процессии. «Приготовленные Кобеко самовары и бутерброды весьма пригодились, — замечает Харламов. — Стаканы с чаем брались с бою, и за съестными припасами пришлось посылать несколько раз дополнительно стражников в Тулу» [Там же].

Для руководства процессией и связи с администрацией «депутации от московских высших заведений», молодежь избрали приват-доцента Московского университета Цингера. При похоронах в Ясной Поляне собиралось выступать более ста человек. Занимавшийся церемониалом Цингер, выполняя волю Толстого,

выраженную им в его одной из дневниковых записей и известную близким, а также, учитывая пожелания семьи Толстых, не хотевших, чтобы при прощании с Львом Николаевичем происходили какие-нибудь инциденты, договорился с присутствовавшими обойтись без выступлений. Это естественно очень устроило и полицию. Чиновник особых поручений характеризует Цингера как «весьма спокойного и разумного господина».

В рапорте по начальству тульский полицеймейстер по-своему интерпретировал событие: между полицией и приехавшими на похороны и их представителем — приват-доцентом Цингером было заключено соглашение о том, чтобы при шествии «не было никаких манифестаций, флагов, противоправительственных и противорелигиозных речей, несения на руках венков и несоответствующих надписей на лентах».

«Все венки разложены были в багажном отделении ст. Засека, — отмечает полицейский чин в рапорте, — и по проверке надписей сложены были на телеги для отправки в Ясную Поляну». Их оказалось около ста. В течение ночи они все были осмотрены тульским губернатором Кобеко и капитаном фон Вернером. «Лишь на двух-трех венках оказались ленты с какими-то тенденциозными надписями». По соглашению цензоров с Цингером «крамольные ленты были изъяты».

Импровизированный штаб и Цингер разработали церемониал, предстоящих похорон, заранее наметив места в шествии для прибывших депутатов от учебных заведений и общественных организаций. Яснополянским крестьянам было отведено первое место. За час до прибытия траурного поезда, «ввиду большого скопления публики», «был расставлен наряд полиции у станции и по пути следования процессии» [Там же; см.: Мейлах, 1960, с. 308];

— телеграмма № 18436 (программного характера) товарища министра внутренних дел генерал-лейтенанта Курлова московскому градоначальнику: «Ввиду последовавших распоряжений о том, чтобы чины администрации не чинили препятствия духовным лицам в служении панихид по скончавшемуся графе Льве Толстом, благоволите принять меры к тому, чтобы публикации в газетах о служении панихид допускались не иначе, как с разрешения полиции по получении письменного извещения подлежащего духовно-го лица о том, что панихида действительно будет служиться, дабы

под предлогом служения панихид не организовывались бы в определенном месте собрания публики <с> целью противоправительственных демонстраций» (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 211);

— телеграмма ротмистра Савицкого Н. Н. Львову: «Предание земли назначено в Ясной Поляне, завтра тело увозят. Население и служащие довольно безучастны» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 343);

— шифрованная телеграмма рязанского губернатора тульскому губернатору: «Тело графа Толстого отправлено будет завтра, восьмого, днем из Астапово особым поездом. Прибудет <в> Горбачево около одиннадцати вечера. <На> Засеку — <в> семь утра. <В> поезде поедет семья, корреспонденты, лица, которые завтра утром могут приехать из Москвы» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 33];

— шифрованная телеграмма рязанскому губернатору из Данкова от исправника Шатилова: «Стража отправляется. <В> астаповский посолок явлюсь товарным поездом» [Там же].

8 ноября:

— генерал-майор Н. Н. Львов проявляет служебную заботу о том, чтобы все ответственные чины и подчиненные по инстанции проконтролировали движение траурного поезда;

— телеграмма Н. Н. Львова генералу Ю. Э. Фрейбергу, начальнику московского жандармского полицейского управления железной дороги: «Москва-Курск, или по месту нахождения. Отправление поезда <из> Астапово около 1 ч. 30 м. по пол<удня>, прибытие <в> Горбачево около 8 часов вечера» [Смерть Толстого..., 1929, с. 303];

— телеграмма Н. Н. Львова в Горбачево ротмистру Бакину: «Отправление поезда (из) Астапово около 1 ч. 30 м. по пол<удня>, прибытие <в> Горбачево около 8 часов вечера» [Там же];

— 1 час 15 минут дня. Траурный поезд с телом Л. Н. Толстого отправился со станции Астапово [Толстой, 1992, т. 58, с. 275];

— 2 часа 10 минут дня. Шифрованная телеграмма рязанского губернатора в Петербург товарищу министра внутренних дел генералу Курлову: «Тело графа Толстого отправлено. На станции были семейства служащих станции, корреспонденты и немного приезжей публики. <В> поезде, кроме семьи, едет около двадцати человек. Венки возложены только служащими дороги. Никаких речей не было» [Смерть Толстого..., 1929, с. 305];

— крестьяне окрестных Астапово деревень «во избежание скопления большого количества народа не были допущены на станцию» (из рапорта генерал-майора Н. Н. Львова. — Красный архив. 1923. Т. 4. С. 360);

— В. Г. Чертков, вернувшись из Астапово раньше Софьи Андреевны, следовавшей за гробом мужа, счел нужным посетить «бесхозную» Ясную Поляну и произвести в кабинете Толстого обыск (Слово. 1993. № 9–12. С. 17);

— чиновник особых поручений Н. П. Харламов с удивлением отмечал: «Александра Львовна и Чертков ни при встрече тела на ст. Засеки, ни на похоронах не были и находились в это время в соседнем имении Черткова — Телятниках. Объяснялось ли их отсутствие особенностями их вероучения, или они просто избегали встречи с родными — судить не берусь, но во всяком случае это отсутствие родной дочери на похоронах своего отца производило на всех, воспитанных в других началах, по меньшей мере странное впечатление» [Отчет чиновника..., 1991, с. 37];

— телеграмма московского градоначальника полицеймейстерам и приставам: «Установите наблюдение на улицах. Не допускайте предложения закрывать магазины и насилий в этом направлении» (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 212).

— отношение № 2917 помощника московского градоначальника полковника Модля командиру жандармского дивизиона: «По приказанию московского градоначальника, прошу Ваше высокоблагородие сделать наряд на завтра, 9 сего ноября, к 8 ½ час. утра: 1 офицера и 25 конных жандармов в распоряжение полицеймейстера 1 отделения во двор 1 участка Тверской части (Знаменка) и столько же в распоряжение полицеймейстера 2 отделения во двор Хамовнической части на Хамовническом плацу» (Там же);

— шифрованная телеграмма тульского губернатора Д. Д. Кобеко рязанскому губернатору: «Благоволите телеграфировать: Толстой (! — Г. Ж.) направляется <на> Засеку или <в> Щекино» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 34];

— шифрованная телеграмма рязанского губернатора тульскому: «Тело графа Толстого отправлено через Горбачево <на> Засеку» [Там же];

— шифрованная телеграмма № 749 (программного характера) генерала Курлова рязанскому губернатору — повтор текста телеграммы 7 ноября к московскому градоначальнику о панихидах [Там же];

— рапорт рязанскому губернатору станowego пристава Данковского уезда Шатилова: «Совершенно секретно».

Доношу Вашему сиятельству, что на станции Данков во время следования поезда с телом умершего графа Льва Николаевича Толстого посторонней публики не было на платформе... проезд через станцию совершался не более 2-х минут; никаких оваций, возгласов и речей не было. Ввиду нахождения воинского поезда и новобранцев около станции, возможно, опять ожидать каких-нибудь фантастических корреспонденций. От города Данкова был заготовлен венок и приезжал городской голова, но не в мундире и без знака; переговорив со мною, он уехал обратно в город и венок на платформу не выносился...» [Там же, с. 34–35].

Представленная мозаика хроники происходивших вокруг станции Астапово событий, больших и малых, рисует почти батальную картину, созданную усилиями бдительных военно-полицейских сил России, как будто речь идет о боеготовности в предвоенных условиях. Остается в этом смысле подвести итоги. В этом большим подспорьем для нас служат отчетные документы чинов министерства внутренних дел, полиции. Вот строки итогового рапорта эпического настроенного генерал-майора Н. Н. Львова:

«Для поддержания порядка на станции Астапово, по прибытии туда графа Толстого и на время перевезения его тела до станции Горбачево включительно, на всех попутных станциях полицейский надзор был усилен унтер-офицерами от других отделений (15 человек). И, кроме того, по приказу губернатора, в поселке Астапово находилась команда стражников Данковского уезда в числе 30 человек». Генерал отмечает с удовольствием, что «порядок нигде нарушен не был» (Красный архив. Т. 4. С. 355).

В рапорте названы отвечавшие за порядок: общее руководство осуществлял рязанский губернатор кн. А. Н. Оболенский, на станции Астапово и в пути до Горбачева — начальник Елецкого отделения жандармского полицейского управления железных дорог ротмистр Савицкий, на станции Горбачево — ротмистр Бакин. Активно действовал тульский губернатор Д. Д. Кобеко, рапорт которого вносит существенные дополнения в дислокацию стражи при больном Толстом:

«Мною вызваны были в город Тулу, от которого Ясная Поляна отстоит по шоссе в 9 верстах, 35 конных стражников из ефремовского отряда и 25 из вневского отряда, которые прибыли в Тулу 5 ноября, где ими произведены были, совместно с тульским отрядом, учения для того, чтобы скрыть их истинную роль *вызова*». Уровень боеготовности этих сил определялся «ходом болезни Толстого», сведения об этом «сообщались по телеграфу графом М. Л. Толстым» (Там же. С. 359).

После получения известия о кончине Толстого были проведены перемещения боевых сил: все стражники в числе ста человек были в два часа дня отправлены на станцию Щекино и в ближние к Ясной Поляне деревни.

Станция Засека удостоилась особого внимания, поскольку там происходила остановка траурного поезда, далее гроб с телом покойного до Ясной Поляны несли по очереди добровольцы. В связи с этим «были собраны распоряжением местной жандармской полиции достаточное число жандармских унтер-офицеров» и, по распоряжению губернатора, 40 городских тульской городской полиции.

Общее руководство боевыми перемещениями и действиями осуществлял капитан фон-Вернер, для содействия которому были направлены:

- 2 уездных исправника,
- 3 станowych пристава,
- 2 помощника пристава тульской городской полиции,
- 3 командированных московским градоначальником чиновника московской городской полиции,
- 2 офицера конно-полицейской стражи.

В этом случае дислокация боевых сил приняла новый вид:

- все городские расположились на станции Засека и около нее,
- 40 стражников были заранее посланы к месту погребения,
- 20 стражников расставлены по пути от станции до Ясной Поляны,
- 50 стражников сопровождали процессию (Там же. С. 360).

Таким образом, при этих военизированных условиях порядок погребения классика русской литературы был полностью обеспечен: «толпа держала себя тихо и спокойно». Никакой идеологически испорченный враг не мог быть не замечен отрядом бдитель-

ных глаз. Можно только пожалеть, что к этому времени другой классик русской литературы М. Е. Салтыков-Щедрин давно почил. Для освещения происходящего действия явно не хватало его сатирического пера.

9 ноября:

— 6 часов 46 минут утра. Траурный поезд прибыл на станцию Засака;

— 10 часов утра. Процессия провожавших в последний путь Л. Н. Толстого, несших его гроб на руках от Засаки, пришла в Ясную Поляну;

— 11 часов 45 минут — 2 часа 15 минут утра. Прощание с Л. Н. Толстым всех находившихся в Ясной Поляне;

— 15 часов дня. Погребение Л. Н. Толстого в лесу «Заказе» на месте, указанном самим Толстым [Толстой, 1992, т. 58, с. 275].

Вот как события представлены в официальной бумаге вынужденного летописца — тульского губернатора: «Поезд прибыл в 8 часов утра, подан был к товарной платформе, причем гроб был вынесен семьей Толстого, крестьянами и студентами. Часть студентов пела „Вечную память“, каковое пение продолжалось все время шествия, и при опускании тела в могилу никаких возгласов, выкидывания флагов не произошло». «За происходящим около могилы, в Ясной Поляне и в усадьбе Черткова и Александрой Львовной Толстой» было установлено *негласное наблюдение* (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 361).

Чиновник особых поручений Н. П. Харламов рисует более подробную, по-своему беллетризованную картину: «В восемь часов утра к товарной платформе медленно подошел траурный поезд с останками почившего великого человека. Гроб был вынесен из вагона членами семьи Толстого, крестьянами и студентами, которые на руках и понесли его к месту последнего успокоения. Над гробом несли большую ленту с надписью: „Доброму барину от яснополянских крестьян“. Эта лента, как и вообще участие в похоронах крестьян, была, можно сказать, единственным трогательным моментом на этих „гражданских“ похоронах. (Массовое участие в них молодежи не затрагивало струн души чиновника — скорее доставляло лишние заботы. — Г. Ж.) Духовенства, конечно, не было.

За гробом шла толпа примерно тысячи три с половиной человек, преимущественно студентов и курсисток, которые весь путь до могилы, около трех верст, пели „Вечную память“. Никаких

революционных гимнов или похоронных маршей не исполнялось, и молодежь, к ее чести, вела себя чинно и вполне благопристойно». Эту идиллию чиновнику в отчете пришлось все-таки нарушить, поскольку среди студентов «по рукам ходило около 20 подписных листов» с протестом против смертных казней в России.

Бдительность полиции в это время доходила до крайнего предела: «Из окна салон-вагона, стоявшего на запасном пути и из которого власти наблюдали за шествием, была усмотрена впереди процессии какая-то развевающаяся большая красная тряпка. „Власти“ взволновались, немедленно был послан переодетый стражник произвести расследование „на месте“, а Кобеко со свойственным ему юмором, стал рассматривать „неблагонадежный“ предмет в бинокль. Вернувшийся вскоре стражник доложил, что усмотренная тряпка не что иное, как покрывало кинематографа, делавшего с процессии съемки». Самоироничный текст чиновника тем не менее позволяет увидеть и некие детали слежки, ее характер: сосредоточенное наблюдение «властей» за происходящим; полную готовность стражника влиться в толпу, вооруженность юморного тульского губернатора биноклем.

Наконец, дадим слово стороннему наблюдателю. Сотни людей, сменяя друг друга, несли гроб с прахом Толстого на плечах до Ясной Поляны. По воспоминаниям Н. Лейна, процессия растянулась в длинную цепочку, идти было трудно «по промерзлой, не особенно удобной для ходьбы, земле, цепью окружив гроб и ближайших родственников, следовавших за гробом. Всю дорогу поют „Вечную память“. Ни духовенства, ни церемоний никаких нет». Впереди на четырех крестьянских телегах везли венки с серебряными, фарфоровыми и живыми цветами.

По дороге сформировался огромный в 700 голосов хор, который был поделен на три партии. Когда заканчивала петь одна партия, начинала другая, затем — третья. Шествие состояло в основном из крестьян, студентов и курсисток.

Конечно, всем было ясно, что событие происходило на глазах полиции, шпиков, многочисленных стражников. Даже при прощании родных с Львом Николаевичем, происходившем «при закрытых дверях, со спущенными на окна шторами», присутствовали

полицейские чины. Сергей Львович попытался выразить протест по этому поводу, но это не возымело действия.

В два часа дня гроб был перенесен к могиле — туда, где хотел быть погребенным Толстой. Вокруг могилы цепочкой стали яснополянские крестьяне. «Около места погребения никаких чинов полиции, кроме... цензоров (речей, которые могли бы прозвучать. — Г. Ж.), не было», — сообщает Харламов, правда, добавляя: «Стянутые предварительно в Ясную Поляну согласно петербургским распоряжениям стражники были скрыты в лесу в далеком расстоянии от могилы, провожающим Толстого они не были видны» [Отчет чиновника..., 1991, с. 36–37].

В день похорон в Ясной Поляне собралось от 5 до 7 тысяч человек. Местные власти все сделали для того, чтобы участники похорон смогли беспрепятственно вернуться домой: заранее были подготовлены экстренные поезда в Москву. У целой группы студентов их льготные билеты «по каким-то железнодорожным правилам оказались недействительными». Молодежь начала шуметь, тогда губернатор Кобеко всех их отправил в Москву за собственный счет. Последний экстренный поезд отошел со станции Засаека в 6 часов 30 минут утра. П. Н. Харламов телеграфировал об этом генерал-лейтенанту Курлову и доложил о том, что «похороны прошли в полном порядке, без инцидентов и демонстраций».

В Москве к ночным поездам были поданы трамваи, которые «немедленно развезли утомленную от ночного бдения молодежь по домам». По мнению чиновника особых поручений, этим «были предотвращены возможные демонстрации, если бы молодежи, за отсутствием ночью трамвайного движения, пришлось расходиться по домам пешком» [Там же, с. 37].

По донесению секретного сотрудника московской охранки, после похорон 5–6 дней каждый день на могиле Толстого побывало несколько сотен человек, преобладала студенческая молодежь. При этом произносились и речи. «Обычно сборища на могиле Л. Н. Толстого носят такой характер: посетители, опустившись на колена, поют „Вечную память“, затем кто-либо произносит речь. Речи, видимо, носят революционный характер, так как местные крестьяне, избегая передавать содержание этих речей, все же говорили: „Ругают начальство, говорят не ездить в церковь, говорят,

что Л. Н. Толстой учил никогда никого не убивать, а начальство убивает людей“»⁸.

«Кончина Толстого не явилась неожиданностью, — констатирует чиновник особых поручений. — Ее ожидали чуть ли не в течение 20 лет...» [Отчет чиновника..., 1991, с. 37]. Ожидание властной и полицейской бюрократии, наконец-то, пришло к желаемому финалу.

⁸ Весь этот сюжет с использованием архивного материала подробно разработан Б. Мейлахом [Мейлах, 1960, с. 308–311].

СКАЖИ ТОЛЬКО ОДНО СЛОВО: «КАЮСЬ!»

Русская православная церковь традиционно выступала и выступает как гарант и охранительница единения Руси, России, даже СССР — того пространства, на котором живет ее паства. Отсюда столь же традиционна ее связь с властью, наличие у иерархов Церкви, хотя бы они того или нет, властных полномочий. Высшие структуры Церкви всегда влияли на решение основных, судьбоносных проблем страны. Духовная и светская цензуры вместе контролировали благонадежность граждан государства, их отношение к Церкви и самодержавию; контролировали культурную жизнь общества, литературный процесс¹.

Литературная и общественная деятельность Л. Н. Толстого с 1880-х годов протекала при жесткой, двойной, но объединенной цензуре — светской и духовной.

Опыт властных структур по контролю за общественно-публицистической, литературной деятельностью Л. Н. Толстого в нашей отечественной истории уникален. Для уменьшения влияния Слова великого русского писателя на общество, главным образом на народ, была выработана целая система контроля, был задействован весь мощный к тому времени аппарат власти и цензуры: от императора и обер-прокурора Святейшего Синода до полицейского сыска и рядового цензора.

При этом были использованы и апробированы на Толстом новые по тем временам формы давления и репрессий: грубая

¹ Исключением из этого правила являлся советский период России, когда КПСС пыталась подменить духовность, несомую Русской православной церковью, собственной идеологией. Это интересная и сложная проблема, требующая непредвзятого изучения.

провокация через светскую печать (это ярко показывает практика «Московских ведомостей» посткатковского периода), антитолстовская кампания в духовной журналистике — от теоретических споров и проблемной полемики до прямых оскорблений писателя, бездоказательных утверждений в его адрес и доноса начальству. Без сомнения, важную роль при этом сыграл обер-прокурор Св. Синода К. П. Победоносцев, опиравшийся в своей деятельности на журналистику и понимавший необходимость этого в общении с народом.

Особо следует отметить включение властью в противостояние с Толстым общественного мнения — от его осуждения и уговоров быть таким как все до травли с трибуны газет и журналов, в проповедях. Конечно, превращение общественного мнения в орудие репрессии по отношению к мыслителю и творцу уже тогда не было новым явлением, но в конкретном случае общественное мнение отражало позицию не только власти, но и значительной части интеллигенции, включая оппозиционную (светская критика, выступления радикалов, революционеров и т. д.), и достаточно широкой паствы (представители народа).

В конечном итоге для Толстого был создан особый, многослойный, но целенаправленный цензурный режим, включавший в себя требования закона, Церкви и общественного мнения. Великий писатель не мог стать сотрудником какого-либо издания, вообще публикация его произведений в России была проблематична: большинство его сочинений, особенно публицистических, философских, вышло и на русском языке за рубежом [см.: Жирков, 2009, с. 256–257].

Именно Церковь проявила инициативу по наказанию Толстого за его противостояние с нею. Особым актом 20–22 февраля 1901 г. Св. Синод зафиксировал отпадение Толстого от Церкви. И это произошло тогда, когда Лев Николаевич был болен. В ходе подготовки этого важного документа важное значение имело заседание Св. Синода, на котором в связи с болезнью Толстого был «возбужден вопрос, могут ли епархиальные преосвященные в случае смерти Толстого разрешить совершение по нем панихид и заупокойных литургий».

«Святейший Синод в заботах об утверждении мира Православной Всероссийской Церкви и устранения соблазна признал благо-

временным разрешить сей вопрос, — говорится в секретном письме «О запрещении поминовения и панихид по Л. Н. Толстом в случае его смерти без покаяния»; — ибо кончина графа Толстого может дать повод многочисленным почитателям, часто только по слухам знакомым с его воззрением, просить приходских священников совершить по нем панихиду и заупокойную литургию и последние, по неведению, могут исполнить их желание», в то время как «гр. Лев Толстой в своих сочинениях, в коих он выражает свои религиозные воззрения, ясно показал себя врагом Православной Христианской Церкви. Единого Бога в трех лицах он не признает, второе лице Святые Троицы — Сына Божия называет просто человеком, кощунственно относится к тайне воплощения Бога Слова, искажает священный текст Евангелия, Святую Церковь порицает, называя Ее человеческим установлением, церковную иерархию отрицает и глумится над Святыми Таинствами и обрядами Святой Православной Церкви».

Таких людей, подчеркивается в документе, «Православная Церковь торжественно, в присутствии верных чад, в Неделю православия объявляет чуждыми церковного общения». Поэтому в случае смерти Толстого без покаяния и примирения с Церковью совершение панихид и заупокойной литургии по графу Толстому «несомненно смутит верных чад св. Церкви и вызовет соблазн, который должен быть предупрежден». «В виду сего Святейший Синод *постановил*: воспретить совершение поминовения, панихид, заупокойных литургий по графе Льве Толстом, в случае его смерти без покаяния» [Толстовский ежегодник, 1912, с. 158; см. также: Петров, 1978, с. 24–25].

Первенствующему члену Св. Синода митрополиту Иоанникию было поручено сообщить о принятом решении епархиальным преосвященным, а те довести его содержание «благодичинным для объявления подведомственному духовенству». 5 апреля 1900 г. секретное, «конфиденциальное» письмо было разослано как Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского (вход. № 3776) [Толстовский ежегодник, 1912, с. 158].

Этот документ показывает то, что инициатором «репетиции» будущих похорон великого писателя, еще здравствующего, выступил Св. Синод. Естественно, административные силы, разрабатывая свои проекты, приведенные нами ранее, имели в виду этот указ.

Кроме того, митрополит Антоний, зная о болезни Толстого, предпринял попытку использовать в качестве давления на Толстого его семью. 11 февраля 1902 г. он посылает письмо жене писателя с просьбой убедить Льва Николаевича вернуться к церкви и тем «помочь» ему «умереть христианином»: «О, графиня, умолите графа, убедите, упросите сделать это. Его примирение с Церковью будет праздником светлым для всей русской земли, всего народа русского, православного, радостию на небе и на земле...» [Бертенсон, 1915, с. 215]. Уход Толстого из семьи в октябре 1910 г. и его болезнь в Астапово встревожила начальствующих РПЦ, которые были озабочены тем, что великий писатель останется вне ограды Церкви, умрет без покаяния и панихиды, напутственных слов Церкви. Историк А. С. Николаев, публикуя в 1920 г. ряд документов Русской православной церкви, имеющих отношение к Толстому, замечал: «Между 3 и 7 ноября официальная церковь, в лице Святейшего Правительствующего Синода, делает попытку примирить писателя с церковью» (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 275–276). Вернемся к подтверждающей это хронологии событий цензурной астаповской недели.

3 ноября:

— в связи с болезнью Л. Н. Толстого состоялось слушание об этом в Синоде. Обсуждался ряд вопросов, к примеру, служить ли панихиды по Толстому после его смерти. Как утверждает современный историк священник Г. Ореханов², «члены Синода отрицательно отнеслись к такой возможности и подчеркнули, что священники, виновные в незаконных, с точки зрения церковной власти, действиях, будут наказаны» [Ореханов, 2009, с. 112]. Кроме того, были оговорены и выработаны телеграммы для осуществления некоторых практических мер в связи с болезнью писателя и философа;

— перед заседанием Св. Синода обер-прокурор С. М. Лукьянов сообщил о том, что министр внутренних дел П. А. Столыпин собирается командировать в Астапово чиновника особых поручений и «прислал его узнать, не последует ли каких-либо распоряжений

² К сожалению, исследователь пока не изучил документы этого заседания Синода, хотя они могли бы пролить свет на действия иерархов и сделать выводы его книги более аргументированными.

Синода». Между членами Синода состоялся «продолжительный на эту тему разговор», в ходе которого Парфений (Левицкий), епископ Тульский и Белевский, по его словам, «предложил на разрешение членов Синода и Обер-Прокурора... недоумение (тульского губернатора Д. Д. Кобеко. — Г. Ж.), как поступить, если — в случае смерти графа Льва Толстого без покаяния, — окажется священник, который решится совершить отпевание по чину». Синод высказал мнение: «...У губернатора нет средств остановить незаконные действия священника, но последний будет подвергнут ответственности, если совершит отпевание» [Толстой и о Толстом, 1924, с. 85]. Это мнение было доведено до чиновника МВД (им был Н. П. Харламов)³;

— телеграмма Св. Синода за подписью его первенствующего члена митрополита Антония (Вадковского) калужскому епископу Вениамину (Муратовскому): Синод «признает необходимым поручить вашему преосвященству незамедлительно направить к болящему иеромонаху Иосифа, старца Козельской Оптиной пустыни, для предложения графу духовной беседы и религиозного утешения *в целях примирения с церковью*. О последующем благоволите незамедлительно донести Синоду. Преосвященный Рязанский Никодим поставлен в известность о сем» (Курсив мой. — Г. Ж.)⁴;

— обмен телеграммами между епископом Вениамином и настоятелем Оптиной Пустыни (см. Прил. 2), который на предложение по поводу старца Иосифа доложил, что «о. Иосиф, по своему болезненному состоянию и преклонности лет, настолько слаб, что не выходит из кельи даже в храм к Богослужению, а посему отправить его в Астапово никак невозможно» (Дела и дни: ист. журн. 1920. С. 294);

— телеграмма епископа Вениамина митрополиту Антонию с донесением о болезни старца Иосифа;

³ В опубликованных документах — переписке Д. Д. Кобеко и епископа Парфения (см. Прил. 1) — допущена неточность в их датировке: запрос первого отнесен к 5 ноября, тогда, как ответ на него — к 3 ноября. О том, что речь идет о Харламове, ясно из его воспоминаний, содержащих такие фразы: «Я передал князю все, что мне сказал Столыпин...», о тульском губернаторе ему «перед отъездом говорил Столыпин» [Отчет чиновника..., 1991, с. 33, 35].

⁴ Архив Синодальной канцелярии. Д. 331. — Цит. по: Апостолов, 1930, с. 192. — Никодим — епископ Рязанский и Зарайский.

— телеграмма митрополита Антония епископу Вениамину с предложением «командировать в Астапово для той же цели скитоначальника, игумена Варсанофия» (Там же);

— газеты опубликовали интервью с Парфением (Левицким), епископом Тульским и Белевским, который заявил: Толстой «несомненно ищет сближения с Церковью». Это же фактически подтвердил тульский викарий Митрофан, рассматривавший уход Толстого как «акт обращения его, возвращения к Церкви» [Мейлах, 1960, с. 296]. Мало того, епископом Парфением в интервью была запущена, говоря журналистским жаргоном, газетная утка по поводу тайны, которой он якобы обладает: «Я лишен возможности сообщить вам содержание моей беседы с Толстым, и никому в Православной Руси я этого сказать не могу, — напускал в интервью таинственности Парфений. — Я был в Ясной Поляне, долго беседовал со Львом Николаевичем. Старец просил меня, чтобы я никому не говорил о нашей беседе». Толстой якобы рассматривал беседу как исповедь, поэтому «она должна сохраняться в тайне» [Там же].

Л. Н. Толстой как в воду глядел, когда после визита Парфения 22 января 1909 г. записал в дневнике: «Вчера был архиерей, я говорил с ним по душе, но слишком осторожно, не высказал всего греха его дела. А надо было... Он, очевидно, желал бы обратиться меня, если не обратит, то уничтожить, уменьшить мое, по-их — зловерное влияние на веру и церковь. Особенно неприятно, что он просил дать ему знать, когда я буду умирать. Как бы не придумали они чего-нибудь такого, чтобы уверить людей, что я „покаялся“ перед смертью. И потому заявляю, кажется повторяю, что *возвратиться к церкви, причаститься перед смертью я так же не могу, как не могу перед смертью говорить похабные слова или смотреть похабные картинки, и потому все, что будут говорить о моем предсмертном покаянии и причащении — ложь...* Повторяю при этом случае и то, что похоронить меня прошу также без так называемого богослужения...» [Толстой, 1992, т. 57, с. 16].

Парфений — многоопытный иерарх, и нельзя отнести его интервью в этот момент на счет проявления им наивности. Его слова — составная часть предпринимаемых Синодом мер по отношению к астаповским событиям. Заметим, что в этот же день заседал

Синод и газеты сообщали, что было решено «принять меры, чтобы убедить больного раскаяться перед Церковью» [Мейлах, 1960, с. 298].

Возможность политической провокации в создавшихся условиях отрицать сложно: светская власть, имевшая уже такого рода опыт борьбы с революционными выступлениями 1905–1907 гг. и использовавшая ее при необходимости, опиралась на Церковь. РПЦ действовала сдержанно, в соответствии с церковной традицией, но и представителям Церкви, ее высшим чиновникам было присуще стремление к карьере, стремление показать себя. В поведении Парфения это было явно ощутимо.

Вообще в связи с поведением церковников создается впечатление, что они в глубине души не верили в успех своей миссии или, возможно, считали ее ненужной. Отсюда такие запоздания с прибытием в центр событий. Старец Варсонофий приехал ранее других, но уже тогда, когда трудно было беседовать с Толстым. Епископ тамбовский Кирилл, находившийся на станции Лебединь, 4 ноября запросил подать ему вагон на эту станцию, где пребывал в ожидании [Смерть Толстого..., 1929, с. 90, 91]. Парфений появился в Астапово лишь утром 7 ноября тогда, когда писателя уже не стало;

— телеграмма тамбовского епископа Кирилла (Смирнова), призывавшего Л. Н. Толстого примириться с церковью. Епископ собирался приехать в Астапово [Там же, с. 149];

— шифрованная телеграмма из Петербурга губернатору Рязани, подписанная за министра внутренних дел товарищем министра генерал-лейтенантом П. Г. Курловым, командиром отдельного корпуса жандармов и содержащая программу действий властных структур, учитывавшую и интересы Церкви:

1) «ввиду вероятности смерти» (графа Льва Толстого) «принять ныне же предварительные предупредительные меры к недопущению открытых демонстраций и противоправительственных или *противорелигиозных выступлений* со стороны могущих прибыть в значительном числе единомышленников»;

2) «благоволите <с> сею <же> целью лично отбыть <в> Астапово, войти осторожно <в> переговоры о нежелательности подобных выступлений с находящимися там членами семьи графа» [Там же, с. 70].

4 ноября:

— 11 часов 46 минут утра. Телеграмма митрополита Антония Толстому: «С самого первого момента Вашего разрыва с Церковью я непрестанно молился и молюсь, чтобы Господь возвратил Вас к Церкви. Быть может, Он скоро позовет Вас на суд свой, и я Вас, больного, теперь умоляю, примиритесь с Церковью и православным русским народом. Благослови и храни Вас Господь» [Там же];

— шифрованная телеграмма рязанского губернатора в Петербург товарищу министра внутренних дел генералу Курлову: «Прибыв Астапово, нашел полное спокойствие... Местному священнику указания даны на случай кончины графа Толстого» [Так же, с. 16];

— шифрованная телеграмма рязанского губернатора в Рязань вице-губернатору В. А. Колобову: «Прошу сообщить, переговорив <с> архиереем, можно ли местному священнику служить молебен <о> здравии Толстого; вчера его просили — он склонен согласиться. *Посоветуйте не разрешать*» [Там же];

— шифрованная телеграмма рязанскому губернатору от вице-губернатора: «Преосвященный <Никодим> не разрешает служить молебен над богоотступником до тех пор, пока он не принесет местному священнику покаяния и не будет допущен к причастию.

Митрополит <Антоний> уведомил преосвященного <о том>, что <в> Астапово командирован Оптиной Пустыни старец Иосиф, который уполномочен увещевать Толстого и по своему усмотрению без архиерейского разрешения производить нужные богослужения» [Там же, с. 30];

— вечером митрополит Антоний и обер-прокурор С. М. Лукьянов вызвали епископа тульского и белевского Парфения и предложили ему «отправиться на станцию Астапово к умиравшему графу Л. Н. Толстому с целью сделать еще одну попытку к примирению его с церковью» (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 300).

5 ноября:

— в газете «Русское слово», наиболее распространенной в стране, имевшей большой авторитет, не помещавшей неточной, непроверенной информации, опубликовано сообщение: «Последние известия о болезни Л. Н. Толстого произвели сильный переполох как в высших кругах, так и среди членов Святейшего Синода. Председатель Совета министров П. А. Столыпин обратился

к обер-прокурору С. Н. Лукьянову с запросом, как полагает высшая церковная власть реагировать в случае роковой развязки...»

— по инициативе обер-прокурора было собрано экстренное тайное заседание Св. Синода, где Лукьянов поставил на обсуждение вопрос об отношении церкви к возможной кончине Толстого. «Русское слово» комментирует так: «Этот вопрос вызвал продолжительные и бурные прения. Иерархи указывали на то, что Л. Н. Толстой отлучен Синодом от церкви, и для того, чтобы церковь вновь приняла его в свое лоно, необходимо, чтобы он раскаялся перед ней. Между тем, раскаяния все еще не видно; не имеется даже более или менее достаточных внешних мотивов, которые говорили бы в пользу раскаяния Толстого. Ввиду такого неясного положения вопроса, Синод не вынес никакого решения...»⁵;

— на заседании Совета министров обсуждался вопрос о возможности всяких осложнений в связи с актом Св. Синода об отпадении Толстого от Церкви. «Как нам сообщают, — пишет «Русское слово», — в высших кругах вопросу о болезни Л. Н. Толстого придают весьма важное значение. В случае печального исхода болезни Л. Н. Толстого в высших кругах опасаются того неловкого положения, в котором может очутиться церковь, ввиду отлучения Толстого и невозможности его похоронить по христианскому обряду». Все члены столыпинского кабинета, включая и обер-прокурора С. М. Лукьянова, по информации «Русских ведомостей», не менее авторитетного издания (Рус. Ведомости. 1910. № 256, 6 ноября; см.: Красный архив. 1923. Т. 4. С. 351–352), высказались за то, что необходимо и своевременно отменить это решение⁶;

— в Астапово прибыл и. о. вице-директора департамента полиции, чиновник особых поручений при министре внутренних дел Н. П. Харламов, к его миссии относилось и взаимодействие с представителями Церкви. Это следует из его воспоминаний и содержания телеграмм, которыми он обменялся с генерал-лейтенантом П. Г. Курловым. «Попытки мои и князя Оболенского

⁵ Речь идет, вероятно, о заседании Св. Синода 3 ноября, поскольку в газете говорится о принятом решении «послать телеграмму калужскому епархиальному начальству с предписанием попытаться увещевать Льва Николаевича Толстого раскаяться перед православной церковью».

⁶ Священник Г. Ореханов справедливо отмечает неизученность этих фактов взаимодействия властей [Ореханов, 2009, с. 110].

устроить свидание прибывших из Оптиной Пустыни монахов с Львом Николаевичем, — пишет Харламов, — окончились неудачей» [Отчет чиновника..., 1991, с. 34];

— из зашифрованной телеграммы Н. П. Харламова в Петербург генерал-лейтенанту П. Г. Курлову: «Спрашиваю указаний, вступить ли в доверительные сношения с Александрой Львовной о допуске старца Иосифа, с остальными родными говорить, по видимому, бесполезно. Мое инкогнито сохранить, очевидно, не удастся»;

— зашифрованная телеграмма генерал-лейтенанта П. Г. Курлова из Петербурга Н. П. Харламову: «Вступите через губернатора в переговоры с Александрой Львовной относительно допущения старца Иосифа или другого авторитетного лица, *командированного Синодом*. Инкогнито постарайтесь сохранить до последней возможности (курсив мой. — Г. Ж.)»;

— 7 часов 30 минут вечера. Вместо старца Иосифа с той же миссией приехал игумен Варсонофий. Он через князя А. Н. Оболенского, рязанского губернатора, вел с семьей Толстого безуспешные переговоры о соглашении с Церковью (Красный архив. 1923. Т. 4). «Варсонофий продолжает быть центром общего внимания, — сообщает корреспондент. — ...Все поведение Варсонофия свидетельствует <о> настойчивом желании его говорить <с> Толстым. Этого требует очевидно предписание духовных властей» [Смерть Толстого..., 1920, с. 163–164]. Игумен обратился к княгине Оболенской, находившейся на станции, прося ее устроить ему свидание с больным.

В достаточно субъективном очерке «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого» И. М. Концевич (1893–1965), рассуждая по поводу визита в Астапово Варсонофия, пытается представить его появление там чуть ли не зовом самого Льва Николаевича. И в то же время приводит слова старца, обращенные с досады к журналистам: «Вот мое интервью, так и напишите: хотя он и Лев, но не мог разорвать кольцо той цепи, которою сковал его сатана» [Концевич, 1995, с. 60]. Концевич доказывает, что Варсонофий «не мог и не собирался ограничиться одним словом „каюсь“ в силу каких-то полномочий <очевидно, Синода>, как приписывает ему Савицкий» [Там же, с. 62]. На самом же деле миссия Варсонофия была санкционирована именно Синодом, а вариант со словом

«каюсь» более реалистичен, чем тот, о котором пишет Концевич, говоря об условиях, на которых великий писатель мог бы вернуться в лоно Церкви.

В этом случае Толстой должен был бы, во-первых, «предать анафеме лжеучение, которое он доселе содержал во вражде к Богу, в хуле на Святого Духа, в общении с сатаной» (цитата из сочинений епископа Игнатия Брянчанинова). Во-вторых, покаяться на целый свет, «как грешил на целый свет». Никаких предпосылок к тому, чтобы Лев Николаевич мог принять такие условия, в его биографии нет.

Сам же Концевич, противореча логике, приводит факт неизменности позиции Толстого даже в Астапове — на пороге смерти: «1 ноября <Толстой> диктует дочери свои антихристианские пантеистические вымыслы; все то же, что и раньше, — безысходный заколдованный круг» [Там же]. Далее следуют цитата записи Льва Николаевича и вывод Концевича: «Нет у него сознания, что между Творцом и тварью бездна, что человек беспомощное, падшее существо, нуждающееся в Промыслителе и Искупителе. А сознательно, нет места ни покаянию, ни тайнствам, ни Христу» [Там же, с. 66].

Г. Ореханов более подробно разрабатывает сюжет с Варсонофием. Он цитирует донесение старца епископу Вениамину Калужскому: «Не теряя надежды, я всегда был наготове, чтобы по первому зову графа явиться к нему немедленно. В этот день, как и сегодня — 7 ноября, я находился на вокзале, в 20 шагах от квартиры Начальника станции, в которой находился граф, и явиться к нему мог немедленно» (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1 С. 296; Красный архив. 1923. Т. 4. С. 338–339). «Варсонофий был наделен чрезвычайными полномочиями: он имел с собой Святые Дары и в случае покаяния писателя, которое могло выразиться одним словом «каюсь» и означало бы для старца отказ Толстого от своего лжеучения, он приобщил бы умирающего» [Ореханов, 2009, с. 108].

Варсонофий собирался побеседовать с А. Л. Толстой, но та отказалась прийти к нему для разговора. «Я в данное время не могу отойти от больного отца, которому ежеминутно могу быть нужна. Прибавить к тому, что Вы слышали от всей нашей семьи, я ничего не могу, — отвечала старцу Александра Львовна запиской 6 ноя-

бря. — Мы — все семейные, единогласно решили впереди всех других соображений подчиниться воле и желанию отца, каковы бы они ни были. После его воли мы подчиняемся предписаниям докторов, которые находят, что в данное время что-либо ему предлагать или насиловать его волю было бы губительно для его здоровья» [Толстая, 1923, с. 181].

В принципе настойчивость Варсонофия понятна и по-человечески, и по-служебному. Но состояние здоровья Толстого 5 ноября к 19.30 ухудшилось. Встреча Варсонофия, даже если бы она состоялась, ничего бы не дала. Ни происки В. Г. Черткова, как считают некоторые, ни врачи не были в состоянии повлиять на ход событий.

Священник Г. Ореханов вопрошает в духе тех официальных документов, с которыми познакомился: «Какова была реальная „расстановка сил“ на станции во время пребывания там Л. Н. Толстого?» Скажем, это доподлинно было известно генералам. Они ее отслеживали. Обстановка же была трагичной, расстановка — обычной. Толстой ни морально, ни физически не мог поступать так, как того желала официальная Россия. «Ближайшее окружение установило строжайший надзор за Толстым...» — делает вывод ученый. Такой надзор, который здесь подозревается, был установлен скорее дальним окружением — властными структурами, с которыми были связаны и верхи РПЦ, поэтому никакие телеграммы, проходившие через Астапово, никакие перемещения подозрительных и даже неподозрительных лиц не могли быть не отмечены острым оком соглядатая или должностного лица [Ореханов, 2009, с. 104–105];

— шифрованная телеграмма № 1284 рязанскому губернатору из Петербурга от генерал-лейтенанта Курлова, за министра внутренних дел: «Совершенно секретно, экстренно.

1) Если <в> случае смерти графа Льва Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и представьте всецело разрешение этого вопроса местной духовной власти;

2) За устроителями и присутствующими на панихидах благоволите приказать учредить неослабое наблюдение и никоим образом не допускайте никаких выступлений противоправительственного характера» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 31];

— телеграмма Тульского губернатора викарию Тульской епархии епископу Каширскому Евдокиму: «Совершенно доверительно.

Преосвященнейший Владыко Милостивейший Архипастырь. Сего числа получена мной от Министра Внутренних Дел следующая телеграмма... (воспроизводится большая часть предыдущего текста. — *Ред.*)...

Ввиду изложенного прошу уведомить меня, в возможно непродолжительном времени, может ли быть допущено, в случае смерти графа Льва Толстого, служение в Тульской епархии панихид по нем...

Подпись: *Дмитрий Кобеко* [Ореханов, 2009, с. 111–112].

Вопрос этот был решен отрицательно еще 3 ноября. Губернатор знал об этом из письма к нему епископа Парфения.

6 ноября:

— письмо викария Тульской епархии епископа Каширского Евдокима тульскому губернатору Д. Д. Кобеко: «На отношение Вашего Превосходительства за № 47 о служении панихид в случае смерти Л. Н. Толстого, долг имею ответить нижеследующее:

Пока постановление Св. Синода об отлучении графа Толстого от Церкви не отменено, не может быть никакой речи о служении о нем панихид.

Каких-либо инструкций по данному вопросу из Св. Синада я не получал» [Толстой и о Толстом, 1924, с. 86];

— из шифрованной телеграммы Н. П. Харламова в Петербург генерал-лейтенанту П. Г. Курлову: «...Вся семья не находит возможным допустить к больному монахов, опасаясь волнением ускорить развязку. Переговоры губернатора (с семьей) оказались безуспешны. Монахи пока здесь» [Смерть Толстого..., 1920, с. 183];

— 9 часов 40 минут вечера. Телеграмма Варсонофия в Калугу епископу Вениамину: «Здоровье графа внушает опасения. Консилиум докторов ожидает окончательного кризиса чрез два дня. Стараюсь видеть больного при посредстве родных, но успеха нет. Доктора никого не допускают. Предполагаю дожидаться кризиса болезни графа. Испрашиваю святительских молитв, архипастырского благословения моей трудной миссии. <В> Астапове — губернатор, много высших чинов <из> Петербурга. Доступа <к> графу тоже не имеют.

Грешный игумен Варсонофий» [Там же, с. 188].

Грешный игумен очень дипломатично упоминает высших чинов и губернатора, оправдывая свой неуспех.

7 ноября:

— телеграмма (программного характера) рязанского губернатора в Петербург товарищу министра внутренних дел генералу П. Г. Курлову: *«Шесть часов утра граф Толстой скончался без покаяния.»*

...2) Семейству известно распоряжение Синода <о> лишении покойного церковного погребения.

...4) Если сюда будут прибывать депутации или отдельные почитатели мною будут осматриваться венки и отбираться ленты <с> неподходящими надписями» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 32–33];

— письмо викария Тульской епархии епископа Каширского Евдокима тульскому губернатору Д. Д. Кобеко: «Приношу глубокую благодарность за извещение о смерти Графа Л. Н. Толстого. Что-то будет дальше. Преосвященный Парфений сказал мне, что мой ответ Вашему Превосходительству о служении панихид правилен, пока не последует каких-либо новых распоряжений со стороны Св. Синода» [Л. Толстой и о Толстом, 1924, с. 86];

— в Астапово прибыл епископ тульский и белевский Парфений, который, не выходя из вагона, при закрытых дверях совещался с ротмистром Савицким. В рапорте генерала Львова в штаб отдельного корпуса жандармов приведены слова епископа, с которыми он обратился к Савицкому: «По личному желанию Государя Императора я командирован Синодом для того, чтобы узнать, не было ли за время пребывания Толстого в Астапове каких-либо обстоятельств, указывающих на желание покойного графа Толстого раскаяться в своих заблуждениях или, быть может, имеются какие-либо намеки на то, что Толстой не был против погребения его по православному обряду. Обо всем этом я желал бы получить сведения...» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 352). Как сообщает Парфений в рапорте-отчете Св. Синоду 17 ноября 1910 г., в Астапове он пробыл полчаса (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 301);

— епископ Парфений вел переговоры с семьей Толстого. К нему в вагон был приглашен Андрей Львович, «единственный, по мне-

нию епископа, православный из семьи Толстого». Ему Парфений учинил подлинный допрос, стремясь получить хоть какой-нибудь намек на то, что его отец «желал примириться с Церковью». Андрей Львович ощутил это и вынужден был прямо сказать: «Владыка, я православный и верующий и желал бы, чтобы отец примирился с Церковью, но я лгать не могу»⁷.

Чиновник особых поручений Н. П. Харламов так комментирует визит в Астапово преосвященного Парфения: «Надлежит сказать, что Св. Синод, потеряв, по-видимому, надежду на возможность свидания Толстого с командированными к нему духовными особами, находил возможным все-таки снять отлучение даже и после его смерти, при условии, если хоть кто-либо из его родных или близких удостоверит его раскаяние» [Отчет чиновника..., 1991, с. 35].

Этот вывод чиновник делал, имея в виду и беседу с ним 3 ноября в кабинете обер-прокурора с приглашенным туда епископом Парфением после заседания Св. Синода, когда Харламов выполнял миссию по поручению П. А. Столыпина. Ему было объявлено «мнение Синода о невозможности для Губернатора остановить священника, который стал бы — вопреки постановлению Свят. Синода — совершать отпевание». Между строк из этого мнения вытекало: нужно найти такого священника, который решится совершить такие «незаконные действия» как отпевание по чину графа Л. Н. Толстого без его покаяния [Толстой и о Толстом, 1924, с. 85] (см. Прил. 1).

Наконец, Парфений, прощаясь с начальником отделения, заявил, что пришел к заключению, что нет оснований считать умершего графа искавшим примирения с Церковью: «Я могу ехать и донести Синоду о невозможности совершения христианского погребения Толстого» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 353; Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 302);

— митрополит Антоний в рапорте Св. Синоду № 9935 от 7 ноября сообщил о том, что игумена Варсонофия к Толстому не допу-

⁷ Запись беседы, состоявшейся в доме С. Л. Толстого 26 ноября 1910 г., хранится в отделе рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва). Цит. по: Мейлах, 1960, с. 302. — Содержание этой беседы епископа Парфения с Андреем Львовичем Толстым подробно, но явно с перерывками изложено в рапорте генерал-майора Львова (Красный архив. 1923. Т. 4 С. 353).

стили потому, что «последние дни гр. Л. Толстой был окружен лицами, враждебными Церкви» [Апостолов, 1930, с. 194];

— шифрованная телеграмма Н. П. Харламова генералу П. Г. Курлову: «Миссия преосвященного Парфения успеха не имела: никто из семьи не нашел возможным удостоверить, чтобы умерший выражал какое-либо желание примириться с Церковью» [Смерть Толстого..., 1920, с. 242];

— в 7 часов вечера в покоях митрополита Антония в Александро-Невской лавре состоялось срочное особое заседание Св. Синода. На нем присутствовали митрополиты С.-Петербургский — Антоний, Московский — Владимир, Киевский — Флавиан, архиепископ Ставропольский Агафодор, епископ Самарский Константин, обер-прокурор Св. Синода С. М. Лукьянов, товарищ его А. П. Рогович, управляющий канцелярией Св. Синода С. П. Григоровский.

Совещание было посвящено смерти Толстого и вопросу о панихидах. Решили обратиться к преосвященным с телеграммой: «Синод постановил не разрешать совершения поминовений и панихид по графе Толстом. Митрополит Антоний» (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 276).

По свидетельству Н. П. Харламова, к вечеру «7 ноября последовало окончательное распоряжение Св. Синода об оставлении отлучения Толстого в силе и о безусловном воспрещении служения по нем панихид» [Отчет чиновника..., 1991, с. 35];

— шифрованная телеграмма № 749 (программного характера) рязанскому губернатору из Петербурга от генерала П. Г. Курлова: «Ввиду последовавших распоряжений о том, чтобы чины администрации не чинили препятствий духовным лицам служения панихид по скончавшемся графе Льве Толстом, благоволите принять меры к тому, чтобы публикации в газетах о служении панихид допускались не иначе, как с разрешения полиции по получении письменного извещения надлежащего духовного лица о том, что панихида будет действительно служить, дабы под предлогом служения панихид не организовывались бы <в> определенном месте собрания публики <с> целью противоправительственных демонстраций» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 34];

— старец Варсонофий получил от рязанского губернатора следующий документ: «Сим свидетельствую, что Настоятель Скита Оптиной Пустыни, Козельского уезда Калужской губернии, Игу-

мен Варсонофий, несмотря на настоятельные просьбы, обращенные к членам семьи Графа Льва Николаевича Толстого и находившимся при нем врачам, не был допущен к Графу Толстому и о его двухдневном пребывании на станции Астапово покойному сообщено не было.

И<сполняющий> д<олжность> Рязанского Губернатора кн<язь> Оболенский. Ст<анция> Астапово. 7 ноября 1910 года» [Апостолов, 1930, с. 195; Ореханов, 2009, с. 112].

Этот своеобразный документ отчетного типа о командировке свидетельствует об официальном характере визита Варсонофия.

8 ноября:

— 3 часа 30 минут ночи. Св. Синодом было разослано во все концы России 62 телеграммы приведенного выше содержания о неразрешении «совершения поминовений и панихид по графе Толстом» (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 276).

Толстой был похоронен так, как он того хотел. И тропа к его могиле не заросла и не зарастает.

ВЫПОЛНЯЯ И НА СЛУЖБЕ ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА

«Управляющий дорогой распорядился, чтобы поезда у станции Астапово не давали резких свистков, чтобы не беспокоить больного».

*Телеграмма от 5 ноября 1910 г.
журналиста Петроградского
телеграфного агентства
А. Ф. Авреха*

На фоне развернувшихся почти военных приготовлений Министерства внутренних дел, жандармерии, сыска все-таки нашлись на службе у России люди, которые осознали совсем другую значимость для страны трагического события. Особо в этом смысле следует отметить железнодорожную интеллигенцию, служащих железной дороги.

В первую очередь это начальник железнодорожной станции *Иван Иванович Озолин* (ум. 1913), который, не задумываясь, нарушая официальную инструкцию, предоставил заболевшему Толстому свое жилье. В воспоминаниях это жилье называют домиком: он состоял из четырех небольших комнат, маленькой передней и кухни [Толстой, 1978, с. 441].

Александра Львовна Толстая пишет в воспоминаниях: «Начальник станции Иван Иванович Озолин, милейший человек, помощь, доброту и сердечную отзывчивость которого я никогда не забуду, все время между служебными обязанностями, помогал нам. Сво-

их трех маленьких детей Озолины поместили в одну крохотную комнатку...» [Об уходе и смерти..., 1923, с. 160].

Валерий Брюсов, побывавший у гроба Толстого, на похоронах в Ясной Поляне, философствуя о сочетании случайностей, которые сделали «маленькую станцию, ничем не отличающуюся от сотен и тысяч других станций российских железных дорог, местом, где разыгралась последняя сцена великой трагедии: жизни Льва Толстого!», — восклицает: «Какое сочетание случайностей этого простого, милого человека, начальника железнодорожной станции Озолина, сделало историческим лицом, имени которого не хочется забыть! Он отныне будет памятен всему миру, как, хотя бы, тот бедный рыбак, в лодке которого когда-то Юлий Цезарь хотел переехать через Адриатическое море!» Вот набросок портрета Озолина, сделанный Брюсовым: «Простое, открытое, доброе лицо; лысина, черная борода» [Брюсов, 1978, с. 458].

Его современники хорошо поняли содеянное Озолиным. Приведем два документа из потока телеграмм:

Тизенгаузен — И. И. Озолину. Из Ростова-Ярославского. 9 ноября. 4.00 дня:

«Целую ваши руки за Толстого».

Студенты-рязанцы — И. И. Озолину. Из Петербурга. 9 ноября. 6.40 вечера:

«Студенты рязанцы> Петербургского Политехникума свидетельствуют свое глубочайшее уважение землякам, оказавшим братский прием великому старцу в его последние минуты» [Смерть Толстого..., 1929, с. 306].

Поистине государственное понимание происходивших в Астапове событий проявил *Дмитрий Александрович Матренинский*, управляющий Рязанско-Уральской железной дорогой в Саратове. Для непосредственной организации дела он прибыл на станцию 5 ноября, но, как следует из отчетного рапорта генерал-майора Н. Н. Львова, вся жизнь станции проходила под руководством Матренинского и ранее. Например, по его распоряжению корреспонденты, командированные редакциями газет в Астапово, были «помещены в отдельном станционном здании». Однако более существенно то, что Дмитрий Александрович не просто обеспечил практическое руководство всей неожиданной для небольшой железнодорожной станции жизнью, но и способствовал созданию на

ней деловой и человеческой атмосферы, организации достойного прощания с Л. Н. Толстым.

По указаниям Матренинского в Астапове больному писателю был обеспечен возможный в тех условиях покой и уют. Проезжавшим через станцию поездам было запрещено громко свистеть. 5 ноября журналист П. А. Виленский сообщал в редакцию «Киевский мысли»: «Начальник дороги распорядился, <чтобы> поезда, проходящие <через> Астапово, свистали еле-еле» [Там же, с. 132]. В тот же день А. Ф. Аврех телеграфировал в газету «Раннее утро»: «Управляющий дорогой распорядился, чтобы поезда у станции Астапово не давали резких свистков, чтобы не беспокоить больного» [Там же, с. 133].

Семья Толстых была принята на станции, обеспечена жильем и сносными бытовыми условиями, окружена заботой. Она получила со стороны интеллигенции железной дороги сочувствие и моральную поддержку. Без особых хлопот для семьи Матренинский сформировал экстренный траурный поезд, включавший в себя траурный вагон и отдельные вагоны для семьи Толстого и журналистов. В 11 часов 49 минут 8 ноября на имя управляющего дорогой пришла из Петербурга срочная депеша от председателя правления Общества Рязанско-Уральской железной дороги Ф. И. Шмидта: «Просим передать семье почившего графа Льва Николаевича Толстого наше глубокое соболезнование. Уполномочиваем Вас предоставить экстренный поезд и льготу по проезду за счет Общества» [Там же, с. 296].

Понимая значение происходящего в Астапове, Матренинский озаботился тем, чтобы мир и Россия регулярно получали сведения о состоянии Толстого. Он увеличил информационный поток, проходивший через местный телеграф, а в дни прощания с великим писателем им был «на станциях телеграфный состав усилен» [Там же, с. 292].

Журналисты в своих сообщениях в печать отметили ту заботу и любовь, которую проявили железнодорожники во главе с Матренинским в траурные дни. После смерти Толстого ими было установлено «почетное дежурство у тела усопшего» [Там же, с. 288]. По инициативе служащих на стене, у которой стояла кровать с лежащим на ней Толстым, был обведен его теневой профиль [Там же, с. 281]. Б. П. Брио отмечал в репортаже для газеты «Русское

слова», что «траурный вагон чисто вымыт внутри и снаружи. Еще заметны мокрые следы. Тут проявлена заботливость администрации дороги» [Там же, с. 301].

Среди работников Рязанско-Уральской железной дороги была организована добровольная подписка на венок, о чем свидетельствуют телеграммы Д. А. Матренинского в Саратов начальнику службы подвижного состава и тяги, инженеру Артуру Евгеньевичу Желан-де-ла-Кроа.

8 ноября. 5 часов 20 минут ночи: «Подписку служащих на венок разрешаю. Самый венок от служащих дороги я уже заказал и утром со служащими здесь возложу; сообщить по управлению».

7 часов 54 минуты утра: «Венок большой из живых белых цветов с пальмовыми ветвями, на ленте надпись: „Льву Николаевичу Толстому служащие Рязано-Уральской железной дороги“. Возлагать с представителями служащих. Сам сопровождаю прах до Горбачева, начальник станции Озолин до Ясной Поляны» [Там же, с. 283].

В журналистских корреспонденциях этот венок постоянно упоминается. Сотрудник «Саратовского листка» Девятков писал, что «венки живых хризантем, лилий, ландышей на белой ленте» преподнесли от Рязанско-Уральской железной дороги, другой — с черной лентой и надписью «Великому Льву Николаевичу» — от служащих Астапово. У Б. П. Брио («Русское слово») эти венки выглядят несколько иначе: один — громадный из белых хризантем, другой — металлический [Там же, с. 302].

Сразу же руководители и служащие железной дороги, а также журналисты поставили вопрос об увековечении памяти Толстого. Так, корреспондент «Саратовского вестника» Гарнес рассказывает: «Дзюбинский, Пастернак зарисовывают тело, домик. Возникла мысль превращения дома <в> музей Толстого, сохранения там любимых вещей писателя, газет всего мира <со> статьями <о> болезни <и> смерти» [Там же, с. 292].

С. С. Раецкий сообщал 7 ноября в газету «Столичная Молва»: «Начальником дороги решено закрыть отныне исторический красный домик <с> зеленой крышей, повесить временную <мемориальную> доску, выясняя вопрос о создании здесь национального памятника»; подробнее — в «Утро России»: «Дом, где умер <Толстой>, отныне принадлежит истории. Необходимо сделать его национальным памятником; мысль <об> этом возникла невольно

<у> всех бывших <в> Астапове <в> дни великого умирания. Желая выяснить вопрос <с> практической стороны, <я> обратился <к> начальнику Рязанско-Уральской дороги Матренинскому. Немедленно дом был опечатан; <в> этих исторических комнатах жить никто более не должен. Необходимо создать достойный памятник. Вопрос осложняется тем, что он — <в> полосе отчуждения... (т. е. требуется решить проблему с юридической стороны. — Г. Ж.). Сочувствие мое, нашей дороге этому делу огромное... Астаповский дом должен стать тем, <чем дом> Шиллера¹ <в> Веймаре» [Там же, с. 253–254].

Естественно, в порыве как можно значительнее отметить память о Толстом журналисты, как, к примеру, Раецкий в этом случае, несколько перехлестывали: у Толстого был свой дом в Москве и в Ясной Поляне. Кроме того, реализовать идею превращения станционного домика в национальный памятник сразу было невозможно, так как дом выполнял служебные функции и находился в ведении железной дороги.

Понимая это, Матренинский выступил с предложением установить на астаповском домике, где умер великий русский писатель, мемориальную доску, и сделал в связи с этим запрос начальству. 9 ноября он получил ответ из Петербурга от министра путей сообщения с краткой резолюцией: «Препятствий к постановке доски не встречается» [Там же, с. 309]. В тот же день Матренинский послал из Саратова две телеграммы:

Астапово. Начальнику 25 дистанции К. К. Клясовскому: «Со стороны министерства не встречается препятствий к постановке на доме, где скончался Лев Николаевич Толстой, заготовленной доски. Прошу установить и уведомить» [Там же, с. 307].

Москва Уральская. Начальнику жандармского полицейского управления генералу Львову. Елец Уральский. Начальнику жандармского отделения: «Согласно сообщенному вам лично предположению моему и полученному разрешению министра, на станции Астапово на доме, где скончался Лев Николаевич Толстой, устанавливается памятная доска» [Там же].

Уже на следующий день в 8 часов 22 минут утра Дмитрий Александрович получил сообщение из Данкова: «Доска установлена».

¹ Дом Шиллера в Веймаре — место, где жил поэт и драматург Ф. Шиллер. См.: Хендель, 1976.

Но это была временная мемориальная доска, о чем говорит телеграмма С. В. Емельянова из Саратова к К. К. Клясовскому в Астапово: «Телеграфируйте размеры доски для дома начальника станции Астапово, свободное расстояние от верха двойного окна до верха стены, ширину двойного окна, расстояние между деревьями перед этим окном и желательные наибольшие размеры доски в зависимости от видимости ее с платформы. Пришлите фотографию этой части дома с фасада. Доску предполагаю заказать сам; временную не снимайте» [Там же].

Все добрые дела железнодорожников были замечены и отмечены журналистами в их сообщениях в редакции. Покидая Астапово, корреспонденты, освещавшие в прессе последние дни жизни Толстого, 8 ноября в 11 часов 56 минут утра послали благодарственную телеграмму № 1027 на имя Д. А. Матренинского: «Его Превосходительству Дмитрию Александровичу Матренинскому.

Примите глубокую признательность Вашему Превосходительству за оказанную нам, корреспондентам столичных и провинциальных газет, поддержку и помощь в процессе передачи телеграмм и предоставлении нам возможности пребывания в Астапове и следования с поездом в Засеку. Представители прессы всем агентам дороги приносят тоже глубокую благодарность» [Там же, с. 298].

Коллективное мнение журналистов дало высокую и справедливую оценку содеянному служащими железной дороги в выражении ими уважения и любви к Л. Н. Толстому, заботы о тех, кто тогда оказался рядом с ним. Уезжая из Астапова, журналист «Нового времени» Н. М. Ежов, пожалуй, наиболее полно выразил благодарность журналистов в последнем своем оттуда репортаже в газету: «Сегодня, в 12 часов дня, со станции Астапово выходит траурный поезд с прахом Толстого... Вообще, горе графини глубоко и производит тяжелое впечатление. Особенно ее убивает то, что она не видала Льва Николаевича перед смертью.

...На станции Астапово... есть венки, цветы. Даже комната, где стоит кровать с телом графа, украшена молодыми елочками.

Прощаясь со станцией Астапово, служившей последним приютом Толстого при жизни, необходимо еще раз упомянуть добрым словом участие и усердие всех служащих на станции и высших чинов Рязанско-Уральской дороги и Тамбовского почтово-

телеграфного округа, в лице генерала Дмитрия Александровича Матренинского и Евгения Федоровича Иванова, начальника станции Озолина, старшего телеграфиста станции Астапово Власова (Власов Николай Иванович — контролер-механик телеграфа этой станции. — Г. Ж.) и всех других чиновников почтового и телеграфного ведомства, дни и ночи несших тяжелый труд передачи депеш, оборудования телеграфа для более успешной работы и исполнявших свою задачу добросовестно и удачно. Кроме того, благодарность за помощь должна быть адресована контролеру телеграфа Врочинскому, его помощнику Полянскому. Все эти люди выказали глубокую любовь к Толстому и трогательно чувствуют его память цветами и венками» [Там же, с. 284–285].

МИССИЯ ЖУРНАЛИСТОВ

«...Прими, великий, последнее земное прости в моем лице от всех, кто ждал от меня вестей о тебе, от всех, кто читал с тревогой и надеждой вести о твоём недуге, кто еще не знает, что тебя, великого учителя жизни, не стало среди нас».

К. В. Орлов («Русское слово»)

Пожалуй, более других понимающие тогда значение для русского общества и его культуры Льва Николаевича Толстого журналисты и литераторы, которым по роду занятий было положено писать о выдающихся событиях жизни, дали полное представление о происходящем в Астапове.

Напомним, что именно они провели 22–25 июня 1908 г. в Петербурге *первый профессиональный съезд журналистов России* — так он был назван журналом «Журналист» в 1914 г.¹ На нем присутствовало 133 (50 внепетербургских) представителя 89 современных изданий. В нем не участвовала правая и официальная пресса, так же как и левая, радикальная, снова находившаяся в подполье. На съезд для наблюдения был командирован градоначальником особый чиновник.

Основным вопросом съезда, по формулировке отчета из «Вестника Европы», написанного по горячим следам события юристом и публицистом К. К. Арсеньевым, были: «как самой печати наи-

¹ Кранихфельд, стб. 18. — Об этом съезде см.: Жирков, 2008, с. 206–207; Петровицкая, 2009, с. 235–258.

более достойно почтить день 80-летия Л. Н. Толстого и какая задача лежит на русской печати в смысле указания наилучших способов повсеместного ознаменования этого радостного для России дня, без нарушения воли великого писателя». Форум высказался за создание фонда для дома-музея им. Л. Н. Толстого.

Ссылаясь на опыт Англии, где чествуется Шекспир, Германии, где существует культ Гете, публицист и историк В. Я. Богучарский в обстоятельном докладе подчеркнул, что в России есть равновеликий им Л. Н. Толстой, и «на обществе лежит обязанность увековечить за поколениями настоящими и грядущими те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого». Чтобы увековечить эти богатства, прежде всего их необходимо «централизовать и систематизировать, создать учреждение, в котором было бы собрано не только все написанное Толстым, но также и о нем» (Вестн. Европы. 1908. Кн. 8. С. 823–824).

Таким образом, журналисты, посвятив съезд великому писателю, показали обществу, в котором светская и духовная власти стремились остановить чествование Толстого, какое значение они придают тому, что было сделано для России Толстым, какую огромную роль играет его Слово для России и всего мира. Литераторы и журналисты положили начало организации музея Л. Н. Толстого, и этот замысел будет осуществлен сразу после смерти писателя.

Благодаря коллективному журналистскому репортажу из Астапова события недели ухода из жизни Толстого представлены документально, по часам и даже минутам. На станции в то время находилось от 10 до 25 корреспондентов разных газет страны. М. Н. Савицкий доносил в шифровке 5 ноября: «...Всех прибывших до тридцати пяти, из них десять от прессы» [Смерть Толстого..., 1929, с. 132]. 8 ноября Д. А. Матренинский телеграфировал начальнику движения Московско-Курской железной дороги: «Сопровождают поезд <с> прахом Льва Николаевича Толстого, кроме членов семьи, едущих отдельным вагоном, двадцать пять корреспондентов, которые просят в том же поезде, в котором будет следовать траурный вагон, оставить для них места второго класса, билеты куплены прямого сообщения. <В> случае надобности могу предоставить вагон Рязанско-Уральской дороги» [Там же, с. 292].

Телеграфная лента сохранила имена журналистов, работавших тогда в Астапове:

**Список корреспондентов, освещавших последние дни жизни
Л. Н. Толстого²**

	Фамилия	Редакция, издание
1.	Аврех А. Ф.	Петербургское телеграфное агентство («Раннее утро», «Одесские новости»)
2.	Брио Б. П.	«Русское слово»
3.	Виленский П. А.	«Киевская мысль»
4.	Гарнес	«Саратовский вестник»
5.	Девятков	«Саратовский листок»
6.	Ежов Н. М.	«Новое время» («Голос Москвы»)
7.	Орлов К. В.	«Русское слово»
8.	Раецкий С. С.	«Утро России»
9.	Сукенников М. А.	«Петербургская газета» («Южный край», Харьков)
10.	Эфрос Н. Е.	«Русские ведомости» («Речь», «Одесские новости»)

Такое число журналистов, отправлявших сообщения из Астапова, держало в напряжении местный телеграф, который строчил в эти дни, как пулемет, круглосуточно — и днем и ночью. Уже 3 ноября журналист С. С. Раецкий, посылая сообщение в редакцию газеты «Утро России», отмечал: «Телеграф работает без передышки» [Там же, с. 44]. Только за ночь с 7 на 8 ноября, по словам Н. Е. Эфроса, «через здешний телеграф прошло 8000 слов соболезнующих телеграмм» [Там же, с. 297]. Эта же цифра приведена в информации Девяткова, посланной в «Саратовский листок»: «Сегодня графией получено отовсюду телеграмм 8000 слов» [Там же, с. 302].

Режим работы журналистов зависел от возможностей телеграфа. Телеграфисты понимали ответственность за проходящую че-

² Список представляет основных корреспондентов, отправлявших телеграммы из Астапова. Он составлен на основе книги документов «Смерть Толстого: по новым материалам» (М., 1929). Позднее, после смерти писателя, число журналистов, освещавших прощание с ним возросло до 25. В скобках указаны другие издания, в которые корреспонденты посылали информацию.

рез них информацию. Они работали в чрезвычайном режиме безотказно. Редакции требовали от своих сотрудников постоянно давать им сообщения о состоянии Л. Н. Толстого. Редакция «Русского слова» (Москва) просила К. В. Орлова: «Телеграммы — ежедневно. Телеграммы <в> среднем идут — обыкновенные — 4–5 часов, срочная — 1,5–2 часа» [Там же, с. 96].

Ценное свидетельство содержит телеграмма И. В. Гессена (газета «Речь») Н. Е. Эфросу: «Телеграммы получаются через 10–12 часов. Правление Рязанско-Уральской железной дороги сделало распоряжение <для> ускорения отправки. Директор Правления Михаил Павлович Федоров разрешил, <в> случае надобности содействия, сослаться на него» [Там же, с. 90]. Естественно, до С.-Петербурга информация из Астапова шла дольше, и руководители железной дорогой стремились помочь журналистам в ускорении передачи сообщений.

В условиях, когда столичное начальство требовало «не допускать стечения окрестного населения», появление на небольшой станции корреспондентов из разных городов поставило перед местной администрацией ряд проблем. 4 ноября генерал-майору Н. Н. Львову журналисты направили телеграмму: «Покорно просим Ваше превосходительство разрешить нам, корреспондентам московских, петербургских газет и Петербургского телеграфного агентства, иметь пребывание в течение всего дня <в> станционном помещении; ночью же <в> вагоне, предоставленном нам Управлением дороги. Поставлены <в> безвыходное положение <в> связи с> отсутствием других помещений.

Корреспонденты „Нового времени“, „Петербургского официального телеграфного агентства“, „Русского слова“, „Утра России“, „Русских ведомостей“, „Петербургской газеты“ и др.» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 341).

В связи с этим запросом генерал-майор Львов потребовал от ротмистра Савицкого разъяснений и «немедленного ответа», но получил от последнего еще одну телеграмму: «Фотографы просят разрешения снять здание станции, квартиры начальника станции и вагон, где помещается семья <Толстых>». К этому времени (4 ноября) Львов понял сложившуюся ситуацию и немедленно разрешил выполнить все просьбы журналистов. В тот же день им был получен ответ, что «корреспонденты поме-

щены в отдельном доме, <им> предоставлены возможные условия» (Там же, с. 341).

Однако в этой телеграфной переписке, большей частью секретной, постоянно присутствовало ожидание подвоха со стороны журналистов. Оговорка исправника Шатилова: «Возможно, опять ожидать каких-нибудь фантастических корреспонденций» — не случайна. Пресса проявляла постоянный и неослабный интерес к тому, что происходило в Астапове, в первую очередь к Толстому.

В донесении генерал-майора Н. Н. Львова в штаб отдельного корпуса жандармов о журналистах говорится как о «лицах, менее надежных», явно требующих контроля. Их поселили в отдельном станционном здании, войти в которое они могли только по выданному «именному билету». Его они предъявляли сторожу или жандармскому унтер-офицеру, иначе — «приказано никого в здание не допускать», как будто это был секретный военный объект. Этим «достигалась возможность недопущения каких-либо собраний в помещении корреспондентов и проникновение туда лиц, незарегистрированных на станции», на что Львов особо обращал внимание местного губернатора [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 18].

Начальство предложило не допускать журналистов «в телеграфную контору, где они могли бы случайно, а то и умышленно просматривать телеграммы, которыми относились чины администрации» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 350).

Ротмистр Савицкий привлек к осведомительной работе одного из станционных телеграфистов — Сергея Мельгина (Там же. С. 356), и благодаря этому полицейский чин мог заниматься перлюстрацией всей корреспонденции — входящей и исходящей из Астапова. Станционная переписка, согласно официальному документу, показывала «отношение печати <и> читателей Толстого ко всему происходящему в Астапове». В то же время, как говорится в рапорте Н. Н. Львова, она «не давала оснований предполагать, что там события эти будут истолкованы в нежелательном для внутреннего порядка смысле, хотя из числа корреспондентов были только трое русских, а остальные если не евреи, то еврейского происхождения» (Там же).

Можно считать, что цензурный режим для журналистов на станции был жестким. Но они прекрасно понимали, что присутствуют при исторических событиях, и вели себя в тех границах, которые им установила власть. При этом они проявляли творче-

ство и добросовестно информировали читателей, и эта информация расходилась по страницам мировой печати.

Первой установила контакт со станцией Астапово редакция «Русского слова» (1895–1918), ежедневная, наиболее тогда информированная и распространенная газета России, имевшая в 1910 г. тираж 156 тыс. экземпляров [Боханов, 1984, с. 61]. Она издавалась миллионером-просветителем И. Д. Сытиным и возглавлялась королем русской журналистики Власом Михайловичем Дорошевичем (1865–1922).

31 октября 1910 г. в печати появилось сообщение об уходе Л. Н. Толстого из Ясной Поляны. В отличие от других изданий, «Русское слово» вышло с шапкой во всю страницу «Отъезд Л. Н. Толстого из Ясной Поляны». Но самое главное то, что в газете был опубликован блестящий фельетон ее шеф-редактора Власа Дорошевича «Софья Андреевна», послуживший для С. А. Толстой моральной поддержкой в самую трудную в ее жизни минуту. Недаром за полгода до смерти вдова Толстого решила перечитать это произведение, о чем свидетельствуют ее дневники³.

Прошло лишь два дня с момента трагического расставания Толстого и его жены, а публицист Дорошевич смог подняться над рутинной жизни и сказать, вопреки посыпавшимся на Софью Андреевну обвинениям и даже брани, человеческое слово о спутнице Льва Николаевича:

«И как прекрасно сплелись эти две души.

Этот стремящийся в небо Лев Николаевич и эта земная Софья Андреевна.

Эта:

— Я только жена Толстого».

Публицист полемизирует с теми, кто утверждает: «Она тянула его к земле!» — и восклицает:

«Но разве можно достичь высшей нравственной высоты, чем достиг Толстой?»

«Присутствие Софьи Андреевны создавало в доме Толстых республику мысли». Благодаря этому мир получил такие произведения писателя, как «Власть тьмы», «Плоды просвещения»,

³ «Немного пыталась читать, хотелось перечитать статью Дорошевича после ухода Льва Ник. „Софья Андреевна“ и не могла, не вижу ясно» — запись 21 марта 1919 г. [Толстая, 1978, с. 471].

«Хаджи Мурат», «Крейцера соната», «Воскресение». «Сознаемся, — замечает Дорошевич, — ведь ее „упорству“, протесту Софьи Андреевны мы обязаны появлением всех этих произведений».

«Она была нашей представительницей и ходатайницей перед уносившимся в небеса Львом Николаевичем, и сами мы молили бы его о том же, о чем молила Софья Андреевна.

Не уходи, художник! Не уходи, учитель, от нас, от земли!»

«...И вот совершилась трагедия, какие не каждое тысячелетие совершаются в человечестве». Дорошевич призывал читателей быть благодарными и признательными к жене гения, отдавшей ему «по капельке всю свою жизнь» [Дорошевич, 2008, с. 595, 597–599].

Вместе с тем шеф-редактор «Русского слова» В. М. Дорошевич проявил журналистское чутье: его статья стала ключом для получения его редакцией эксклюзивной информации непосредственно от семьи Толстых.

Редакция газеты, опережая другие издания, вышла через телеграф на начальника станции И. И. Озолина, соблазняя его хорошим гонораром за любую информацию.

1 ноября. 2 часа 46 минут. И. И. Озолину: «Ответ <за> 30 слов уплочен. Не откажите любезно телеграфировать подробности пребывания у вас, состояния здоровья Льва Николаевича Толстого, дальнейший его маршрут. Гонорар немедленно переведем...»

Это послание редакции можно рассматривать, как тактический ход с тем, чтобы более точно сказать возможному автору о материальной стороне дела.

1 ноября. 5 часов 7 минут дня. И. И. Озолину: «Телеграф принял от нас квитанцию только на 30 ответных слов. Убедительно просим размером ответной телеграммы не стесняться, деньги немедленно переведем».

1 ноября. 8 часов 7 минут вечера. И. И. Озолину: «Еще раз убедительно просим телеграфировать мельчайшие подробности приезда Льва Николаевича Толстого, пребывания у вас, беседы с ним, его дочерью, доктором Маковицким, состояние здоровья, где сейчас находится. Тарифом не стесняйтесь; чем больше телеграмма, тем лучше. За подробную телеграмму завтра, кроме тарифа, переведем <в> виде гонорара сто рублей. Если вам удобнее, разбейте телеграмму на несколько телеграмм. Фамилию Вашу сохраним <в> тайне.

Редакция фактически текстом телеграмм подсказывает возможному автору, о чем он должен сообщить; чтобы получить информацию из первых рук, пытаясь наладить диалог с начальником станции, она идет на беспрецедентные расходы. Но диалога не получилось. Иван Иванович Озолин был человеком чести, как свидетельствует об этом его ответ.

1 ноября. Редакция «Русского слова»: «Лев Николаевич просил о нем никаких сведений не печатать. Начальник станции Озолин» [Смерть Толстого..., 1929, с. 18–19].

В. М. Дорошевич предусматривал и такой поворот дела. В Астапово сразу же был послан профессионал-журналист *Константин Васильевич Орлов*. В первой же телеграмме И. И. Озолину редакция просила: «Если к Вам обратится сотрудник „Русского слова“ Константин Орлов, не откажите сообщить ему сведения, разъясните ему <что> именно уже сообщено Вами лично по телеграфу» [Там же, с. 18].

К. В. Орлов проявил в освещении мирового уровня событий высокий класс и творческий подход, трудолюбие, неутомимость и честность. Именно он поставил семью Толстого в известность о том, где находился Лев Николаевич. Старшая дочь писателя Татьяна Львовна подробно описывает в воспоминаниях тревожные для их семьи дни: «Отец умирает где-то поблизости, а я не знаю, где он. И не могу за ним ухаживать. Может быть, я его больше и не увижу... Бессонная ночь. Настоящая пытка. И всю ночь из соседней комнаты до меня доносились рыдания и стоны матери.

Вставши утром, я еще не знала, что делать, на что решиться. Но нашелся неизвестный нам человек, который понял и сжалился над семьей Толстого. Он телеграфировал нам: „Лев Николаевич в Астапове у начальника станции. Температура 40°“. До самой смерти буду я благодарна корреспонденту „Русского слова“ Орлову.

Я разбудила мать и братьев. Мы поехали в Тулу. В Астапово ходил только один поезд в день. Мы на него опоздали. Мы заказали специальный поезд» [Сухотина-Толстая, 1980, с. 410].

Атмосфера ожидания днем и ночью того, как развернутся события, пойдет ли болезнь Толстого на убыль, сказывалась на всех,

кто тогда был в Астапове. Вот телеграмма Орлова от 7 ноября в 9 часов 30 минут утра в редакцию, характеризующая эту ситуацию: «После двух бессонных, мучительных суток изнемогаю; умоляю похороны поручить другим, оставив мне <в> крайнем случае подсобную роль...» [Смерть Толстого..., 1929, с. 239].

Действительно, журналист Б. П. Брио, приехавший к нему на помощь, сообщал в редакцию 7 ноября днем: «Орлов совсем было заболел сегодня, сейчас спит». Отоспавшись, Константин Васильевич вернулся на свой журналистский пост.

Телеграфная лента сохранила потомкам эту напряженную работу журналистов в трагические дни начала ноября 1910 г. Опыт газеты «Русское слово» дает пример умелого, всестороннего информирования аудитории о важном событии. Интересно то, что и тогда, без Интернета, между редакцией «Русского слова» и ее сотрудником был налажен постоянный и взаимопользительный диалог. Редакция в нем тоже была активной стороной: старалась поддерживать инициативы журналиста; подсказывала, что на данный момент особенно важно сообщить читателям, благодарила корреспондента за творчество.

2 ноября. 6 часа 41 минута утра: «Сейчас центр тяжести — здоровье Льва Николаевича, оставайтесь поэтому здесь до распоряжения редакции или отъезда Льва Николаевича. <В> последнем случае поезжайте вслед. Все время наиподробнее телеграфируйте. Заблаговременно держите <в> курсе дела. Привет. Бирон».

2 ноября. 4 часа 11 минут дня: «Астапово Рязанской дороги. До востребования. Корреспонденту Орлову.

Экстренным поездом выехала <в> Астапово графиня».

В тот же день *в 8 часов 18 минут вечера* редакция сообщала Орлову: «Наилучшим вашим осведомителем будет наш друг Софья Андреевна. Вчера тепло отнеслась <к> Борису Петровичу, ездившему в Ясную Поляну».

Б. П. Брио, сотрудник «Русского слова», действительно беседовал с женой Толстого, их детьми и близкими (М. А. Шмидт, В. Ф. Булгаков), о чем вспоминает секретарь Л. Н. Толстого В. Ф. Булгаков, по-своему интерпретируя происходящее:

«1 ноября.

Утром в Ясной был Брио, помощник редактора газеты „Русское слово“, пожилой господин с мягкими, изысканными манерами. Софья Андреевна сама приняла его, хотя была еще в утреннем костюме. Оказала она ему эту милость после того, как в полученном с сегодняшней почтой номере „Русского слова“ прочла о себе хвалебный фельетон Дорошевича. В разговоре с Брио передала ему свою точку зрения на события, во всей ее неприглядности» [Булгаков, 1989, с. 393–294].

Действительно, семья Толстых в своем большинстве отдавала предпочтение газете «Русское слово». Именно в ее редакцию была послана следующая важная телеграмма.

Толстые — Ф. И. Благову (официальный, подписывавший газету редактор. — Г. Ж.). *7 ноября. 8 часов 50 минут вечера:* «Москва. Редактору „Русского слова“. Просим напечатать завтра <в> понедельник один раз на первой странице. Тело Льва Николаевича Толстого прибудет на станцию Засека во вторник утром, 9 ноября, для предания земле в Ясной Поляне в тот же день. Семья Толстых» [Смерть Толстого..., 1929, с. 273].

Что касается К. Орлова, то он оправдал надежды редакции, передавая в газету оперативную и ценную для нее информацию. Вот небольшой отрывок из интенсивной летописи журналиста, зафиксированной на телеграфной ленте.

3 ноября. 4 часа 15 минут ночи: «Вполне доверяемся вашей опытности, там просим оставаться, пока не разрешится семейный кризис. Утром переведем телеграфом сто <рублей>, если нужно, сообщите. Сердечный привет. Бирон».

К. В. Орлов — «Русское слово». 3 ноября. 7 часов 30 минут вечера: «Последние сведения, полученные официально от Михаила Львовича, гласят: воспаление нижней доли легкого, распространенный бронхит. Температура вечером второго ноября тридцать девять и одна, ночью пот, утром третьего ноября тридцать шесть и семь, в четыре часа дня тридцать семь и три. Значительное ослабление сердечной деятельности, пульс частый <с> перебоями. Печень очень увеличена, аппетита нет. Подписано врачами Никитиным, Маковицким. (Корреспондент передает редакции выпускавшийся врачами официальный бюллетень о состоянии здоровья Толсто-

го. — Г. Ж.). К этому Михаил Львович добавил, что общее самочувствие удовлетворительно. Утром и днем большой заставлял читать вслух газеты, только не о себе.

Для редакции: разберите сами, насколько официальные данные погашают прежние. Сегодня кондуктором послал два негатива непроявленные, снимки станции домика Толстого. Сообщите, успеют ли <к> воскресенью».

К. В. Орлов — «Русское слово». 3 ноября. 7 часов 30 минут вечера: «Вечером <в> буфете вокзала <собралась> вся семья, кроме Александры Львовны. Настроение повышенное, отчего заключаю, <что> общие сведения благоприятны. По словам врачей, Толстому придется провести до выздоровления в постели недель шесть. Частное сведение: пульс <в> два часа дня — девяносто».

Ф. И. Благов — К. В. Орлову. 4 ноября. 5 часов 20 минут ночи: «Ваша работа в глуши... вызывает восхищение, благодарность не только редакции, но всего мира, следящего за положением великого писателя. Вы необходимы там, и редакция, кроме благодарности, ничего не может сказать, как сердечно просит остаться продолжать незаменимую работу. Помощника сегодня или завтра пришлем. Утром на расходы переведем сто <рублей>».

Бирон — К. В. Орлову. 4 ноября. 9 часов 43 минуты утра: «Сегодняшние ваши телеграммы великолепно выбросили соперников на полкруга. Сегодня вечером посылаем вам помощника, вероятно, маленького Брию; раньше нет поезда; крепиться. Сегодня ночью „Новое время“ <и> другие <газеты> из Петербурга нарочным телеграммами запрашивали нас, верен ли слух трагической развязки. <По>этому можете судить, насколько настроение напряженное. Если нет фактического материала, побольше описательного. Сердечный привет <от> ваших друзей».

Бирон — К. В. Орлову. 4 ноября. 10 часов 16 минут вечера: «Срочно телеграфируйте, какой митрополит прислал телеграмму».

Бирон — К. В. Орлову. 5 ноября. 2 часа 28 минут дня: «Сегодняшние ваши телеграммы, как всегда, качеством, полностью лучше, чем у других агентов... При сравнении с нашими телеграфными бланками убедитесь, что вы неизменно успеваете даже бюллетени посылать; желательно раньше агентства (Петербургского телеграфного агентства. — Г. Ж.). Попытайтесь переговорить

<с> членами семьи лагеря графини <об> их настроения. 300 <рублей> перевели телеграфом. Привет <от> всех товарищей» [Там же, с. 60–61, 62, 97, 120].

Бирон — К. В. Орлову. 6 ноября. 5 часов 5 минут ночи. «Переводим триста <рублей>. Просим подробно отмечать каждый шаг представителей духовенства, отношение <к ним> близких больного, распоряжения, действия администрации губернии, жандармерии железнодорожной. Телеграфируйте и в воскресенье, как обыкновенно, подробно и непрерывно. Если понадобится, выпустим ленточку. Сегодня, начиная <с> пяти часов, телеграфируйте срочно. Сердечный привет. Иностранные газеты сообщают, <что> Константин Орлов получил 5000 <рублей> за открытие местопребывания <Толстого>... Бриович, Морковин, Бирон» [Там же, с. 152–153].

Эта телеграмма показывает нарастание информационной напряженности в обществе, потребности в знании о состоянии Толстого. Редакция «Русского слова» готовит к выпуску, помимо газетного номера более оперативный, *ленточный листок* (однодневная газетка); переходит на прием срочных телеграмм, более дорогих, получающих на телеграфе предпочтение в отправке и естественно несущих более оперативную информацию. Журналисты шуткой поддерживают товарища, поощряют его к творчеству.

Приехавший на помощь Орлову «маленький Брио» Борис Петрович — опытный журналист сразу же включился в телеграфный репортаж, проявляя чудеса поиска фактов. Вот его уникальный дежурный репортаж последней ночи Л. Н. Толстого.

Репортаж журналиста Б. П. Брио («Русское слово») о последней ночи Л. Н. Толстого

7 ноября. 2 часа 35 минут ночи. Срочная. «Половина третьего — полная неизвестность, против окон тесно: прижавшись <к ним> кучка родных, близких, все говорят шепотом».

7 ноября. 2 часа 38 минут ночи. Срочная. «Софии Андреевны нет в этой кучке; надвинувшееся горе качает ее как былинку; в безумном трепете, забившись <в> угол вагона, ждет вестей, которые приносят дети».

7 ноября. 3 часа 20 минут ночи. Срочная: «Без десяти четыре ноги <у Толстого> потеплели, спит спокойно».

7 ноября. 3 часа 30 минут ночи. Срочная: «Перемен нет, положение считают определившимся на несколько часов».

7 ноября. 4 часа ночи. Срочная: «Заснуть сейчас едва ли кто может, но все разошлись по своим углам».

7 ноября. 4 часа 40 минут ночи. Срочная: «Пять часов снова тревожно, около дома собирается семья».

7 ноября. 5 часов 23 минуты ночи. Срочная: «Официальный бюллетень. Пять утра наступило резкое ухудшение сердечной деятельности, положение крайне опасное. Подписи <врачей>».

Б. П. Брио — «Русскому слову». 7 ноября. 6 часов утра. Срочная: «Скончался».

7 ноября. 6 часов 35 минут утра. Срочная: «Шесть <часов> утра, официальный бюллетень: Сегодня в 6 часов 5 минут утра Лев Николаевич тихо скончался. Щуровский, Усов, Никитин, Беркенгейм, Маковицкий, Семеновский». [Там же, с. 211].

Этот последний бюллетень подписали:

Беркенгейм Григорий Моисеевич — домашний врач Толстых; Маковицкий Душан Петрович — домашний врач Толстых (1904–1910 гг.);

Никитин Дмитрий Васильевич — домашний врач Толстых (1902–1904 гг.);

Семеновский Александр Петрович — старший врач Данковской земской больницы;

Усов Павел Сергеевич — врач, доктор медицины, профессор Московского университета;

Щуровский Владимир Андреевич — врач-терапевт клиники внутренних болезней в Москве, профессор.

Эти люди пытались продлить жизнь Толстого, облегчить его последние минуты, но земная жизнь гения была исчерпана.

Б. П. Брио — «Русскому слову». 7 ноября. 7 часов 25 минут утра. Срочная: «Без нескольких минут шесть Илья Львович выходил из домика. Илья Львович постучал в форточку — Гольденвейзер сказал: скончался... Дверь домика открылась и закрылась за Илей, и несколько минут все снова стало тихо-тихо вокруг домика; только на линии пронзительно свистел паровоз отходящего товарного поезда. Позади домика чернело спящее в грязи

Астапово. В первой комнате домика рыдает начальник станции, больше никто не осмелился войти внутрь. Подбегает взволнованный жандармский ротмистр, спрашивает, правда ли? На станции смятение. Когда ваш корреспондент первый подал срочную телеграмму о кончине, у телеграфиста затряслись руки, он откинулся на спинку стула. „Я не могу“ — сказал он, задыхаясь» [Там же, с. 217–218].

Перевернута последняя страница жизни Толстого. Дежурный репортаж закончен. Краткие печальные телеграммы разлетелись во все концы Земли. Спасибо журналистам, стоявшим на посту у изголовья больного Толстого. Они предоставили всем людям мира возможность пережить вместе с ними астаповские трагические минуты.

В журналистской летописи этих минут есть такие документальные страницы, которые подобны фотографии, сделанной, правда, умелым пером репортера.

К. В. Орлов — «Русскому слову». 7 ноября. 9 часов 30 минут утра: «Близкие разрешили поклониться телу. Вошел <в> не слишиком высокую, но просторную комнату. На постели неширокой — тело Льва Толстого; белое покрывало. У изголовья сидит графиня, нет, не сидит — она припала к изголовью, она не плачет, но слезы сами струятся по изможденному лицу. Она гладит рукой высокий лоб того, кто был Львом Толстым. Она твердит: все кончено, угас великий свет всего мира. Снова ласково гладит, говорит, понижая голос, словно шепчет умершему: душа моя, жизнь моя.

Когда мы вдвоем (второй корреспондент «Русского слова» П. Б. Брио. — Г. Ж.) вошли, она взглянула скорбной лаской, откинула покрывало до пояса. Я опустился на колени перед прахом великого и, склонив голову до земли и весь дрожа от подавленной скорби, неизъяснимого смущения, шептал: прими, великий, последнее земное прощание в моем лице от всех, кто ждал от меня вестей о тебе, от всех, кто читал с тревогой и надеждой вести о твоём недуге, кто еще не знает, что тебя, великого учителя жизни, не стало среди нас.

Долго я стоял, всматриваясь в дорогие черты, жаждал неизгладимо врезать их <в> свою память. Великий дух отлетел, и самое тело как бы стало меньше. Сильно изменилось лицо, заостренные

нос, скулы цвета пергамента, глаза смежены, седую бороду подхватил белый плат, которым подвязано лицо, чтобы поддержать нижнюю челюсть. Рука лежит на груди, спокойно сложенная, сухая, темная.

Склонившись <на> колени, поцеловал руку графине. Любовно она прикоснулась губами <к> моему лбу» [Там же, с. 233].

П. А. Виленский — «Киевской мысли». 8 ноября. 1 час дня: «Началось прощание астаповцев, окрестных крестьян <с> Толстым. Не могу сказать, какой благоговейный характер прощания, старики, женщины опускаются <на> колени, целуют руки, гроб, помост. Поднимают детей. Многие крестятся, плачут; комнатка маленькая, народу много, приходят те, кто были вчера. Пускают <через> боковую дверь по одному, выпускают — <через> другую. Необходимо следить, <чтобы> быстро выходить, иначе возможны столкновения.

<К> величайшему прискорбию, семья очевидно не нашла возможным своими средствами поддерживать порядок, поручила жандармскому ротмистру; стоит <в> комнате <у> двери, через которую входят, усердно повторяет: „Проходите, посмотрели и довольно. Ты чего, бабушка, застряла?“ <У> выхода стражник подталкивает каждого рукой.

Крестьян эта обстановка заметно стесняет, бывают минуты, <когда> лента проходит <у> гроба быстро, не останавливаясь; неожиданно какой-нибудь смельчак опускается <на> колени, тогда идущие за ним тоже решаются. Новое увещевание ротмистра, картина прощания снова меняется» [Там же, с. 302–303].

М. А. Сукенников — «Петербургской газете». 8 ноября. 1 час 13 минут дня:

«Солнечное морозное утро, сменившее осенние дождливые дни, Астапово прощается <с> прахом Толстого. Жители запрудили дворик, многие <из> окрестных деревень, имений. Сняты двекратно маски, одна, видел, превосходна. Прах положен <в> гроб, поставлен черный катафалк без креста, <у> подножия — венки, служащие станции держат свой венок <у> изголовья <в> руках. Толпа <по> одиночке дефилирует <перед> гробом. <Для> охраны порядка прибыли жандармы, стражники. <В> час дня гроб вынесен сыновьями, поставлен <в> вагон, украшенный хлебными колосьями. Толпа пела вечную память» [Там же, с. 303–304].

Несмотря на стремление официальных властей уменьшить резонанс, вызванный уходом Толстого из Ясной Поляны, его болезнью и его уходом в мир иной, журналистика своим репортажем из Астапово помогла стать соучастником того, что там происходило, любому гражданину мира. Летучий отряд репортеров нескольких изданий России документально отразил фактически все стороны события и показал всех его участников. Без всякой политической подоплеки выписанная ими летопись прощания с великим русским писателем имела тем не менее огромное политическое значение, о чем свидетельствует развернувшееся общественное движение по чествованию Толстого, увековечению его памяти, осуществлению хотя бы важнейших его заветов.

ПРОЩАНИЕ РОССИИ с Л. Н. ТОЛСТЫМ

«Необходимо непрерывное наблюдение за высшими учебными заведениями и усадьбой Толстого в течение последних дней, начиная с четверга».

10 ноября 1910 г.

*Полковник П. П. Заварзин,
начальник Московского
охранного отделения*

«...Произвести в эти дни военные прогулки по городу пехотных частей с музыкой».

11 ноября 1910 г.

*Градоначальник Москвы,
генерал-майор А. А. Адрианов*

Весь мир оплакивал Л. Н. Толстого и воздавал ему почести. Об этом можно написать целую книгу. Все крупные деятели культуры, так или иначе, откликнулись на трагическое событие. «...Он потрясал совесть, боролся за страдающих, сеял добро. Я рада, благодарна, что земные деяния его совершались в мое время», — писала Сельма Лагерлеф (Рус. слово. 1910. 8 ноября).

В России чествование Толстого происходило при жестком контроле со стороны властных структур, полиции, сыска и органов цензуры, что соответственно вызывало усиление оппозиционных властей выступлений. «Великим событиям свойственно вызывать наряду как лучшие, так и худшие чувства, в обыкновенное вре-

мя дремлющие на дне народной и общественной жизни, — комментировала во внутреннем обозрении редакция журнала „Вестник Европы“ происходившие события. — Раскрываются сокровища любви — и залежи ненависти; ярко освещаются вершины — и рельефно обрисовываются низменные вместилища мрака. Именно таким было действие последних дней и кончины Льва Толстого» (Вестник Европы. 1910. № 12, дек. С. 345).

«Мир не желает судить Толстого ни с точки зрения официально государства, ни с точки зрения официальной греко-русской церкви. Мир склонен, пожалуй, к обратному, — делал вывод из происходящих событий В. Г. Короленко; он готов оценивать официальную Россию (светскую и духовную) по их отношению к Толстому. Великий писатель стал чем-то вроде моральной великой державы, которую со многих точек зрения выгодно иметь союзницей» (Рус. ведомости. 1910. 11 ноября).

Общественные похороны сменились общественным чувством¹, к которым российская бюрократия тоже давно по-своему готовилась. Раны, нанесенные Толстым в его публицистических выступлениях властным структурам, еще были слишком свежи. Это нашло отражение на заседании Государственной думы 8 ноября, где возобладали политические амбиции правых депутатов. Они даже не встали, когда председатель Думы А. И. Гучков предложил почтить память Толстого. Звучали речи о «разрушителе государства», которого чтить нелепо.

Председателю Государственной думы правые подали заявление-протест, в котором говорилось: «Граф Толстой отрицательно относился ко всякой государственности и всем государственным установлениям, отвергал собственность и выполнение гражданских обязанностей, придерживался крайне разрушительных воззрений, отрицая все устои современной культуры... Толстой был отлучен Церковью от сонма верующих за свои богохульные сочинения, подрывающие в русском народе веру православную, являющуюся основой русской государственности» (Вестн. Европы. 1910. № 12, дек. С. 345–346).

Редакция «Вестника Европы» называла этот протест «памятником злобы, достигшей своего крайнего предела». «Называя пре-

¹ Этот сюжет изучен Б. Мейлахом, правда, с некоторым акцентом на революционность протестного движения [Мейлах, 1960].

клонение перед свежей могилой „противогосударственной и противорелигиозной демонстрацией“, — говорилось во внутреннем обозрении журнала, — правые сами совершают демонстрацию против народной скорби, против прав гения, против драгоценного наследства, оставленного им России, против свободного человеческого духа» (Там же. С. 345).

10 ноября на заседании Государственного совета его председатель М. Г. Акимов стал рассуждать о «вольных или невольных заблуждениях графа Толстого в его сочинениях».

В это же время на заседании французского Национального собрания социалист Жан Жорес сказал: «Толстой не услышит наши слова, но вся Россия узнает, что мы склоняемся перед его гением, являющимся ярчайшим выражением русской души... Толстой — один из тех родников с животворной влагой в пустыне, вокруг которого встречаются люди всех направлений, какими бы путями они ни шли к жизни» [Позойский, 1979, с. 141].

И это нашло отражение в общественном движении, развернувшимся в России в память о Л. Н. Толстом, во время прощания с ним. Документы сыска красноречиво показывают, какой симпатией и любовью пользовался писатель у самых широких слоев населения страны, особенно у ее будущего — учащейся молодежи, студентов. Начальник Московского охранного отделения полковник П. П. Заварзин уже 8 ноября сообщает начальнику тульского жандармского управления: «Ожидается массовый выезд учебных заведений в Ясную Поляну на похороны, можно ожидать противоправительственной демонстрации. Департаменту (полиции. — *Ред.*) донесено».

«Курский вокзал в Москве был переполнен народом: студенты, студентки, общественные деятели, артисты, профессора и опять сотни и сотни учащейся молодежи, — ведет репортаж сотрудник «Русского слова» Гр. Петров. — Толпы народа перед билетными кассами, толпы в пассажирских залах, толпы на улице, перед входом» (Рус. слово. 1910. 9 ноября).

Московский градоначальник Адрианов, оперируя фактическими данными, телеграфирует тульскому губернатору 8 ноября: «Записалось на поезда на похороны более тысячи студентов и курсисток».

Со своей стороны тульский губернатор Кобеко вместе с чиновником особых поручений Харламовым посылают из Астапова де-

пешу в Департамент полиции: «Получены сведения, что из Москвы с ведома местной администрации <в> 9 вечера идет экстренный поезд с тысячьо студентами. Здесь провожать тело будут крестьяне из ближайших деревень. Могила вырыта <в> парке. Сейчас выезжаем <на> Засеку, где останемся до окончания похорон и разезда почитателей» (Красный архив. 1923. Т. 4. С. 360).

Со всех сторон в департамент полиции, охранные отделения, градоначальникам поступала информация о том, как готовится общественность проводить в последний путь Л. Н. Толстого. Вот ряд документов об этом.

Донесение № 285 пристава 1-го участка Арбатской части в московское охрannое отделение 8 ноября: «Доношу, что на высших женских курсах по Мерзляковскому переулку по случаю смерти Толстого сегодня занятий не было и завтра тоже не предполагается».

Более подробно, в деталях пристав Петровско-Разумовского участка Костовский рапортует московскому градоначальнику: «В 1 час дня сего числа студенты Московского сельскохозяйственного института устроили с разрешения директора института д. с. с. (действительного статского советника. — *Ред.*) Иверонова в столовой при общежитии названного института собрание о выработке формы чествования памяти скончавшегося графа Толстого».

На этом собрании была отслужена так называемая гражданская панихида — это собрание, на котором было до 500 человек, решило послать для возложения венков в Ясную Поляну депутацию из 5–6 человек, которая вечером выехала из Москвы вместе с 200 студентов «по личному желанию». «Венок, — говорится в рапорте, — изготовлен при институте из живых цветов; венок среднего размера; пока лент на нем нет». В столовой общежития по решению студентов был повешен портрет графа Толстого. В знак траура лекции в институте 9 ноября читаться не будут. «По окончании собрания, — замечает пристав, — студенты покойно разошлись по домам, и на улице нарушения порядка не было».

О событиях в Московском университете местному градоначальнику докладывали 8 ноября пристав 1-го участка Тверской части капитан Строев, 9 ноября — сам начальник Московского охрannого отделения полковник Заварзин. 8 ноября в Московском универ-

ситете с разрешения ректора состоялась «общестуденческая сходка» с обсуждением на ней «вопросов, вызванных смертью и предстоящим погребением гр. Л. Н. Толстого». Собрание приняло резолюции:

— послать депутацию «в числе около 10 человек в Ясную Поляну;

— организовать желающих присутствовать на похоронах;

— о проводах депутации на Курском вокзале, «где предполагается большое стечение студентов»;

— о чествовании памяти Толстого перед его домом в Хамовниках (Долгохамовнический переулок, теперь улица Льва Толстого), где студенты собираются 9 ноября и «пропойт вечную память».

Пристав предполагал, что 9 ноября можно ожидать нового собрания студентов около университета, так как ректорат распорядился закрыть в этот день его здание.

Действительно, как докладывает уже полковник Заварзин, на другой день у университета развернулись бурные события: «...С 10½ часов утра около старого Московского университета начали собираться поодиночке и небольшими группами сначала курсистки, а затем студенты». К университету в это время подошло около 100 студентов Московского сельскохозяйственного института. Образовалась «толпа около 200 человек», которая направилась к зданию нового университета и «далее по Моховой с пением „вечная память“». Студенты шли без фуражек».

Толпа выросла до 300 человек. Она была встречена полицеймейстером 1-го участка около 11 часов дня. Он предложил студентам «следовать по Никитской улице» и сообщил, что к дому Льва Толстого в Хамовниках они допущены не будут. Студенты продолжали шествие по тротуарам. На углу Знаменки и Волхонки они были задержаны вызванным дополнительным нарядом полиции. Им было снова предложено прекратить пение и разойтись. Часть студентов выполнила указание полиции. Около 100 человек — «более упорных» — было окружено полицией и «по Знаменской улице доставлено в 1 участок Тверской части, где переписаны и по одиночке отпущены» (Красный архив. 1935. С. 6 (73). С. 212–213, 213–214).

В ночной телеграмме № 246120 (4 часа 30 минут) директору департамента полиции Заварзин дает более точную цифру ока-

завшихся задержанными — 173 человека. В сообщении подведены итоги дня — 8 ноября: «Сформировать такое шествие были попытки на Девичьем поле и около упомянутого дома покойного, но по требованию полиции тотчас расходились». В городе не работали «до трех тысяч рабочих некоторых фабрик и заводов»; книжные «и некоторые другие» магазины, театры Корша, Художественный, Солодовникова.

Однако столкновений с полицией, революционных выступлений и арестов не было. Возвратившиеся с похорон имели возможность сесть на поданные трамваи, высланные для них с этой целью «по настояниям градоначальника» (Там же. С. 214). На другой день общественное движение в память Л. Н. Толстого продолжалось. Так, «рабочие механического цеха заводов: котельного Бари 350 человек, трубопрокатного Ган 125 человек, котельного Кравчуновского 22 человека, по общению пристава Симонковского участка Фоглера, вышли в обычное время на работу, но тотчас оставили таковую» «в знак внимания к похоронам графа Льва Толстого» и «спокойно разошлись домой». Служащие магазина общества потребителей при фабрике товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры с согласия членов правления, чтобы «почтить день похорон Л. Н. Толстого», закрыли магазин на два часа раньше (говорится в рапорте полицейского надзирателя Кувшинова) (Там же).

Полковник Заварзин 10 ноября потребовал от полицеймейстеров и приставов Москвы вести «непрерывное наблюдение за высшими учебными заведениями и усадьбой Толстого в течение последних дней, начиная с четверга» (Там же). С этой же целью велась постоянная переписка между градоначальником города генерал-майором Адриановым и попечителем учебного округа, руководителями высших учебных заведений: университета, женских курсов, технического училища, коммерческого, межвекового институтов, университета имени Шанявского и др.) (Там же. С. 214–220).

Происходившие события вызывали у власти, наученной опытом революции, тревогу. В память о Толстом в крупных центрах страны: Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе — прошли демонстрации, сходки, собрания, главным образом студенчества Петербургского, Московского университетов, Военно-медицинской

академии, Горного и Политехнического институтов, Высших женских курсов, учащихся некоторых гимназий Пскова, Рыбинска, Сарапула и т. д.

В Петербургском университете, ставшем центром студенческого движения, с 8 по 13 ноября каждый день собирались сходки. Студенческие волнения и демонстрации происходили в ноябре — декабре 1910 г. [Смирнов, 1998, с. 333].

Газета «Биржевые ведомости» 10 ноября писала, что Васильевский остров столицы выглядел «городком на военном положении. Везде городовые, пешие и конные, с ружьями и без оных, и жандармы... огромный наряд полиции усиливается все новыми и новыми подкреплениями». На следующий день демонстрация на Невском проспекте столицы собралась, по сведениям «Русских ведомостей», не менее 10 тыс. человек. Эта газета же сообщала о том, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу» (Рус. ведомости. 1910. 12 ноября).

Основные требования движения молодежи в память о Толстом включали в себя проведение гражданской панихиды, в частности у Казанского собора в Петербурге, принятие закона об отмене смертной казни. Так, в тексте коллективной телеграммы студентов С.-Петербургского университета подчеркивалось, что ушедший в мир иной «великий писатель и мятежного духа мыслитель» оставил «нам вечную память о своей борьбе с неправдой современного социального уклада и позорным явлением русской жизни — смертной казнью». В Москве на собрании двух тысяч слушательниц Высших женских курсов после пения «Вечной памяти» читались фрагменты статьи Толстого «Не могу молчать» как яркий протест против смертной казни [Мейлах, 1960, с. 342, 349].

В борьбе с общественным движением была использована не только полиция и жандармерия, но и воинские части. «Большая демонстрация», состоявшаяся в Петербурге на Невском проспекте, была разогнана лейб-гвардии Атаманским казачьим полком, а для устрашения населения столицы «была со-

вершена военная прогулка лейб-гвардии Стрелковым полком». Это вдохновило и московские власти прибегнуть к боевой силе. Сразу же, 11 ноября, московский градоначальник генерал-майор Адрианов обратился с совершенно секретным отношением к командующему войсками Московского военного округа П. А. Плеве:

«М<илостивый> Г <осударь> Павел Адамович,

Ввиду наблюдающегося весьма серьезного движения среди студентов и курсисток всех высших учебных заведений в Москве и возможности на днях большой демонстрации, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в распоряжении»:

«иметь ежедневно, начиная с 12 сего ноября, по 2 дежурных эскадрона в Хамовнических казармах и 2 дежурных эскадрона в Николаевских казармах, которые могли бы быть вызваны по моему требованию или требованию помощника моего, полковника Модля»;

«произвести в эти дни военные прогулки по городу пехотных частей с музыкой, когда я обращаюсь с просьбой». При этом Адрианов ссылался на опыт властей Петербурга (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 215). На следующий день появляется соответствующего содержания приказ П. А. Плеве.

11 ноября московский градоначальник довел до жителей города следующее, военного характера, «Объявление»:

«В течение нескольких дней на улицах Москвы происходят крайне нежелательные попытки устраивать демонстративные шествия, нарушающие порядок.

Считаю необходимым предупредить жителей Первопрестольной, что никакие шествия мною допущены не будут, что против демонстрантов будут приняты решительные меры, ввиду чего прошу публику не скопляться и не мешать действиям полиции» [Мейлах, 1960, с. 340, 342].

Надо заметить, что протестное движение во многом было спровоцировано действиями самих властей, предпринимавших различные ухищрения, чтобы снизить значение трагического события. Например, кинотеатрам предписывалось во время демонстрации хроники, посвященной Толстому, не сопровождать ее похоронным маршем Шопена; не выставлять в витринах и на собрани-

ях портреты писателя; не отменять в театрах в день его похорон спектаклей; поощряться функционирование в это время увеселительных заведений и т. п.

Вот как откликнулся на это писатель Леонид Андреев, оставив потомству выразительное свидетельство о событиях тех лет. Отказ участвовать в вечере памяти Л. Н. Толстого 12 ноября в Петербурге он мотивировал сложившимися тогда в стране условиями:

— «на улицах происходит избивание молодежи, желающей выразить свое уважение и благодарность к почившему учителю»;

— на вечере памяти нельзя будет говорить о том, что «составляет общезвестную сторону деятельности усопшего»;

— «воспрещается возглашать Толстому вечную память»;

— ответственность за высказывания на вечере будет нести его «распорядитель» (М. М. Ковалевский), чем «внутренняя связанность ораторов возводит почти в прямую невозможность говорить искренне и прямо»;

— наконец, следование «заветам великого Толстого, который требовал от людей во всех обстоятельствах их жизни прямоты и правды. Не может быть прямоты и правды там, где искренняя и наиболее горячая любовь к почившему натывается на обнаженную шашку жандарма, а вдохновение ораторов вводится в узенький рукав дозволенного полицией красноречия»².

Совсем другим настроением — утерпришибевским — проникнуты распоряжения министра внутренних дел П. А. Столыпина в его телеграмме градоначальникам 13 ноября, носящей программный характер:

«В виду происходящих в Петербурге беспорядков в высших учебных заведениях, могущих повториться в других городах, благоволите принять к неуклонному исполнению нижеследующие указания:

— предупредите учебные начальства, что всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью того или другого высшего учебного заведения, не должны быть разрешаемы;

— предупредите, что если такие сходки и состоятся явочным путем, или, если вообще на сходках будут посторонние лица, то для прекращения в учебное заведение будет введена полиция;

² Полный текст заявления Л. Андреева дан Б. Мейлахом [Мейлах, 1960, с. 340, 342].

— мерами полиции не допускайте выхода из учебного заведения толпой, а отдельным выходящим группам не разрешайте оставаться (видимо, у здания вуза. — *Ред.*);

— всякая уличная демонстрация должна быть немедленно подавлена;

— при наложении административных взысканий на участников демонстрации по обязательным постановлениям таковые должны быть строги;

— предупредите редакторов газет, что помещение статей, подстрекающих или одобряющих уличные демонстрации, недопустимо;

— в случае неисполнения налагайте административные взыскания в высшем размере;

— не разрешайте до прекращения всяких беспорядков никаких собраний, на которых по составу лиц или направлению общества можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений» (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 218 — Цитируется телеграмма, посланная московскому градоначальнику).

В Петербурге уже 12 ноября, когда в актовом зале университета собралось до 5 тысяч студентов, которые не стали расходиться, несмотря на призывы начальства, в университет был введен полицейский наряд, по одному из секретных отчетов 150 полицейских. После продолжительных переговоров с полковником Галле студенты «дали обещание разойтись вслед за выводом наряда» [Мейлах, 1960, с. 348].

После указаний П. А. Столыпина в Москве полиция стала действовать более решительно. 14 ноября «за участие в уличной демонстрации, согласно обязательному постановлению московского градоначальника от 12 ноября 1910 г.», были подвергнуты аресту при полиции 195 человек, которые и содержатся под стражей. Следующая таблица, составленная на основании доклада полковника П. П. Заварзина московскому градоначальнику от 12 ноября 1910 г., показывает из каких вузов престольной под арестом оказалась наибольшая часть студентов и на какой срок³.

³ В докладе приведены данные по 18 центрам обучения в Москве (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 219–220).

**Репрессии полиции против студентов-участников демонстрации
в память о Л. Н. Толстом 12 ноября 1910 г.**

Срок ареста (месяцев)	Число студентов всего	В том числе			
		муж.	жен.	Моск. ун-та	Высших жен. курсов
3	22	18	4	8	3
2	7	4	3	2	1
1,5	1		1		20
1	160	110	50	70	
2 недели	5	5		4	
Всего	195	137	58	84	24

Как ни старалась власть вытравить в обществе память о Л. Н. Толстом, общественное движение в честь великого русского мыслителя и писателя будет возобновляться и в последующие годы, особенно во время знаменательных толстовских дат. Оно станет составной частью демократического движения, отстаивающего права человека на свободу слова, вероисповедания и жизненного выбора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Венчает всю цензурно-полицейскую кампанию, проведенную структурами власти вокруг ухода из жизни Толстого и его бренного тела, вполне логичный для России посмертный эпизод.

10 ноября 1910 г. Московско-Камышинское жандармское полицейское управление железных дорог посылает секретную телеграмму № 3347 рязанскому губернатору:

«Управляющий Рязанско-Уральской железной дороги уведомил меня, что, с разрешения Министра путей сообщения, устанавливается памятная доска на доме, где скончался граф Лев Толстой, на ст. Астапово. Об этом доношу вашему сиятельству.

Подписал: начальник Управления, генерал-майор Львов» [Л. Н. Толстой в Астапове..., 1929, с. 21].

Вот лаконичная надпись мемориальной доски:

«Здесь скончался Лев Николаевич Толстой 7 ноября 1910 г.».

Сыск, жандармерия и полиция подводила итоги своих боевых действий.

10 ноября. 6 часов 10 минут вечера. Из Москвы. Телеграмма генерал-майора Н. Н. Львова — Елец, ротмистру М. Н. Савицкому: «12 ноября прошу прибыть <в> Москву, иметь с собою проект донесения о происходившем в Астапове в хронологическом порядке [Смерть Толстого..., 1929, с. 307].

Интеллигенция по-своему пыталась показать роль Л. Н. Толстого в жизни России. Президент Академии наук Великий князь Константин Константинович 22 декабря 1910 г. обратился с письмом к председателю Совета министров П. А. Столыпину, сообщая, что при Императорской Академии наук предполагается соз-

дать *Комитет по увековечению памяти графа Л. Н. Толстого* под его председательством. Сам Великий князь изберет состав этого комитета из числа членов Академии наук и «деятелей в области науки, искусства, литературы, общественной и государственной деятельности». Президент Академии наук запрашивал: «Не встречается ли со стороны правительства препятствий» к образованию такого комитета?

В Совете министров при участии Столыпина был подготовлен по этому вопросу проект с его позитивным решением. При этом подчеркивалось, что предложение академиков соответствует «вообще современному положению этого вопроса, которым оппозиционные правительству круги пытаются воспользоваться для противоправительственной агитации». Но когда бумага оказалась на столе Николая II, император записал в «особый журнал»: «Нахожу весьма *желательным* отложить рассмотрение этого вопроса» [Мейлах, 1960, с. 368–369]. На дипломатическом языке бюрократии такая фраза означала мягкую форму отказа.

И все-таки вопреки всему в начале 1911 г. русские литераторы и журналисты смогли осуществить замысел 1908 г. о Музее Л. Н. Толстого. 22–25 июня 1908 г. в Петербурге состоялся первый профессиональный съезд журналистов России — так он был назван журналом «Журналист» в 1914 г. [Кранихфельд, 1914, стб. 18]. На нем присутствовало 133 (50 внепетербургских) представителя 89 повременных изданий. В нем не участвовала правая и официальная пресса, так же, как и — уже по цензурным условиям — левая, радикальная, снова находившаяся в подполье. На съезде для наблюдения был командирован градоначальником особый чиновник.

По формулировке отчета из «Вестника Европы», написанного К. К. Арсеневым по горячим следам события, основным вопросом съезда был: «как самой печати наиболее достойно почтить день 80-летия Л. Н. Толстого и какая задача лежит на русской печати в смысле указания наилучших способов повсеместного ознаменования этого радостного для России дня, без нарушения воли великого писателя». Форум высказался за создание фонда на дом-музей им. Л. Н. Толстого.

Ссылаясь на опыт Англии, где чествуется Шекспир, Германии, где существует культ Гете, публицист и историк В. Я. Богучарский

в обстоятельном докладе подчеркнул, что в России есть равновеликий им Л. Н. Толстой, и «на обществе лежит обязанность увековечить за поколениями настоящими и грядущими те духовные богатства, которые дал миру гений Толстого». Чтобы увековечить эти богатства, прежде всего их необходимо «централизовать и систематизировать, создать учреждение, в котором было бы собрано не только все написанное Толстым, но также и о нем» (Вестн. Европы. 1908. Кн. 8. С. 823–823).

Таким образом, журналисты, посвятив съезд великому писателю, показали обществу, в котором светская и духовная власти стремились остановить чествование Толстого, мало того, провели репетицию похорон великого писателя, какое значение они придают тому, что было сделано для России Толстым, какую огромную роль играет его Слово для России и всего мира.

Важнейшим итогом этого форума было начало работы над созданием Дома-музея им. Л. Н. Толстого или, как его называли, Толстовского музея. После съезда, выполняя принятое решение, литераторы проделали большую работу [Богучарский, 1909, с. 6]. Музей был открыт 27 марта 1911 г. на 1-й линии Васильевского острова в доме 24, кв. 8¹. Одновременно был налажен выпуск «Толстовского ежегодника» — «Известия Общества Толстовского музея» [Толстовский музей..., 1912, с. 7; От редакции, 1911]. Этим было заложено основание одного из крупнейших, культурных центров России, который уже давно действует в Москве и известен как Государственный музей Л. Н. Толстого.

Сто лет тому назад на неизвестной тогда железнодорожной станции завершился жизненный путь Л. Н. Толстого, прошедший в неустанном, творческом поиске. Еще в 1886 г. в цикле очерков «Так что же нам делать?»² Лев Николаевич, можно сказать, определил характер своего жизненного пути. Он восстал против утвердившейся в обществе точки зрения о мыслителях и художниках как творцах, спокойно сидящих на олимпийских высотах и взирающих оттуда, со стороны, на жизнь. Толстой доказывал:

¹ Позднее адрес музея изменился: С.-Петербург, Васильевский остров, угол Большого проспекта и 2-й линии, д. 13–6 [см.: Толстовский ежегодник, 1912, с. 306].

² О характере жанра этого произведения Л. Н. Толстого см.: Жирков, 2009, с. 55–63.

— «мыслитель и художник должен страдать вместе с людьми для того, чтобы найти спасение или утешение»;

— «он страдает еще потому, что он всегда, вечно в тревоге и волнении: он мог решить и сказать то, что дало бы благо людям, избавило бы их от страдания, дало бы утешение, а он не так сказал, не так изобразил, как надо; он вовсе не решил и не сказал, а завтра, может, будет поздно — он умрет»;

— «и потому страдание и самоотвержение всегда будет уделом мыслителя и художника»;

— «гладких, жуирующих и самодовольных мыслителей и художников не бывает»;

— «духовная деятельность и выражение ее, действительно нужные для других, есть самое тяжелое призвание человека — крест, как выражено в евангелии»;

— «и единственный несомненный признак присутствия призвания есть самоотвержение, есть жертва собой для проявления вложенной в человека на пользу другим людям силы. Без мук не рождается и духовный плод...» [Толстой Л. Н. о литературе..., 1955, с. 206].

Это кредо Толстого стало примером для мыслителей и художников мира. Французский писатель Ромен Роллан признавал: «Доброта, разум, абсолютная правдивость Толстого превратили для меня этого великого человека в самого верного руководителя среди нравственной анархии нашего времени»³.

Толстой был наделен такой силы художническим даром, который всегда проявлял себя в его писаниях, его делах и поступках — высоких и обыденных, его мечтах и размышлениях, который дал ему ощущение свободы в несвободном обществе. Гений художника смог реализовать это ощущение до логического конца; этот конец и был уходом Толстого из той жизни, которая так или иначе пыталась удержать его в путах несвободы. Он остался верен себе: все, что мешало ему творить и жить, он оставил где-то позади, а сам устремился вперед и потому оказался в пути.

«Было как-то естественно, — замечает Борис Пастернак, бывавший в Астапово и прощавшийся с Толстым вместе с отцом-

³ Эти слова поставлены Леонидом Гроссманом эпиграфом к статье «беседы Романа Роллана с Толстым» (Огонек. 1928. № 37, 9 сент. С. 3). Они открывают толстовский юбилейный номер журнала.

художником, создавшим портрет писателя на смертном одре, — что Толстой успокоился, успокоился у дороги, как странник, близ проездных путей тогдашней России, по которым продолжали пролетать и круговращаться его герои и героини и смотрели в вагонные окна на ничтожную мимо лежащую станцию, не зная, что глаза, которые всю жизнь на них смотрели и обняли их взором и увековечили, навсегда на ней закрылись» [Пастернак, 1967, с. 221].

* * *

Эта книга была приурочена к 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. Выходит в свет в постюбилейные дни. За это время ее автор побывал на всех основных юбилейных событиях.

На конференциях, где выступал с докладами:

— V весенние Толстовские чтения «Л. Н. Толстой и русские писатели». Москва, 12–13 мая 2010 г., Институт мировой литературы РАН;

— Лев Толстой в петербургской филологии. Санкт-Петербург, 1 ноября 2010 г. Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом);

— Л. Н. Толстой и духовная жизнь общества. Санкт-Петербург, 10 ноября 2010 г. Санкт-Петербургский государственный университет, факультет журналистики;

— Путь писателя. Санкт-Петербург, 16 ноября 2010 г. Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Выставка к 100-летию со дня смерти Л. Н. Толстого; круглый стол; презентация книги «Уход и смерть Льва Толстого, Корреспонденции. Статьи. Очерки» (сост. А. С. и Э. К. Александровы). СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 720 с.

На Международном Толстовском форуме «Л. Н. Толстой в движении эпох: философские и религиозно-нравственные аспекты наследия мыслителя и художника». Москва, 20–25 ноября 2010 г. Учредители: Министерство культуры РФ, Министерство образования РФ, Государственный музей Л. Н. Толстого, Институт языков и культур имени Льва Толстого; Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»; Правительство Москвы, Институт философии РАН, Ин-

ститут мировой литературы РАН им. А. М. Горького. В рамках Форума прошли:

— XXXII Международные Толстовские чтения. 21–23 ноября 2010 г. Тульский гос. педагогический университет им. Л. Н. Толстого;

— IV Международный Толстовский конгресс «Л. Н. Толстой и мировая культура». Москва, 24 ноября 2010 г. Дом национальностей, 25 ноября 2010 г. Государственный музей Л. Н. Толстого;

— День памяти Л. Н. Толстого;

— Станция «Лев Толстой» (Астапово). 20 ноября 2010 г. Администрация Липецкой области, Министерство культуры РФ, Администрация Лев-Толстовского района, Государственный музей Л. Н. Толстого, ОАО «Российские железные дороги». На станции произошло возложение цветов к памятнику Л. Н. Толстого; состоялось открытие Культурно-образовательного центра им. Л. Н. Толстого, экспозиции «Астаповский меридиан. На пороге вечности». Музей «Астапово»; железнодорожного вокзала;

— музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». 22 ноября 2010 г., где состоялось возложение цветов к могиле Л. Н. Толстого, выступление директора музея Владимира Ильича Толстого «Слово о Толстом», посещение дома-музея Л. Н. Толстого;

— вечер памяти Л. Н. Толстого. 22 ноября 2010 г. Москва, Российская государственная библиотека.

В 2010 г. вышли три солидные книги, в которых авторы рассматривают и проблеме «ухода Л. Н. Толстого»:

— уже названный сборник публикаций, воспоминаний о трагическом событии «Уход и смерть Льва Толстого, Корреспонденции. Статьи. Очерки»;

— монография священника Георгия Ореханова «Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников» (М., Изд-во ПСТГУ. 2010. 696 с.) — фактически напечатанная богословская докторская диссертация, о чем свидетельствует сохранившаяся в книге описка (на с. 24). В монографию вошла и ранее появившаяся работа автора «Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого» (М., 2009. 192 с.). Ореханов обобщает все то, что было исследовано и высказано по проблеме взаимоотношений РПЦ и великого писателя, опираясь на концепцию И. М. Концевича и архиепископа Иоанна (Шахов-

ского). В свою очередь, названные авторы в основном повторяют идеи хрестоматийного сборника «По поводу отпадения от Православной церкви графа Льва Николаевича Толстого», подготовленного редактором «Миссионерского обозрения» В. М. Скворцовым в качестве бесплатного приложения к этому журналу и неоднократно переизданного в начале XX в. Закономерно то, что небольшая работа Концевича «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого» была включена в состав сборника «Духовная трагедия Льва Толстого» (М, 1995), а он почти копирует приложение «Миссионерского обозрения»;

— книга П. В. Басинского «Лев Толстой: Бегство из рая» (М.: АСТ; Астрель, 2010. 636 с.), выписанная в манере «ЖЗЛ» последних лет — с акцентом на некую сенсационность. Басинский использует «творческий» прием, с помощью которого «уход» превращен в фантом, сопутствующий всей жизни великого писателя как «графа уходящего»: «Толстой вынашивал свой уход в голове двадцать пять лет как великое произведение» (с. 429).

Все названные книги имеют большой научный интерес, как произведения, зовущие к размышлению в духовно-нравственной сфере человеческого бытия, которая находится в современном потребительском обществе в кризисе. Без сомнения, они требуют и обстоятельного, непредвзятого анализа.

Использованная литература

Апостолов Н. Н. Лев Толстой и русское самодержавие: факты, воспоминания, документы. М.; Л.: Гослитиздат, 1930.

Бем А. Л. К истории изучения Толстого / Рус. библиол. о-во; Б-ка Рос. Акад наук. Пг.: Гос. тип., 1916. (Библиол. сб. Т. 1, вып. 3).

Бертенсон М. Н. Антоний, митрополит Петербургский и Ладожский. Пг., 1915.

Бирюков П. И. Биография Льва Николаевича Толстого: в 4 т. Т. 4. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

Богучарский В. Я. Дом-музей имени Л. Н. Толстого в Петербурге: история этого начинания и его положение в настоящее время. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1909.

Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: конец XIX в. — 1914. М.: Наука, 1984.

Брюсов В. Я. На похоронах Толстого: впечатления и наблюдения // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1978. (Сер. лит. мемуаров).

Буланже П. Болезнь Л. Н. Толстого в 1901–1902 годах // Минувшие годы. 1908. № 9. С. 33–68.

Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: дневник секретаря Л. Н. Толстого. М.: Правда, 1989.

Булгаков В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни: дневник секретаря Л. Н. Толстого. М.: Худ. лит., 1960.

Булгаков Вал. Ф. О Толстом: воспоминания и рассказы. Тула: Приок. кн. изд-во, 1964.

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого: в 2 т. Т. 2. Дневник 1910 г. М.; Пг.: Кооператив. изд-во, 1923.

- Горький, Максим.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 18. М.: Худ. лит., 1963.
- Гусев Н. Н.* Две книги о Л. Н. Толстом // Рус. лит. 1966. № 4. С. 215–226.
- Джунковский В. Ф.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997.
- Дневник Алексея Сергеевича Суворина* / текстол. расшифровка Н. Роскиной; подгот. текста и предисл. Д. Рейфилда, О. Макаровой. London: The Garnett Press; М.: Изд-во «Независ. газета», 1992.
- Дневники Софьи Андреевны Толстой: 1897–1909.* М.: Север, 1932.
- Дорошевич В. М.* Воспоминания. М.: Нов. лит. обзор., 2008.
- Дурьлин С. Н.* В своем углу: из старых тетрадей. М.: Моск. рабочий, 1991.
- Жирков Г. В.* Л. Н. Толстой и цензура. СПб.: Роза мира, 2009.
- Жирков Г. В.* Нравственные основы толерантности: уроки из жизни Л. Н. Толстого // Ценностное содержание журналистики: культура социальных отношений и международное взаимодействие в обществе: матер. науч.-практ. конф. СПб.: Роза мира, 2008. С. 191–213.
- Жирков Г. В.* Толстой — военный публицист // Мастерская публициста: опыт прошлого и настоящего. Вып. 5. СПб.: Ф-т журн С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. С. 63–78.
- Константиновский И.* Лев Толстой, как зеркало перестройки // Огонек. 1990. № 45.
- Концевич И. М.* Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого // Духовная трагедия Льва Толстого: сб. ст. М.: Отчий дом, 1995. С. 3–71.
- Кранихфельд Вл.* Наши съезды // Журналист (Москва). 1914. № 1. Стб. 18.
- Л. Н. Толстой в Астапове и царская власть (неопубликованные материалы из секретной переписки рязанского губернатора)* / сост. И. И. Проходцов. Рязань, 1929. (Труды общества исследователей Рязанского края. Вып. XIX); 2-е изд., стереотип. 1995.
- Лев Николаевич Толстой:* сб. М.: Гос. изд-во, 1929. С. 84–88.
- Маковицкий Д. П.* Уход Льва Николаевича // Л. Н. Толстой / Гос. лит. музей. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1938. С. 446–462. (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 12).
- Мейлах Б. С.* Уход и смерть Льва Толстого. М.; Л.: Гослитиздат, 1960.
- Об уходе и смерти Л. Н. Толстого (из воспоминаний А. Л. Толстой)* // Толстой: памятники творчества и жизни. Вып. 4 / Под ред. В. И. Срезневского и А. Л. Бема. М.: Огни, 1923.

Ореханов Г., свящ. Жестокий суд России: В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2009.

Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2010.

От редакции // Известия Общества Толстовского музея. 1911. № 1.

Отчет чиновника особых поручений / публ. Л. Рябченко (с сокр.) // Сельская молодежь. 1991. № 8. С. 35.

Пастернак Б. Люди и положения: автобиогр. очерк // Новый мир. 1967. № 1.

Переписка Толстого с Александром Аркадьевичем Столыпиным / публ. Н. Гусева // Л. Н. Толстой: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 324–328. (Лит. наследство; т. 37–38).

Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого от Церкви. М.: Знание, 1978.

Петровицкая И. В. «Толстовский» съезд русских журналистов. 1908 год // Из истории русской литературы и журналистики: ежегодник / под общ. ред. И. В. Петровицкой, И. Е. Прохоровой. М.: Ф-т журн. Моск. гос. ун-та, 2009. С. 235–258.

Позойский С. И. К истории отлучения Льва Толстого от церкви. М.: Сов. Россия, 1979.

Семеновский А. П. Воспоминания о последних днях Л. Н. Толстого // Толстой и о Толстом: новые матер. / под ред. Н. Н. Гусева. Сб. 1. М.: Изд-во Толстов. музея, 1924.

Смерть Толстого: по новым материалам / вступ. ст. В. И. Невского; Публ. б-ка СССР им. В. И. Ленина. М., 1929.

Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг.: историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998.

Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания / сост., вступ. статья и примеч. А. И. Шифмана. М.: Худ. лит, 1980.

Толстая А. Л. Об уходе и смерти Л. Н. Толстого // Толстой: памятники творчества и жизни. Вып. 4. М.: Коопер. т-во изучения и распространения творений Л. Н. Толстого, 1923. С. 181.

Толстая С. А. Дневники: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1978.

Толстовский ежегодник. 1912. М.: О-во Толстов. музея, 1912.

Толстовский музей в Санкт-Петербурге: описание музея. 1 / сост. В. И. Срезневский, В. Н. Тукалевский. СПб.: Тип. А. Ф. Дресслера, 1912.

Толстой и о Толстом: новые матер. / под ред. Н. Н. Гусева. Сб. 1. М.: Изд-во Толстов. музея, 1924.

Толстой Л. Н. о литературе: статьи, письма, дневники. М.: Гослитиздат, 1955.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: репринт. воспроизв. изд. 1928–1958 гг.: в 90 т. М.: Терра, 1992. Т. 58.

Толстой С. Л. В Астапове // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1960. С. 441.

Толстой С. Л. В Астапове // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. / ред. С. А. Макашин. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1978. С. 441.

Толстой С. Л. Очерки былого. 3-е изд. Тула: Приокск. кн. изд-во, 1965.

Фойницкий В. Цензурные циркуляры о Толстом // Рус. лит. 1966. № 4. С. 175.

Хендель Г. Дом Шиллера в Веймаре. 4-е изд. Веймар: Nationale Forschungs, 1976.

Чертков В. Г. Уход Толстого. М.: Коопер. изд-во; Голос Толстого, 1922.

СЕКРЕТНАЯ ПЕРЕПИСКА
ТУЛЬСКИХ АРХИЕРЕЕВ ПАРФЕНИЯ И ЕВДОКИМА
С ТУЛЬСКИМ ГУБЕРНАТОРОМ Д. Д. КОБЕКО
О ПОГРЕБЕНИИ А. Н. ТОЛСТОГО¹

Совершенно — доверительно.
Его Преосвященству Евдокиму
Епископу Каширскому.
Ноября 5 дня 1910 г.
№ 14700.

*Преосвященнейший Владыко
Милостивейший Архипастырь.*

Сего числа получена мной от Министра Внутренних Дел следующая телеграмма: «Если в случае смерти графа Льва Толстого поступят просьбы о служении панихид, не оказывайте противодействия и предоставьте всецело разрешение этого вопроса местной духовной власти. никоим образом не допускайте никаких выступлений противоправительственного характера».

Ввиду изложенного прошу уведомить меня, в возможно непродолжительном времени, может ли быть допущено, в случае смерти графа Льва Толстого, служение в Тульской епархии панихид по нем.

Испрашивая святительских молитв Ваших и архипастырского благословения, имею честь, с отличным уважением и совершенной преданностью быть Вашего Преосвященства покорнейшим слугою.

подп.: *Дмитрий Кобеко*

Верно: *Старший Помощник Правителя* (подпись)

¹ Извлечено из совершенно секретного «Дела Канцелярии Тульского Губернатора секретного стола. О состоянии здоровья гр. Л. Н. Толстого» № 390, начатого 14 декабря 1909 г. 271 л. Хранится в Толстовском Музее в Москве. Переписка занимает лл. 35, 36, 37, 39 и 46. Опубликовано: Толстой и о Толстом, 1924, с. 84–85.

Ваше Превосходительство

Глубокоуважаемый Дмитрий Дмитриевич.

Сегодня (3 ноября) перед заседанием Синода Обер-Прокурор сообщил, что П. А. Столыпин, предполагая, командировать туда, где находится граф Л. Н. Толстой, чиновника особых поручений, прислал его узнать, не последует ли каких-либо распоряжений Синода. После продолжительных на эту тему разговоров я предложил на разрешение членов Синода и Обер-Прокурора Ваше недоумение, как поступить, если — в случае смерти графа Льва Толстого без покаяния, — окажется священник, который решится совершить отпевание по чину Православной Церкви. Члены Синода высказались в том смысле, что у Губернатора нет средств остановить незаконные действия священника, но последний будет подвергнут ответственности, если совершит отпевание.

Затем началось обычное заседание, а Обер-Прокурор пригласил меня в свой кабинет, где поджидал ответа чиновник особых поручений. Ему Об.-Прок. передал содержание разговоров, бывших в Синоде, а затем просил меня рассказать, что мне известно о последних событиях в жизни Л. Н. Толстого. В заключение опять повторено было (для чиновника П. А. Столыпина) мнение Синода о невозможности для Губернатора остановить священника, который стал бы — вопреки постановлению Свят. Синода — совершать отпевание.

Позвольте благодарить Вас за внимание, которое оказали мне при моем отъезде.

Устраиваюсь пока на своем подворье (Вас. Остр., Николаевская набер., 39). Все приходится заводить вновь, или выписывать из Тулы.

Желаю Вам от Господа здоровья и благополучия.

Вашего Превосходительства покорный слуга и богомолец
Епископ Парфений

1910 г.

Ноября 3

**РАПОРТ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ ЕПИСКОПОВ
КАЛУЖСКОГО И БРОВСКОГО ВЕНИАМИНА²**

Святейшему Правительствующему Синоду
Вениамина, Епископа Калужского и Боровского
Рапорт

Получив из газетных сообщений сведения о том, что граф Лев Толстой посетил Оптиную Пустынь, где имел беседу с бывшим скитоначальником, иеромонахом Иосифом, и остановился в Шамординой Пустыни, я тогда же препроводил секретное предписание настоятелю Оптиной пустыни, настоятельнице Шамординой Пустыни и иеромонаху Иосифу, с предложением подробно рапортовать мне — первым о посещении вообще вверенных им обителей гр. Толстым, последнему о содержании беседы с ним графа. Получив от названных лиц требуемые сведения, долг имею благопочтительнейше донести Вашему Святейшеству следующее.

Граф Лев Толстой, в сопровождении своего доктора, прибыл в Оптину Пустынь 28 числа истекшего октября месяца, вечером, направившись непосредственно в монастырскую гостиницу. Здесь, войдя в отведенный ему номер, он заметил заведующему гостиницей, послушнику Михаилу Ечеистову: «Может быть, вам неприятно, что я приехал — я Лев Толстой, отлучен от Церкви, прибыл поговорить с вашими старцами и завтра уеду в Шамордино к своей сестре». С обратным извозчиком Толстой отправил сдать в Козельске письмо и телеграм-

² Документ опубликован А. С. Николаевым (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 293–295).

му. В тот же вечер граф был у гостинника Михаила Ечеистова в келье, расспрашивал, кто в обители настоятель, кто скитоначальник, интересовался о старцах, справился о здоровье старца о. Иосифа и принимает ли последний посетителей. 29 октября, часов в 7 утра, к Толстому приехал какой-то молодой человек. Что-то писали, после чего доктор с тем же извозчиком ездил в Козельск. Перед утренним кофе и после оногo, а также перед обедом Толстой совершал около монастыря прогулки, один, не заходя ни к настоятелю, ни к одному из старцев. Не был и у старца Иосифа и не входил внутрь монастыря и скита. А в 3 часа пополудни того же 29 октября, вместе со своими спутниками, Толстой, расписавшись в книге для записи посетителей гостиницы «Лев Толстой благодарит за прием», отбыл в Шамордину Пустынь. Здесь Толстой остановился в монастырской гостинице. По приезде начал что-то писать; посетителей никого не было. Вечером 29-го и вечером 30 октября был у своей сестры-монахини. 30 числа утром ходил в расположенную близ монастыря деревню «Шамордино», где, как говорят, подыскивал себе квартиру, чтобы некоторое время в оной пожить. Но внезапный 30-го числа вечером приезд дочери (Александры Львовны) разрушил его планы. Последняя привезла ему какие-то письма, впоследствии которых он 31 октября, в 4 часа утра, собрался в путь и, в сопровождении дочери и доктора, не повидавшись с сестрой, оставив ей прощальное письмо, отбыл из Шамординой Пустыни к утреннему поезду на ст. Козельск. Когда граф Лев Толстой был уже на станции «Астапово», где его постигла предсмертная болезнь, мною была получена 3 ноября телеграмма от Первенствующего Члена Святейшего Синода Высокопреосвященнейшего Антония, Митрополита С.-Петербургского и Ладожского, в коей поручалось мне незамедлительно направить к болящему Толстому иеромонаха Иосифа, для предложения графу духовной беседы и религиозного утешения в целях примирения его с Церковью. На мое немедленное же распоряжение по сему обстоятельству в Оптину Пустынь, от настоятеля оной было телеграммой доложено, что о. Иосиф, по своему болезненному состоянию и преклонности лет, настолько слаб, что не выходит из келии даже в храм к Богослужениям, а посему отправить его в Астапово никак невозможно. О сём мною немедленно же было донесено Первенствующему Члену Святейшего Синода, Высокопреосвященнейшему Антонию, Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому, на что от Его Высокопреосвященства последовало предложение командиро-

вать в Астапово для той же цели скитона начальника, игумена Варсонофия. 5-го ноября утром игумен Варсонофий прибыл в Астапово и телеграммой в тот же день донес мне, что доступ к графу Толстому, по причине опасной болезни воспаления легких, безусловно, невозможен, но он останется в Астапово до улучшения здоровья графа и до первой возможности побывать у одра болящего и исполнить возложенную на него миссию, которая, к великому прискорбию, не достигла желательной цели: игумена Варсонофия к графу Толстому так и не допустили.

7-го сего ноября, в 9 часов утра, мной была получена от о. Варсонофия из Астапова телеграмма, в которой он меня уведомляет, что граф Толстой в 6 часов утра скончался, впад за два часа до смерти в бессознательное состояние. Игумен Варсонофий и в предсмертные часы не был допущен к умиравшему. Таким образом, граф Толстой умер без покаяния. 7-го ноября днем о. Варсонофий телеграфировал мне: «согласно воле графа тело его будет перевезено завтра в Ясную Поляну и погребено без церковных обрядов в саду. Скорбящую о сем графиню постарался утешить».

О чем и имею долг все нижайше донести Вашему Святейшеству.

*Вашего Святейшества
нижайший послушник*

Вениамин, Епископ Калужский и Боровский

1910 года, ноября 7 дня

№ 5235

**ДОНЕСЕНИЕ ИГУМЕНА ВАРСОНОФИЯ
ЕПИСКОПУ КАЛУЖСКОМУ И БОРОВСКОМУ ВЕНИАМИНУ³**

Его Преосвященству,
Преосвященнейшему Вениамину,
Епископу Калужскому и Боровскому,
покорнейшее доношение.

Согласно распоряжению Святейшего Правительствующего Синода, изложенного в телеграмме Вашего Преосвященства Настоятелю Оптиной Пустыни Отцу Архимандриту Ксенофонту от 4 сего ноября за № 390, я отправился 5 ноября в 8 часов утра с поездом Рязанской Ур. ж. д. из Козельска на ст. Астапово, куда и прибыл в 7½ часов вечера того же дня. Согласно упомянутой телеграммы, цель моей поездки состояла в том, чтобы предложить находящемуся на ст. Астапово больному графу Льву Толстому духовную беседу и религиозное утешение в целях примирения его с Св. Православной Церковью.

На вокзале ст. Астапово я встретился с сыном графа, Андреем Львовичем Толстым, от которого я узнал, что доктора никого, кроме некоторых лиц, не допускают к графу из опасения осложнения его болезни, но что он употребит все старание, чтобы дать мне возможность лично видеть и поговорить с графом. При этом он добавил, что по той же причине доктора не допускают к больному даже супругу его и его А. Л. Толстого, что вообще на свидание с его отцом рассчитывать трудно. Вскоре явился на вокзал лечивший графа доктор Никитин и заявил, что по единогласному решению его, Никитина, и других доктор-

³ Документ опубликован А. С. Николаевым (Дела и дни: ист. журн. 1920. Кн. 1. С. 275–276).

ов, находящихся при графе, постановлено к нему никого, кроме некоторых лиц не допускать, в том числе и меня в виду могущего быть с ним волнения и осложнения чрез это болезни воспаления легких. На вопрос, могу ли я вообще рассчитывать на свидание с графом, г. Никитин отвечал неопределенно, вообще отрицательно и определенного ответа не дал.

На другой день 6 ноября я также тщетно пытался проникнуть к графу при посредстве сыновей и дочерей его. Ссылаясь на запрещение докторов, все отвечали отказом. При графе в это время постоянно находилась дочь его графиня А. Л. Толстая, г.г. Чертков и Сергеевко, имевшие вообще всегда на графа большое влияние и прежде, до болезни его. На просьбу к дочери графа А. Л. Толстой лично переговорить со мной, она письменно также ответила отказом, как равно и на другое письмо мое, переданное ей чрез брата ее графа Андрея Львовича Толстого. О ходе болезни графа и вообще о состоянии здоровья его определенных сведений я так же не имел. Не теряя надежды, я всегда был наготове, чтобы по первому зову графа явиться к нему немедленно. В этот день, как и сегодня — 7 ноября, я находился на вокзале, в 20 шагах от квартиры Начальника станции, в которой находился граф, и явиться к нему мог немедленно. Только сегодня в Воскресенье 7 ноября жандармский офицер известил меня, что граф скончался в бессознательном состоянии, не узнавая жены и сыновей, которые были к нему допущены. Смерть графа последовала в 6 часов 5 минут утра. Посетивши вдову графиню и сыновей ее, я узнал от них, что граф выразил желание быть погребенным в имении его Ясной Поляне, без церковных обрядов и отпевания вообще. По заявлению тех же лиц, тело графа будет перевезено в Ясную Поляну в товарном вагоне завтра, 8 ноября для погребения. Завтра же предполагаю выехать в Оптину Пустынь.

В дополнение телеграмм моих от 5, 6 и 7 ноября, обо всем вышеизложенном почтительно доношу Вашему Преосвященству.

Грешный игумен Варсонофий

1910 года,

Ноября 7 дня

С подлинным верно: *Вениамин Епископ Калужский и Боровский*

**ДОКУМЕНТЫ ИЗ ДЕЛА МОСКОВСКОГО ОХРАННОГО
ОТДЕЛЕНИЯ № 1494 ЗА 1910 г.,
ХРАНЯЩИЕСЯ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АРХИВЕ РЕВОЛЮЦИИ⁴**

**1. Секретный циркуляр московского градоначальника
от 7 ноября 1910 г., № 258287 1**

В настоящее время все оппозиционные круги и учащаяся молодежь весьма сильно реагируют на болезнь графа Л. Н. Толстого, и можно ожидать в случае кризиса каких-либо выступлений.

Ввиду изложенного предлагаю принять к руководству:

1. Усилить наблюдение за учебными заведениями, фабриками, заводами и местами собраний учащейся молодежи и рабочих.
2. Не оказывать никакого противодействия церковным службам о графе Толстом, предоставляя разрешение этого вопроса духовной власти.
3. Иметь за устроителями и присутствующими на церковном служении о графе Толстом неослабное наблюдение, не допуская никаких выступлений противоправительственного характера.
4. Иметь в виду, что не могут быть допущены на сходках и собраниях резолюции с призывом к демонстрациям и с порицанием св. синода и правительству.
5. О всяком собрании и сходке, а также предполагающейся церковной службе по случаю болезни или смерти графа Л. Н. Толстого, по возможности, заблаговременно докладывать мне, помощнику моему полковнику Модлю и сообщать в охранное отделение и сыскную полицию.

⁴ Подготовлены к печати Н. Д. Покровской (Красный архив. 1935. Т. 6 (73). С. 211–220).

6. Иметь в участках готовыми наряды, на случай необходимости подавать ожидающийся беспорядок.

7. Иметь в виду, что никаких уличных выступлений не может быть допущено, почему приставам соседских участков оказывать полное содействие тому приставу, в районе которого происходит беспорядок, и по требованию полицеймейстера или пристава даже другого отделения являться с нарядом.

8. О возможности возникновения беспорядка немедленно доносить мне, помощнику моему полковнику Модлю, полицеймейстеру и сообщать соседним приставам.

*Генерал-майор Адрианов.
Начальник отделения полковник
Заварзин*

2. Телеграмма товарища министра внутренних дел московскому градоначальнику от 7 ноября 1910 г., № 18436

Ввиду последовавших распоряжений о том, чтобы чины администрации не чинили препятствия духовным лицам в служении Панихид по скончавшемся графе Льве Толстом, благоволите принять меры к тому, чтобы публикации в газетах о служении панихид допускались не иначе, как с разрешения полиции по получении и письменного извещения подлежащего духовного лица, что панихида действительно будет служиться, дабы под предлогом служения панихиды не организовывались бы в определенном месте собрания с целью противоправительственных демонстраций.

За мин. внутр. дел тов. министра ген.-лейт. Курлов⁵

3. Телеграмма помощника московского градоначальника приставам 2 Басманного, 2 Пятницкого, 2 Мещанского и 2 Рогожского участков от 7 ноября, 1910 г. № 451

Установите наблюдение на вокзалах за уезжающими на похороны в Ясную Поляну. При возвращении их 9 и 10 ноября не допустите демонстративных шествий.

Модль

⁵ Вечером 7 ноября срочное заседание Синода решило запретить панихиды, о чем были немедленно разосланы телеграммы по всем епархиям. — Прим. ред. «Красного архива», с. 211.

**4. Телеграмма помощника московского градоначальника
полицеймейстерам и приставам от 7 ноября 1910 г., № 452**

Установите наблюдение за магазинами венков. Обязайте не выпускать лент с революционными надписями. Не допускайте убранных трауром зданий. Имейте наблюдение за ожидаемыми частными собраниями на общем основании.

Модль

**5. Телеграмма московского градоначальника полицеймейстерам
и приставам от 8 ноября 1910 г.**

Установите наблюдение на улицах. Не допускайте предложения закрывать магазины и насилий в этом направлении.

Адрианов

**6. Отношение помощника московского градоначальника
командиру жандармского дивизиона от 8 ноября 1910 г., № 2917**

По приказанию московского градоначальника, прошу ваше высокоблагородие сделать наряд на завтра, 9 сего ноября, к 8 1/2 час. утра: 1 офицера и 25 конных жандармов в распоряжение полицеймейстера 1 отделения во двор 1 участка Тверской части (Знаменка) и столько же в распоряжение полицеймейстера 2 отделения во двор Хамовнической части на Хамовническом плацу.

За градоначальника, помощник его полковник Модль

**7. Телеграмма начальника Московского охранного отделения
начальнику тульского губернского жандармского управления
от 8 ноября 1910 г., № 248107**

Ожидается массовый выезд студентов московских высших учебных заведений в Ясную Поляну на похороны, можно ожидать противоправительственной демонстрации. Департаменту донесено.

Полковник Заварзин

**8. Телеграмма московского градоначальника
тульскому губернатору от 8 ноября 1910 г., № 248112**

Записалось на поезда на похороны более тысячи студентов и курсисток.

Градоначальник Адрианов

9. Донесение пристава 1 участка Арбатской части в московское охранное отделение от 8 ноября 1910 г., № 285

Доношу что на высших женских курсах по Мерзляковскому переулку по случаю смерти Толстого сегодня занятий не было и завтра тоже не предполагается.

Пристав (подпись)

10. Рапорт пристава Петровско-Разумовского участка московскому градоначальнику от 8 ноября 1910 г., № 160

В 1 час дня сего числа студенты Московского сельскохозяйственного института устроили, с разрешения директора института д. с. с. Иверонова, в столовой при общежитии названного института собрание для обсуждения вопроса о выработке формы чествования памяти скончавшегося графа Толстого. На этом собрании была отслужена так называемая гражданская панихида.

Собрание вынесло резолюцию: послать депутацию для возложения венка на гроб умершего графа; депутация эта состоит из 5–6 студентов названного института (мне известны фамилии и двух делегатов: студенты Григорьев и Федоровский). Венок изготовлен при институте из живых цветов; венок среднего размера; пока лент на нем нет.

Депутация эта выезжает в Ясную Поляну сегодня вечером; одновременно с ней выезжает человек 200 студентов этого института по личному желанию. Собрание это также постановило повесить портрет гр. Толстого в столовой общежития в с.-х. институте. В знак траура лекции сегодня и завтра читаться не будут.

Собрание окончилось в 2 часа дня; на нем присутствовали только студенты этого института, в числе до 500 человек. По окончании собрания студенты покойно разошлись по домам, и на улице нарушения порядка не было.

Пристав Костовский

11. Рапорт пристава 1 участка Тверской части московскому градоначальнику от 8 ноября 1910 г., № 101

Сего числа в Московском университете состоялась с разрешения ректора общестуденческая сходка, которая закончилась без нарушения порядка. На этой сходке обсуждались вопросы, вызванные смертью и предстоящим погребением гр. Л. Н. Толстого. Между прочим, был под-

нят вопрос о выражении порицания Святейшему Синоду за отношения его к покойному, но вопрос этот, а равно и другие, ему подобные, был провален большинством. Приняты резолюции о посылке депутации в числе около 10 человек в Ясную Поляну, об организации желающих присутствовать на похоронах, о проводах депутации на Курский вокзал, где предполагается сего числа вечером большое стечение студентов, и о чествовании памяти покойного перед домом в Хамовниках. Для последней цели студенты завтра, 9 ноября, должны собраться перед означенным домом, где и пропоют вечную память. Предполагалось завтра собраться предварительно в здании университета, но, как мне известно из достоверных источников, по распоряжению университетской администрации, здание университета будет закрыто, и туда студенты допущены не будут. Ввиду этого возможно ожидать собрания студентов у здания университета.

Пристав капитан Строев

**12. Отношение московского градоначальника
попечителю Московского учебного округа А. М. Жданову
от 8 ноября 1910 г., № 2915**

М. г. Александр Маркелович,

Мною получены сведения, что студенты московского университета и других учебных заведений предполагают устроить завтра демонстративное шествие к дому гр. Л. Н. Толстого в Хамовники, где слушать гражданскую панихиду.

Сообщая об этом, покорнейше прошу ваше превосходительство не отказать в распоряжении объявить студентам, что никакие демонстративные шествия и выступления безусловно допущены не будут и против демонстрантов будут приняты решительные меры.

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов

**13. Отношение попечителя Московского учебного округа
московскому градоначальнику от 8 ноября 1910 г., № 32275**

М. г. Александр Александрович,

Имею честь уведомить ваше превосходительство, что содержание письма вашего от сего числа за № 2915 мною вместе с сим сообщается начальникам высших учебных заведений гор. Москвы.

Вместе с сим покорнейше прошу ваше прев-во сообщить мне о всех случаях нарушения учащимися порядка, если таковые будут иметь место 9 ноября текущего года для донесения о сем министерству народного просвещения.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Покорнейший слуга А. Жданов

14. Телеграмма пристава Басманной части московскому градоначальнику от 9 ноября 1910 г., № 41

Сегодня не было занятий: в Межевом институте, двух коммерческих училищах, трех торговых школах. Не работали с утра на фабрике Ксенофонтова и с обеда в типографии Мальцева. Торговля везде производилась. Агитации не было.

Иванов

15. Доклад начальника Московского охранного отделения московскому градоначальнику от 9 ноября 1910 г.

Сегодня, с 10 1/2 часов утра, около старого Московского университета начали собираться по одиночке и небольшими группами (сначала курсистки, а затем студенты) и под предлогом получения справок часть их входила в канцелярию.

К тому же времени к университету пришло около 100 студентов Сельскохозяйственного института.

По объяснению экзекутора этого университета сегодня, по распоряжению ректора, канцелярия открыта для служебных надобностей.

Из канцелярии университета курсистки и студенты вышли на улицу, где совместно со студентами-сельскохозяйственниками, толпой около 200 человек направились к новому университету и далее по Моховой с пением «вечная память».

Студенты шли без фуражек.

Полицеймейстер 1 отделения около 11 часов дня встретил шествие у нового университета, где толпа возросла до 300 человек.

Было предложено прекратить пение, следовать по Никитской улице и разъяснено, что в Хамовники, к дому Льва Толстого, оно не будет допущено.

Студенты продолжали шествие по тротуарам.

Из 1 участка Тверской части был вызван дополнительный наряд полиции, который на углу Знаменки и Волхонки задержал шествие.

Вторично чинами полиции было предложено толпе прекратить пение и разойтись, что многие исполнили.

Более же упорные, в числе около 100 человек, были окружены и по Знаменской улице доставлены в 1 участок Тверской части, где переписаны и поодиночке отпущены.

Полковник Заварзин

16. Телеграмма начальника Московского охранного отделения директору департамента полиции, отправленная 9 ноября 1910 г. в 4 часа 30 минут ночи, № 246120

В высших учебных заведениях занятия не производились. В одиннадцатом часу у здания университета начали собираться поодиночке студенты и курсистки; сформировавшись толпой, двинулись с пением «вечная память», предполагая дойти к дому покойного в Хамовниках, но были тотчас остановлены полицией, предложившей разойтись. Не исполнившие требования сто семьдесят три человека, окруженные рядом, препровождены в участок, откуда, по установлении личностей тотчас освобождены. Сформировать такое шествие были попытки на Девичьем поле и около упомянутого дома покойного, но по требованию полиции тотчас расходились. Книжные и несколько других магазинов было закрыто. В театрах Корша, Художественном и Солодовникова представлений не было. Не работало до трех тысяч рабочих некоторых фабрик и заводов. Столкновений с полицией, революционных выступлений и арестов не было. Возвратившиеся с похорон разошлись с вокзала в полном порядке без малейших инцидентов, чему способствовали действия полиции и прием пассажиров ночных поездов вагонами трамвая, высланными по настояниям градоначальника.

Полковник Заварзин

17. Телеграмма пристава Симоновского участка московскому градоначальнику от 9 ноября 1910 г., № 25

Сего числа рабочие механического цеха заводов: котельного Бари 350 человек, трубопрокатного Ган 125 человек, котельного Кравчуновского 22 человека вышли в обычное время на работу, но тотчас оставили таковую, спокойно разошлись домой. Работу оставили в знак внимания похоронам графа Льва Толстого.

Пристав Симоновского участка Фоглер

**18. Рапорт полицейского надзирателя при фабриках т-ва
Прохоровской мануфактуры приставу 1 участка
Пресненской части от 10 ноября 1910 г., № 139**

Доношу, что вчера, 9 сего ноября магазин о-ва потребителей при фабриках т-ва Прохоровской Трехгорной мануфактуры, вследствие просьбы служащих магазина почтить день похорон Л. Н. Толстого, был закрыт с согласия членов правления о-ва в 6 часов вечера, а не в 8 ч., как обычно.

Полицейский надзиратель Кувишинов

**19. Телеграмма начальника Московского охранного отделения
полицеймейстерам и приставам г. Москвы
от 10 ноября 1910 г., № 651**

Можно ожидать выходов из помещений высших учебных заведений студентов массами с целью демонстративных шествий с революционными песнями и вечной памятью. Необходимо непрерывное наблюдение за высшими учебными заведениями и усадьбой Толстого в течение последних дней, начиная, с четверга.

Полковник Заварзин

**20. Отношение московского градоначальника попечителю
Московского учебного округа А. М. Жданову
от 11 ноября 1910 г., № 258579**

М. г. Александр Маркелович.

По имеющимся в моем распоряжении сведениям, в настоящее время в Московском университете и других высших учебных заведениях министерства народного просвещения ежедневно происходят сходки. Продолжение таковых, несомненно, может иметь последствием серьезные осложнения до демонстративных выступлений студенческих масс на улицу.

Кроме того, наблюдается воздействие на студентов со стороны сформировавшихся в высших учебных заведениях нелегальных организаций, члены которых на сходках произносят возбуждающего характера речи.

Необходимо принять со стороны академического начальства самые энергичные меры к предупреждению беспорядков.

Сообщая об изложенном вашему прев-ву, прошу не отказать сделать со своей стороны зависящие распоряжения и о последующем не отказать меня уведомить в возможно непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов

**21. Отношение московского градоначальника
директорам московских высших учебных заведений
от 11 ноября 1910 г. № 258580**

По имеющимся в моем распоряжении сведениям, в настоящее время в высших учебных заведениях гор. Москвы ежедневно происходят сходки. Продолжение таковых, несомненно, может иметь последствием серьезные осложнения до демонстративных выступлений студенческих масс на улицу.

Кроме того, наблюдается воздействие на студентов со стороны сформировавшихся нелегальных студенческих организаций, члены которых на сходках произносят возбуждающего характера речи.

Имея в виду, что явления подобного рода могут отразиться на правильном течении академической жизни и вместе с тем нарушить в дальнейшем общественную безопасность и порядок в столице, прошу ваше прев-во не отказать сделать с своей стороны зависящие распоряжения и уведомить меня, какие меры будут вами приняты к предотвращению нарушения высочайше утвержденных правил от 11 июня 1907 года «о студенческих собраниях».

Примите уверение в совершенном почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов

**22. Отношение московского градоначальника
командующему войсками Московского военного округа
П. А. Плеве от 11 ноября 1910 г., № 258583**

М. г. Павел Адамович,

Ввиду наблюдающегося весьма серьезного движения среди студентов и курсисток всех высших учебных заведений в Москве и возможности на днях большой демонстрации, имею честь покорнейше просить ваше высокопрев-во не отказать иметь ежедневно, начиная с 12

сего ноября, по два дежурных эскадрона в Хамовнических казармах, по две Николаевских казармах, которые бы могли быть вызваны по моему требованию или требованию помощника моего полковника Модля. Кроме того, прошу не отказать в распоряжении произвести в эти дни военные прогулки по городу пехотных частей с музыкой, когда я обращусь с просьбой.

Считаю долгом присовокупить, что сегодня в С.-Петербурге, на Невском проспекте, была большая демонстрация, причем для разгона толпы был вызван лейб-гвардии Атаманский казачий полк, и была совершена военная прогулка лейб-гвардии Стрелковым полком.

О последующих распоряжениях вашего высокопреосвященства благоволите уведомить.

Прошу ваше высокопреосвященство принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов

**23. Отношение командующего войсками
Московского военного округа московскому градоначальнику
от 12 ноября 1910 г., № 917**

М. г. Александр Александрович,

Согласно вашего письма от 11 ноября за № 258583, мною сделано распоряжение ежедневно наряжать с 12 сего ноября два дежурных эскадрона в Хамовнических казармах и две дежурные сотни в Николаевских казармах на случай вызова по распоряжению вашему или вашего помощника для содействия гражданским властям.

Кроме того, мною сделано также распоряжение производить гренадерским полкам прогулки по городу в те дни, когда вы обратитесь с просьбой к командиру гренадерского корпуса.

Прошу принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

П. Плеве

**24. Телеграмма министра внутренних дел Столыпина
московскому градоначальнику 13 ноября 1910 г., № 29136**

Ввиду происходящих в Петербурге беспорядков в высших учебных заведениях, могущих повториться в других городах, благоволите принять к неуклонному исполнению нижеследующие указа-

ния: предупредите учебные начальства, что всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью того или другого высшего учебного заведения, не должны быть разрешаемы; предупредите, что если такие сходки и состоятся явочным порядком, или, если вообще на сходках будут посторонние лица, то для прекращения в учебное заведение будет введена полиция, мерами полиции не допускайте выхода из учебного заведения толпой, а отдельным выходящим группам не разрешайте останавливаться. Всякая уличная демонстрация должна быть немедленно подавлена. При наложении административных взысканий на участников демонстрации по обязательным постановлениям таковые должны быть строги. Предупредите редакторов газет, что помещение статей, подстрекающих или одобряющих уличные демонстрации недопустимо. В случае неисполнения налагайте административное взыскание в высшем размере. Не разрешайте до прекращения всяких беспорядков никаких собраний, на которых составу лиц или направлению общества можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений. № 1305.

Министр внутренних дел статс-секретарь Столыпин

**25. Отношение московского градоначальника
директорам московских высших учебных заведений
от 13 ноября 1910 г., № 258673**

М. г.

По распоряжению председателя совета министров, имею честь уведомить ваше прев-во, что всякие сходки, касающиеся вопросов вам учебного заведения, не должны быть разрешаемы. Если же таковые состоятся явочными порядком или если вообще на сходках будут присутствовать посторонние лица, то для прекращения таковых сходок в учебное заведение будет введена полиция.

Ввиду изложенного, имею честь просить ваше прев-во о всяком случае нарушения высочайше утвержденных правил и последующих к ним дополнений «О студенческих собраниях» немедленно сообщить мне по телефону (№ 1, полиция) или помощнику моему полковнику Модль (№ 15, полиция).

Примите уверение в совершенном почтении и преданности.

Генерал-майор Адрианов

**26. Отношение московского градоначальника
попечителю Московского учебного округа А. М. Жданову
от 13 ноября 1910 г., № 258672**

М. г. Александр Маркелович,

По распоряжению председателя совета министров, имею честь уведомить ваше прев-во, что всякие сходки, касающиеся вопросов, не связанных с жизнью высших учебных заведений министерства народного просвещения гор. Москвы, не должны быть разрешаемы; если же таковые состоятся явочным порядком или если вообще на сходках будут присутствовать посторонние лица, то для прекращения таковых сходок в учебное заведение будет введена полиция.

Сообщая об изложенном в дополнение к письму моему от 11 сего ноября за № 258579, прошу ваше прев-во не отказать сделать с своей стороны зависящие распоряжения и о последующем уведомить меня в возможно непродолжительном времени.

Примите уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности.

Генерал-майор Адрианов

**27. Отношение попечителя Московского округа
московскому градоначальнику от 14 ноября 1910 г., № 1526**

М. г. Александр Александрович,

Имею честь уведомить ваше прев-во, что содержание письма вашего от 13 сего ноября за № 258672 вместе с сим сообщено начальникам всех высших учебных заведений гор. Москвы с предложением принять все зависящее от них меры к недопущению в сих заведениях сходок, касающихся вопросов, не имеющих отношения к жизни высших учебных заведений.

Примите уверение в совершенном уважении и преданности.

Покорнейший слуга А. Жданов

**28. Доклад начальника Московского охранного отделения
московскому градоначальнику от 18 ноября 1910 г.**

Докладываю его прев-ву московскому градоначальнику, что 14 сего ноября за участие в уличной демонстрации, согласно обязательного постановления московского градоначальника от 12 ноября 1910 года,

подвергнуты аресту при полиции, считая срок со дня задержания, т. е. 14 сего ноября,

На три месяца:

- 1) студентов Московского университета — 8
- 2) студентов Императорск. моск. техн. училища — 1
- 3) студентов Московского коммерческого института — 2
- 4) студентов Московск. сел.-хоз. института — 4
- 5) разных лиц — 3
- 6) вольнослушальниц Москов. сел.-хоз. института — 2
- 7) слушательниц зубоврачебных курсов Вильга — 1

Итого 18 мужч., 4 женщ.

Всего — 22 человека.

На два месяца:

- 1) студентов Московского университета — 2
- 2) разных лиц — 1
- 3) слушательниц Высших женских курсов — 3
- 4) слушательниц акушерских курсов — 1

Итого 3 мужч., 4 женщ.

Всего — 7 чел.

На полтора месяца:

- 1) слушательниц. Высших женских курсов — 1

Итого — 1 женщ.

На один месяц:

- 1) студентов Московского университета — 70
- 2) студентов Московского коммерческого института — 14
- 3) студентов Моск. сел.-хоз института — 4
- 4) студентов Имп. Моск. технич. училища — 1
- 5) студентов Лазаревского института — 1
- 6) студентов Имп. инженерного училища — 1
- 7) слушателей Московской консерватории — 1
- 8) слушателей Народн. университета им. Шанявского — 3
- 9) учеников Филармонического училища — 1

- 10) слушателей общеобразов. курсов Духониной — 1
- 11) учеников Строит.-технич. училища Приорова — 2
- 12) разных лиц — 11
- 13) слушательниц Москов. Высших женских курсов — 20
- 14) слушательниц педагогических курсов — 8
- 15) слушат. Народн. универ. им. Шаняевского — 1
- 16) вольнослушат. Моск. коммерческ. института — 5
- 17) слушательн. медицин. курсов Изачика — 1
- 18) слушательн. фельдшерских курсов — 2
- 19) разных лиц — 13

Итого 110 мужч. 50 женщ.

Всего — 150 человек.

На четырнадцать дней:

- 1) Студентов Московского университета — 4
- 2) Студент Императорск. моск. инженерн. учил. — 1

Итого — 5 человек.

Итого содержатся под стражей 136 мужч. и 59 женщ.

Всего — 195 человек.

Полковник Заварзин

29. Записка Московского охранного отделения

Еще за день до кончины Толстого, когда вероятность рокового исхода стала очевидною, в различных общественных кружках Москвы стала замечаться лихорадочная деятельность. Путем словесных переговоров подготовилась почва для устройства при получении известия о кончине внушительных общественных демонстраций. Этою заблаговременною подготовленностью объясняется быстрота, с какой сформировалась бюро для организации и групп, причем чтобы не обращать на себя резко внимания, избегали выбирать ярко левых и, наоборот, проводили даже умеренных и вообще лиц с крупным общественным положением.

Таким путем старались создать затруднения для закрытия бюро.

При организации бюро высказывалось пожелание, чтобы оно не ограничивало своей деятельности только участием на похоронах Тол-

стого, но стало тем органом инициативы, который в дальнейшем будет подогревать интерес общества к событию и направлять все общественные выступления в одну сторону.

Вообще, при первых известиях о приближающейся кончине Толстого высказано было соображение, что этим событием нужно воспользоваться для мобилизации не должна носить мимолетный характер, а должна повести к более прочному единению.

Особенно удалась эта «мобилизация» в врачебной среде. Вчера вечером в гостинице «Прага» собрались представители буквально всех московских медицинских обществ, а также представители почти всех московских больниц (около 15) и университетских клиник. Этот быстрый сбор также является результатом заблаговременной подготовки.

1) Сегодня, вечером, в университете состоится экстренное заседание Общества любителей российской словесности. Сказать вступительное слово поручено профессору Кизеветтеру.

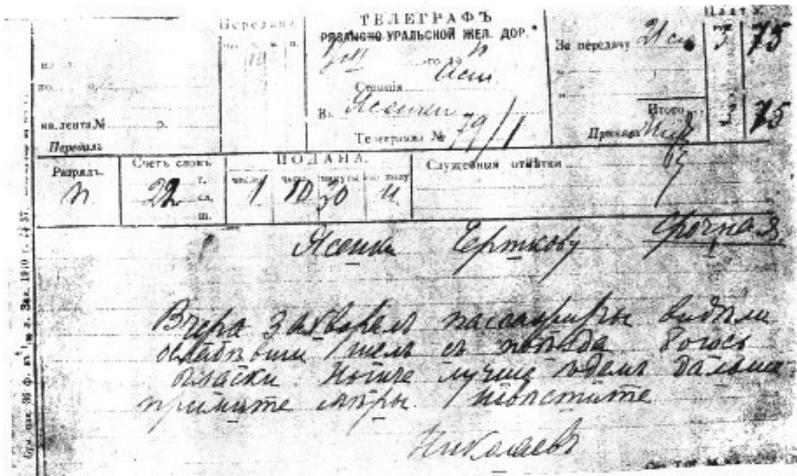
2) На этой неделе (день не назначен) состоится публичное заседание присяжных поверенных. Прилагаются все усилия к проведению его возможно демонстративнее.

3) Правление общества народных университетов также подготавливает большое публичное собрание. Принято решение возможно скорее отпечатать брошюру о Толстом для распространения в народе.

4) 12 ноября состоится публичное собрание общества распространения технических заданий. Докладчики и характер докладов пока не определены.

5) По случаю смерти Толстого Пироговское общество отменило назначенное на 13 ноября торжественное собрание. Оно состоится через две недели. Отмена состоялась не столько ввиду траура, сколько из необходимости лучше подготовиться к демонстративному чествованию памяти Пирогова.

ФОТОМАТЕРИАЛЫ¹

Подлинник телеграммы, написан рукой А. Л. Толстой
и подписан псевдонимом Л. Н. Толстой.

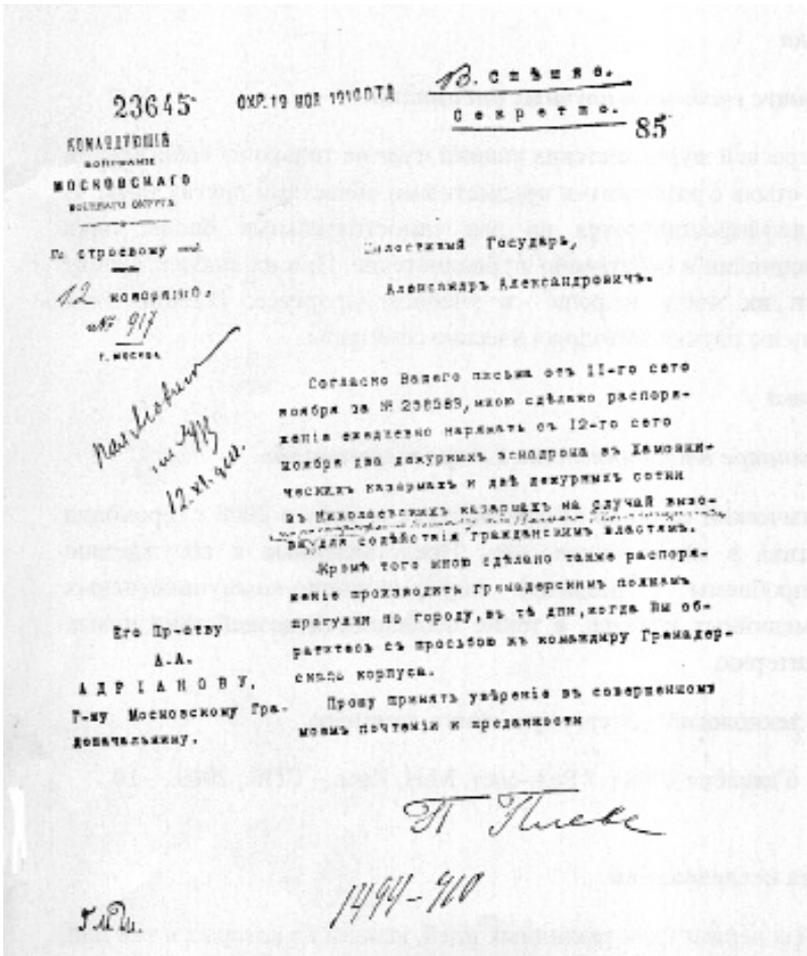
¹ На первой странице обложки — портрет Л. Н. Толстого кисти И. Е. Репина 1887 г.;
основной фон обложки воспроизводит рисунок обоев комнаты, в которой умер писатель.

Передана		ТЕЛЕГРАФЪ РЕДАКЦИОННО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.		За передачу	Листы
1910		1910		1	2
Станция		В. Ассими		Итого...	
Телеграмма №		809		1	
Результат		ПОДАНА.		Служебная отметка	
1	1	1	1	1	1
<u>Сформир.</u>					
Ассими Гурьмову					
<p>Вчера утром состояние сильнейшее утром температура нормальная, теперь снова обостр. встать невозможно. Вечером встать.</p>					

Подлинник телеграммы, написан рукой А. Л. Толстой и подписан ее псевдонимом.

Передана		ТЕЛЕГРАФЪ РЕДАКЦИОННО-УРАЛЬСКОЙ ЖЕЛ. ДОР.		За передачу	Листы
1910		1910		1	1
Станция		В. Ассими		Итого...	
Телеграмма №		57		1	
Результат		ПОДАНА.		Служебная отметка	
1	1	1	1	1	1
<u>Ванни Чертова</u>					
<p>Прожитие и бокалене нижние части живота легкого под правый интереснее. Ветер дует бодрее вперемешку обдув влетают благоприятная дельная изолирована от холода температуры в воздухе в 3 часа</p>					
Владимир					
В. Г. Чертова					

Подлинник телеграммы В. Г. Чертова.

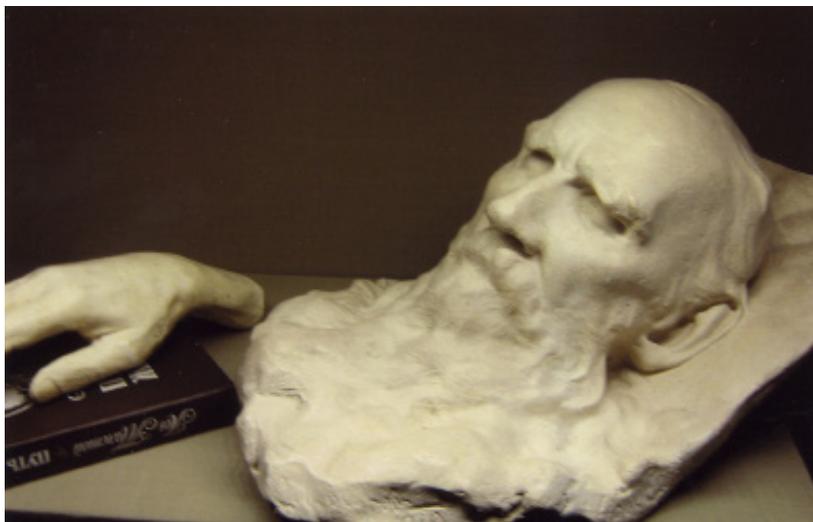

Отношение командующего московским военным округом
 о мерах для подавления демонстраций,
 вызванных смертью Толстого.

Музей «Астапово».
Новая экспозиция «Астаповский меридиан.
На пороге вечности». Фото Г. В. Жиркова. 2010 г.

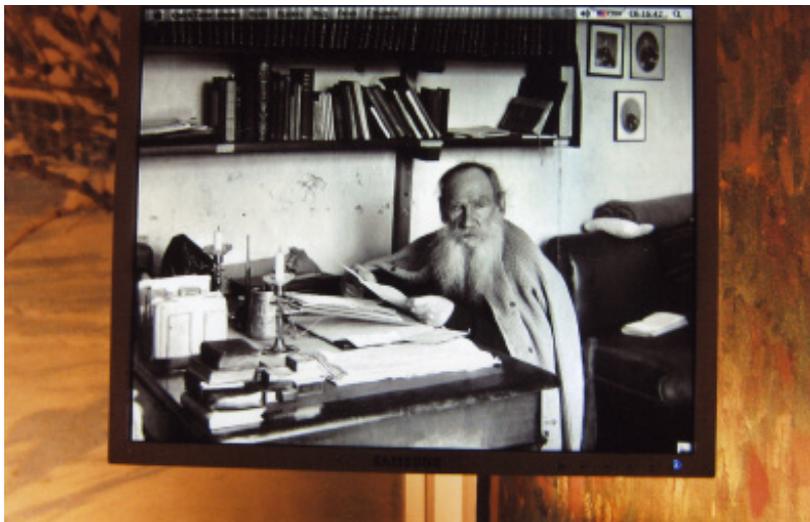
Комната и кровать — там, где Толстого не стало.

Посмертные слепки работы С. Меркулова.

«Деревенская газета», ноябрь 1910 г.

Лев Николаевич Толстой. Фото В. Г. Черткова.

Дворец культуры. Интервью с В. И. Толстым.

Государственный музей Л. Н. Толстого (Москва)

Христос и Толстой (малая скульптура).

Научное издание

Геннадий Васильевич Жирков

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЦЕНЗУРНАЯ НЕДЕЛЯ Л. Н. ТОЛСТОЙ
АСТАПОВСКАЯ ДРАМА

Редактор *И. А. Богданова*

Верстка *Е. П. Смирновой*

Подписано в печать 13.05.2011. Формат 60X84¹/₁₆
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная.
Печ. л. 9,25. Тираж 100 экз. Заказ 77.

Отпечатано в Лаборатории оперативной печати факультета журналистики
Санкт-Петербургского государственного университета
199004, Санкт-Петербург, В. О., 1-я линия, д. 26